

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (10)

Part 1

Academic Journal

Series

*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (10)

Часть 1

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шакарнков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), Е.В. Барышева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.А. Алексеева, ст. науч. сотр. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), А.С. Панов, аспирант (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

О.В. Павленко

- Миф о панславизме в западной историографии
периода холодной войны 9

М.М. Сиротинская

- Принцип интервенции в контексте европейских революций
середины XIX в.: взгляд из США 16

Е.В. Лёкен

- «Вы тоже можете быть такими, как мы»:
образ американизированной Европы в фильмах плана Маршалла 29

Е. Akimova, Z. Dzhaifarova, D. Kurkovskiy, E. Rodina, K. Schroeder

- Why study abroad? A mixed-methods evaluation of the effectiveness
of US–Russia academic exchange programs
(Зачем обучаться за рубежом: методы оценки эффективности программ
академического обмена между США и Россией) 47

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Е.С. Мелкумян

- Новые тренды в политике США в регионе Персидского залива 58

Н.М. Межевич, В.А. Смирнов

- Структурные факторы формирования политических элит
в государствах Прибалтики: 1991–2017 67

И.Е. Ханова

- Казахстан – Узбекистан: история сотрудничества
и перспективы взаимодействия 79

И.А. Баскакова

- Создание международного финансового центра «Астана»
в рамках общего финансового рынка ЕАЭС 90

Общественно-политические процессы и социально-культурные коммуникации: теория и методология

<i>С.С. Новосельский</i>	
«Смута» или «революция»? События 1905 г. в России в оценках представителей власти и консервативных течений общественной мысли	98
<i>А.С. Сакулин</i>	
Нормативный подход как один из способов исследования Governance	109
<i>А.Р. Закиров</i>	
GR-стратегия: этапы реализации	115
<i>Т.В. Баранова, Л.А. Халилова, Л.А. Калямова</i>	
Работа с текстом в учебном пособии нового поколения: теоретические и методические основы	125
<i>И.Ю. Мишота</i>	
Особенности аксиологического подхода в преподавании иностраннных языков в современных условиях	138

Книжная полка

<i>В.И. Журавлева</i>	
Популярная геополитика как социокультурная теория и политическая практика	146
Abstracts	153
Сведения об авторах	159

CONTENTS

International Relations: History, Theory, and Sociocultural Practice

- O. Pavlenko*
Pan-Slavism myth in the Cold War western historiography 9
- M. Sirovinskaya*
Principle of intervention in the context of European revolutions
of the mid-19th century: U.S. perception 16
- E. Loehken*
“You also can be like us”. The image of Americanized Europe
in the Marshall Plan films 29
- E. Akimova, Z. Dzhabarova, D. Kurkovskiy, E. Rodina, K. Schroeder*
Why study abroad? A mixed-methods evaluation of the effectiveness
of US–Russia academic exchange programs 47

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- E. Melkumyan*
New trends of the US policy in The Gulf region 58
- N. Mezhevich, V. Smirnov*
Structural factors forming political elites
in the Baltic States. 1991–2017 67
- I. Khanova*
Kazakhstan – Uzbekistan. History of cooperation
and prospects of interaction 79
- I. Baskakova*
Establishment of the International Financial Center “Astana”
within the EAEU Common Financial Market 90

Sociopolitical Processes and Sociocultural Communications: Theory and Methodology

<i>S. Novoselskiy</i>	
“Disturbance” or “revolution”? 1905 assessed by the representatives of the authority and Russian conservatives	98
<i>A. Sakulin</i>	
Normative approach as one of the methods of Governance research	109
<i>A. Zakirov</i>	
GR-strategies. Stages of realization	115
<i>T. Baranova, L. Khalilova, L. Kalyamova</i>	
Text analysis in a new generation manual. Theoretical and methodological basis	125
<i>I. Mishota</i>	
Features of axiological approach to teaching foreign languages in present-day conditions	138

Bookshelf

<i>V. Zhuravleva</i>	
Popular geopolitics as a sociocultural theory and political practice	146
Abstracts	153
General data about the authors	161

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

О.В. Павленко

Миф о панславизме в западной историографии периода холодной войны

В статье рассмотрены ключевые работы западных авторов о панславизме, опубликованные в период холодной войны. Проанализировано влияние идеологического фактора на исследовательские концепции. Геополитические реалии холодной войны упрочили историографический миф о панславизме, созданный еще в межвоенный период, и способствовали тому, что он вошел в исследования по истории международных отношений и внешней политике России XIX и XX вв. без критического анализа и научного осмысления. Тем не менее наряду с литературой, построенной на идеологических штампах, в США и Западной Европе развивалось научное направление, изучающее славянский фактор во всей его сложности, на основе сопоставления разных источников.

Ключевые слова: панславизм, холодная война, руссика, советология, славянский вопрос.

Пик интереса к славянскому фактору в истории международных отношений пришелся на 1950–1960-е гг. Идеология противостояния в эпоху холодной войны придавала изучению славянской темы острый политический привкус. Во главу угла ставилась категория «политического противостояния», на основе которой создавалась шкала контрастных оценок. Если в межвоенный период оценки «прогрессивный/реакционный» были скорее казусом в западной историографии, то в 1940–1960-е гг. эта нормативная предвзятость утвердилась в исторических исследованиях на Западе и Востоке. Собственно, сама установка представлять

© Павленко О.В., 2017

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 15-18-30087 «Россия – Европа: вехи совместной истории в коллективной памяти. XIX–XX вв.».

прошлое в категориях современного мира и проводить прямые политические аналогии была особенно усилена идеологическими условиями холодной войны. Она была характерна как для западной, так и для советской историографии, особенно в середине XX в. Резко менялась тональность исторических исследований, где становилось нормой придавать изучению прошлого актуальные политические смыслы. Тенденции, заложенные еще в межвоенный период, дали импульс новым историографическим направлениям в эпоху холодной войны.

Неудивительно, что в фокусе пристального внимания оказалась тема панславизма. Восточный блок, созданный СССР после Второй мировой войны, в интерпретациях западной историографии казался воплощением русского панславизма конца XIX в. Соблазн подобных аналогий был настолько велик, что исследователей не смущала ограниченность базы источников и заданная предвзятость подобного подхода. Сочинение Альфреда Фишеля уже воспринималось как достоверный источник, не требующий критического анализа. Из одной работы в другую перетекали одни и те же ссылки на сочинения славянофилов и панславистов. Различие состояло лишь в ригоризме выводов авторов. Это время совпало со становлением русистологии и советологии в американских университетах, когда резко возрос спрос на изучение «русской политики» в США. Неудивительно, что тон в славянских исследованиях задавали американские ученые, большинство из которых были эмигрантами из Восточной Европы в первом или втором поколении.

Благодаря стараниям американского историка Ганса Кона, выходца из Богемии, был реанимирован миф о панславизме. Именно этот ученый придал ему статус историографической концепции, не подлежащей сомнению. К тезису о панславизме, который изнутри взорвал благополучную жизнь Дунайской монархии, Ганс Кон добавил современные политические аналогии. В 1953 г. он издал книгу «Панславизм. Его история и идеология» на основе курса лекций, прочитанного в Университете Нотр-Дам. Он пытался проанализировать развитие славянской идеологии «от Гердера до Сталина». Будучи убежденным русофобом, Г. Кон расценивал панславизм как движение «с ультранационалистическими элементами», «проявление политической слабости» и «реакции славянских народов на германизацию и мадьяризацию»¹.

В книге «Сознание современной России» (1955) Кон ставил вопрос: «В чем истоки экспансионистского способа мышления русских?» Историческую дихотомию «Россия – Запад», сложившуюся в русской интеллектуальной традиции, он описывал через

категорию «русский национальный характер». Не утруждая себя анализом источников, Кон повторял вывод, сделанный западными либералами еще в середине XIX в.: русским свойственен социальный утопизм, склонность к мифологическому мышлению, романтические рефлексии². В этом он видел причину неприятия России в европейской среде: «Глубокий антагонизм, который, по мнению некоторых русских интеллектуалов, отделяет Россию от Запада, наряду с возрастающей силой и агрессивностью русского государства, создал действительно фантом страха перед Россией в Европе в XIX в.»³. Кон шел дальше, утверждая, что коммунистическая идеология СССР генетически связана с имперским панславизмом: «Со времени Погодина до последних лет Сталина, в течение целого столетия, панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство славян до такой степени, что для многих русских стали синонимами слова “русский” и “славянин”»⁴.

Несмотря на подобные утверждения, более соответствовавшие политической публицистике, Г. Кон пользовался репутацией признанного специалиста по панславизму и российской политике. В авторитетной энциклопедии «Британика» (1968) именно ему была доверена статья о панславизме⁵. Не будет преувеличением констатировать, что он заложил основу в изучение панславизма и российской внешней политики в западной историографии, которая продержалась не одно десятилетие. Российские дипломатические источники были зарубежным ученым недоступны, многие из «специалистов по России» не знали толком русского языка, трудов советской историографии по сопредельным темам и документальных публикаций. Большинство зарубежных работ вращалось вокруг определенного корпуса источников, которые цитировали их предшественники еще в конце XIX – начале XX в. Главным было довести до массового сознания мысль о том, что просоветская Восточная Европа является воплощением «великодержавного панславизма».

Исключением из общего потока стали несколько исследований, авторы которых пытались шире взглянуть на славянскую проблематику и выйти из замкнутого круга расхожих идеологических клише. В книге американского ученого Михала Боро Петровича «Возникновение русского панславизма в 1856–1870 гг.» (1956), ставшей частью крупного проекта Русского института при Колумбийском университете, теоретические положения и фактические материалы были сходны с известной книгой А.Н. Пыпина «Панславизм в про-

шлом и настоящем» (1908). Автор неоднократно на нее ссылаясь и многое заимствовал. Понятие «панславизм» он широко трактовал как «различные проявления славянской культурной солидарности, более-менее выраженные политические программы, идеи региональных межславянских союзов»⁶. Отчетливо были выделены две модели – «русский панславизм» и «славянский панславизм», причем последний трактовался исключительно как «культурное явление», не связанное с политикой. Такая позиция хоть и выглядела наивной, но повторяла утверждения славянских интеллектуалов XIX в., которые пытались доказать своим немецким оппонентам, что требование языкового и культурного равноправия славян с немцами не имеет никакой политической подоплеки⁷. «Русский панславизм», по мнению Петровича, превратился в политическую доктрину после поражения России в Крымской войне и стал неотъемлемой частью «государственного национализма»⁸.

В исследовании другого американского слависта, ученика Б. Самнера Н. Риасановского «Россия и Запад в учении славянофилов» (1952) был проанализирован консервативный тип мышления у русских. Автор доказывал, что русский консервативный национализм – совершенно особое явление, которое включает следующие установки: 1) фундаментальные противоречия между Россией и Западом обусловлены историческим развитием и потому неизменны; 2) Россия обладает выраженными преимуществами перед западным обществом; 3) традиционные ценности России истинны и вечны, поэтому в будущем она будет доминировать в мире. «Панславизм» в трактовке Н. Риасановского – это «консервативное националистическое течение», которое «разрушило целостность славянофильского учения» и использовало отдельные его постулаты для обоснования «наиболее экстремальной формы монархизма и консерватизма»⁹. Таким образом, оценка российского консерватизма соответствовала той полемической тональности, в которой его критиковали либеральные мыслители в России на рубеже XIX–XX вв.

В этом же ключе была выдержана книга Ф. Фаднера «Семьдесят лет панславизма в России. От Карамзина к Данилевскому» (1962). «Великодержавный панславизм» исследователь рассматривал как консервативную рефлексию, которую поддерживало царское правительство в условиях «спада международного влияния России после Крымской войны»¹⁰. В то же время Ф. Фаднер подчеркивал, что славянская идея в России имела не только имперскую трактовку. В противовес «государственному национализму» существовало радикально-демократическое направление. В публицистике А. Гер-

цена и М. Бакунина содержался призыв к славянской «демократической солидарности» против тронов Габсбургов и Романовых.

Стоит отметить, что во всех вышеперечисленных трудах ощущается влияние концепции А.Н. Пыпина. Эти работы составили отдельную группу в американских славистических исследованиях, существенно отличающуюся от упрощенных идеологических схем в духе Г. Кона.

Исследование славянского фактора было продолжено в работах Д.Ф. Брэдли, специалиста по дипломатической истории. Особое внимание он уделил чешскому национализму, который рассматривал как «типичное проявление чувства национального самосохранения у «малого» народа, поставленного перед угрозой ассимиляции»¹¹. Панславизм, по его мнению, использовался чехами как средство политического давления на Вену и не являлся целью национальной политики. Более того, ссылаясь на донесения французских дипломатов, имевших конфиденциальные источники информации среди чешских политиков, Брэдли отмечал, что Россия также не стремилась к перекройке государственных границ Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Чехи лавировали между Петербургом и Парижем, пытаясь выработать свою внешнеполитическую стратегию. При знакомстве с дипломатическими документами профессиональные историки понимали, что историографический миф о «панславистской угрозе» России не выдерживает критики.

По-новому смог осмыслить тему панславизма профессор Иллинойского университета Стэнли Б. Кимбалл в монографиях «Чешский национализм. Исследование национального театрального движения. 1845–1883 гг.» (1964) и «Австро-славянское возрождение» (1973). Он обратил внимание на компенсаторную функцию национализмов малых народов. «Это была в определенной степени манифестация, стремление возродить средневековые утраченные традиции и достоинство»¹². Ему удалось провести успешное сравнительное изучение всех славянских матриц, существовавших на территории монархии Габсбургов. На основе широкого массива источников С. Кимбалл пришел к выводу, что панславизм представлял собой широкое движение среди патриотической интеллигенции, направленное на расширение культурных взаимосвязей и укрепление политической солидарности австрийских славян¹³.

Так постепенно идеологическая предвзятость в отношении понятия «панславизм» в западной историографии преодолевалась, несмотря на заданную политизацию русской темы. Если в много-томной энциклопедии «Американа» (1986) еще продолжали сохраняться упрощенные формулировки¹⁴, то во французской энци-

клопедии «Ла русс», напротив, отмечалось, что панславизм потерял свое влияние в России еще в царствование Александра II, а к концу XIX в. эти взгляды были свойственны лишь представителям крайне правой оппозиции. В самом движении за общеславянское объединение выделялись различные политические течения – консервативное, либеральное и радикально-демократическое¹⁵. В немецком энциклопедическом издании «Бертельсманн» (1977) понятие «панславизм» трактовалось широко как движение с целью культурного и политического объединения всех славянских народов. К нему были отнесены: австрославизм, иллиризм, польский мессианизм. Особо подчеркивалось, что в России под влиянием «деспотического государственного устройства» мессианские идеи превратились в панрусизм, ставший «мощным инструментом проникновения России на Балканы». Однако осторожно добавлялось, что «понятие панславизм было отвергнуто советским правительством, стремившимся возродить идею славянской взаимности во время Второй мировой войны»¹⁶.

Таким образом, геополитические реалии холодной войны упростили историографический миф о панславизме, созданный еще в межвоенный период. На волне роста интереса к россике и советологии в западной историографии он легко вошел в многочисленные исследования по истории международных отношений и внешней политике России не только XIX, но и XX столетия, без должного критического анализа и научного осмысления. Тем не менее наряду с литературой, построенной на идеологических штампах, свойственных мышлению холодной войны, в США и Западной Европе развивалось научное направление, изучающее славянский фактор во всей его сложности, каждый раз применительно к конкретной исторической ситуации на основе сопоставления разных источников.

Примечания

- ¹ *Kohn H.* Pan-Slavism. Its History and Ideology. Univ. of Notre Dame Press, 1953. P. 1–7; 251–252.
- ² *Kohn H.* The Mind of Modern Russia. Historical and Political Thought of Russia's Great Age. New Jersey; New Brunswick, 1955. P. 9–11.
- ³ *Ibid.* P. 22.
- ⁴ *Ibid.* P. 69.
- ⁵ *Kohn H.* Pan-Slavism // Encyclopaedia Britannica. Chicago, 1968. Vol. 17.
- ⁶ *Petrovich M.B.* The Emergence of Russian Pan-Slavism, 1856–1870. Studies of the Russian Institute of Columbia University. N. Y., 1956. P. X.

- ⁷ Ibid. P. 17–31.
- ⁸ Ibid. P. 51–53.
- ⁹ *Riasanovsky N.V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology. Cambridge, 1952. P. 202–210 (Впоследствии эти же идеи были изложены ученым в книге: *Riasanovsky N.V.* A History of Russia. N. Y., 1963).
- ¹⁰ *Fadner F.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: From Karamzin to Danilevsky. 1800–1870. Washington, 1962. P. 404.
- ¹¹ *Bradley J.F.N.* Czech Nationalism in the Light of French Diplomatic Reports. 1867–1914 // *The Slavonic and East European Review*. 1963. Dec. Vol. 42. № 98. P. 38–53; *Idem.* Czech Pan-Slavism before the First World War // *Ibid.* 1961. Dec. Vol. 40. № 94. P. 184–205.
- ¹² *Kimball S.B.* Czech Nationalism. A Study of the National Theatre Movement. 1845–1886. Illinois, 1964. P. 110.
- ¹³ *Kimball S.B.* The Austro-Slav Revival. A Study of Nineteenth-Century Literary Foundations. Philadelphia, 1973.
- ¹⁴ Панславизм трактовался как «движение XIX века, корни которого уходят в более ранний период, обосновавшее идею унификации всех славян на географической, языковой, этнической и религиозной основе. Движение, которое возродилось в результате усилий советского правительства во время Второй мировой войны» (*Czap P.* Pan-Slavism // *Encyclopedia Americana*. N. Y., 1986. Vol. 21. P. 248).
- ¹⁵ Panslawism // *Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse*. P., 1985. Vol. 8.
- ¹⁶ Panslawismus // *Das Bertelsmann Lexikothek*. München, 1977. Bd. 7.

Принцип интервенции в контексте европейских революций середины XIX в.: взгляд из США

В статье анализируется, по материалам Конгресса и американской прессы, понимание американскими современниками принципа интервенции в контексте визита в Соединенные Штаты лидера венгерского национального движения Лайоша Кошута (конец 1851 – первая половина 1852 г.). Восприятие доктрины и политики интервенции отражало их секционные, партийно-политические, этнические предубеждения. В воображении многих американцев интервенция отделяется от войны, в особенности рассматриваемой с точки зрения «справедливой войны». Принцип интервенции ассоциируется частью общественности, и прежде всего сторонниками «Молодой Америки» – группировки в Демократической партии США, и рядом их противников, со сдерживанием или распространением революционной идеологии. Интервенция мыслится как средство изменения международного порядка, как транснациональная практика. То есть предлагается трактовка идеи интервенции, созвучная модерну.

Ключевые слова: принцип интервенции, Лайош Кошут, революции середины XIX в. в Европе, восприятие в США.

Исследователи относят первое зафиксированное употребление глагола «совершать интервенцию» (“intervene”) в Оксфордском словаре английского языка к 1580-м гг., хотя, вероятно, данный термин использовался и ранее. Известно также, что глагол “intervenir” и существительное “intervention” встречались во французском языке в XIV столетии¹. В рамках Вестфальской системы международных отношений право на интервенцию одного государства в дела другого нередко рассматривалось в контексте политики европейских стран, направленной на поддержание баланса сил. Ряд

ученых, подразумевая под интервенцией в современном смысле слова главным образом насильственное, вооруженное, «диктаторское», по выражению известного немецкого юриста Л. Оппенгейма², вмешательство одного государства в конфликты за пределами собственных границ (без приглашения правительства страны, на территории которой происходит применение силы), связывают концепцию и практику интервенции с эпохой модерна³. По заключению влиятельного американского правоведа, дипломата XIX в. Г. Уитона⁴, в период Французской революции конца XVIII в. коалиция союзных держав – Пруссии, Австрии, Великобритании и других государств – развязала войну против Франции для того, чтобы контролировать прогресс ее революционных принципов и расширение ее военной мощи⁵.

Обсуждение доктрины интервенции в межгосударственных отношениях получает импульс после 1815 г. Принцип интервенции ассоциируется с политикой Священного союза. Как известно, на конгрессе в Троппау 1820 г. Россией, Австрией и Пруссией был принят протокол, одобрявший военное вмешательство в дела иностранного государства с целью подавления революционного движения. Уитон приводит примеры классических интервенций Священного союза: Австрийской империи – в Неаполитанское королевство в 1821 г., Франции – в Испанию в 1823 г., Англии – в Португалию в 1826 г., усилия Великобритании и США не допустить будто бы предполагавшееся вмешательство Священного союза в войну латиноамериканских колоний Испании, в конечном итоге приведшие к знаменитому посланию Монро Конгрессу в декабре 1823 г. По заключению Уитона, основной задачей сформированного в 1818 г. «европейского концерта» было подавление любого революционного движения, постоянная система интервенции⁶. Более поздние издания сочинений американского правоведа дополнены рассмотрением вмешательства пентархии в решение бельгийского вопроса в 1830–1839 гг. (даты интервенций уточнены современным американским историком Н. Онуфом⁷). Уитон также говорит о вмешательстве великих держав в дела Османской империи.

Демократическая общественность в целом подвергает осуждению политику насильственной интервенции, рассматривая ее как нарушение суверенитета нации. Однако, считают исследователи, примерно со второй четверти XIX в. в межгосударственных отношениях стал порицаться и принцип абсолютного невмешательства. Если, как утверждается, монархи имеют право на объединение в борьбе против революции, то почему народы такого права лишены? Подчеркивается необходимость определенных ограничений

практики невмешательства. Допускается интервенция с применением оружия якобы с благими намерениями – в случаях, когда надо положить конец «тирании» правителя (сюда иногда включаются и интервенции в целях оказания помощи национальным движениям против иноземного ига), затяжным гражданским войнам, по гуманитарным мотивам (термин «гуманитарная интервенция», по мнению специалистов, впервые употребляется британским юристом У.Э. Холлом в 1880 г. в его работе «Международное право»⁸, в том же году переименованной в «Трактат по международному праву»).

По-видимому, после интервенции России в Венгрию в 1849 г. в целях защиты целостности Австрийской империи (Венгрия входила в состав Австрии) начинает использоваться формулировка «интервенция ради невмешательства» (“intervention for non-intervention”). Имеется в виду возможное в будущем совместное вмешательство Вашингтона и Лондона в защиту мадьяров для противодействия царской интервенции. Специалисты не пришли к единому заключению по поводу автора и даты появления этой фразы. В своей статье «О невмешательстве» (1851) известный итальянский революционер Дж. Мадзини говорит о возможности «сотрудничества народов против деспотов», выступления английского народа на стороне Венгрии в 1849 г.⁹, но словосочетание «интервенция ради невмешательства» он не употребляет. В своей знаменитой статье «Несколько слов о невмешательстве» английский философ Дж.С. Милль рассуждает о случаях, когда «интервенция ради невмешательства» (“intervention to enforce non-intervention”) «всегда справедлива, всегда моральна, хотя и не всегда целесообразна»¹⁰. Однако эта работа появилась в английском журнале “Fraser’s Magazine” позднее, в декабре 1859 г.

Между тем в конце 1851 – первой половине 1852 г., в период пребывания в республике Нового Света в качестве «гостя нации» (в декабре 1851 г. десятки тысяч жителей Нью-Йорка вышли на Бродвей, чтобы приветствовать «Вашингтона Венгрии»), лидер венгерского национального движения Л. Кошут, агитируя за оказание помощи мадьярам, чья «национальность» якобы сложилась до интервенции Санкт-Петербурга, использует данную формулировку. Так, свое выступление в Вашингтоне на заседании Джексонской демократической ассоциации в январе 1852 г., где присутствовало много его сторонников, Кошут завершает призывом к «интервенции ради невмешательства»¹¹.

В январе 1852 г. сенатор-виг от штата Род-Айленд Дж. Кларк вносит резолюции о принципе невмешательства (non-intervention) США в дела других государств. Он апеллирует к именам «отцов-

основателей», в особенности к Прощальному посланию Дж. Вашингтона к нации 1796 г. Как известно, еще в период Французской революции конца XVIII в. полемика в молодой североамериканской республике о характере внешнеполитического курса Соединенных Штатов в отношении республиканской «сестры» вписалась в противостояние федералистов и джефферсоновских республиканцев. Первый президент США подчеркивал важность развития торговых отношений с иностранными государствами «при минимально возможных политических связях» с ними¹². Кларк недоволен «шумихой» вокруг венгерского патриота. Необходимо, утверждает сенатор, следовать рекомендациям Вашингтона о правилах поведения североамериканской республики на международной арене. Он проводит параллели между призывами Кошута и французского посланника в США, жирондиста Э. Женэ в 1793 г.¹³ (последний вмешивался во внутривластную борьбу в Америке¹⁴).

Предложения Кларка, приезд венгерского революционера дали толчок дискуссиям в Конгрессе и в целом в американском обществе о политике Соединенных Штатов в отношении революционной Европы. В научной литературе преимущественное внимание уделялось изучению истории «гуманитарной интервенции» в свете решения европейскими державами Восточного вопроса, проблем работоторговли, происхождения доктрины Монро, анализа правоведческой мысли. Думается, порой учеными упускается из виду американская «сцена» в середине XIX в.¹⁵ Представляется интересным проследить по материалам Конгресса и американской прессы (использована база данных “Chronicling of America”¹⁶), как понимался современниками в США принцип интервенции в контексте революций в Старом Свете.

С некоторой долей условности в это время можно выделить несколько подходов к рассмотрению теории и практики интервенции США в европейские дела. Первый – категорическое неприятие принципа интервенции. Второй – одобрение интервенции, в том числе вооруженной, в европейские коллизии. Третий – признание возможности дипломатического, морального, материального вмешательства, но ни в коем случае не военной интервенции. Различным было и восприятие миссии североамериканской республики в отношении Европы.

Резолюции Кларка поддерживает ряд сенаторов. В их представлении фигура Дж. Вашингтона приобретает прямо-таки сакральное значение. Отдельные депутаты вообще отвергают какую-то особую миссию североамериканской республики в отношении народов Старого Света, другие (к примеру, сенатор-демократ из Ала-

бамы Й. Клеменс) переносят ее на неопределенное будущее, говоря в настоящем о «миссии мира», «миссии примера». Сенатор-виг из Кентукки Дж.Р. Андервуд проводит водораздел между Американской революцией и освободительной борьбой венгров. Кошут, ворчит он, провозгласил себя «политическим миссионером» и пытается обучать нас, «наследников 76-го». Магьярский революционер хочет, чтобы Соединенные Штаты «осуществили вмешательство против интервенции» (России. – М. С.), и тем самым он подвергает Соединенные Штаты опасности вовлечения в войну¹⁷.

Южные периодические издания, некоторые газеты Вашингтона этого направления употребляют словосочетание «интервенция ради невмешательства» применительно к межгосударственным отношениям и говорят о новизне доктрины в ее трактовке Кошутом и его сторонниками, обвиняют «гостя нации» в разжигании войны. Вигская газета Нового Орлеана “New Orleans Daily Crescent” иронизирует над концепцией «интервенция ради невмешательства», посвятив ей отдельную статью. Газета южных радикалов “Southern Press” (издавалась в Вашингтоне) цитирует виргинскую газету “Richmond Examiner”, которая делает упор на том, что венгерский революционер «продвигает американскую интервенцию в Европу»¹⁸. Вашингтонские вигские газеты “National Intelligencer”, орган президентской администрации М. Филлмора “Republic” обвиняют нью-йоркскую газету “New York Times” (она выходила с сентября 1851 г.) в попытках изменения внешнеполитического курса США в отношении Европы. Публицист “National Intelligencer” приписывает редактору “New York Times” Г. Реймонду, который-де недавно вернулся из Европы и находится под впечатлением новых теорий международных отношений, стремление вовлечь Соединенные Штаты в борьбу за независимость поляков, итальянцев, венгров и других «угнетенных национальностей». Колумнист “National Intelligencer” прямо объявляет: доктрина вмешательства в дела европейских наций «иностранный происхождения»¹⁹. При этом публицисты “National Intelligencer” выражают уверенность в том, что концепция и политика интервенции олицетворяют революционную эпоху: военное вмешательство используется как европейскими монархами для противодействия революции, так и их идеологическими противниками, республиками-«сестрами», для распространения ее идей и поддержки друг друга.

Кошут и революционеры Старого Света с их социальными «эксцессами» в репрезентации этой части американской ответственности, отражающей воззрения преимущественно Юга Соединенных Штатов и Новой Англии и демонстрирующей бóльшую

приверженность традиционным ценностям, боязнь социальных перемен, представляют враждебного «другого», не имеющего ничего общего с наследием Войны за независимость. В то же время иногда высказываются и весьма здравые суждения, свидетельствующие о неплохом знании европейских реалий. Развивается тезис о войне в Венгрии как конфликте «рас», где мадьярская «национальность» вела борьбу за доминирование над невенгерскими народами. Ряд депутатов подвергает сомнению существование венгерской «национальности» до царской интервенции. Подчеркиваются некоторые негативные черты характера Кошута и ряда его друзей, их популизм и стремление извлечь политические дивиденды путем завоевания голосов иммигрантов и т. д.

В противовес резолюциям Кларка в Сенате выдвигаются ответственные резолюции в адрес Кошута. Особенную активность проявляет молодой Уильям Сьюард. Будущий член Республиканской партии, государственный секретарь США в период президентства А. Линкольна, сенатор от штата Нью-Йорк к этому времени был хорошо известен прежде всего как лидер радикального крыла Вигской партии, противник рабства. В выступлении в Конгрессе 9 марта 1852 г. он – практически единственный среди северных сенаторов-вигов – оказал безоговорочную поддержку мадьярскому патриоту и допустил в крайнем случае возможность вооруженной интервенции в дела Европы, ибо, заявил он, американцы не могут проявлять безразличие к актам «национальной несправедливости, угнетения и узурпации». Французскую революцию 1789 г. Сьюард называл Американской революцией, положившей начало новому развитию Европы, проводил прямые параллели между революцией в Париже и венгерским национальным движением²⁰. О рабстве, правда, не было произнесено ни слова.

Наиболее решительно к отказу от абсолютного принципа невмешательства в международных отношениях призывают лидеры партийной организации Демократической партии в Нью-Йорке – Таммани-холл (в середине XIX столетия здесь значительное влияние имеют ирландские иммигранты), многие последователи «Молодой Америки» – группировки в Демократической партии США. Термины «интервенция» и «вмешательство» (interference) часто употребляются как синонимы. Американской революции в этой связи придается поистине универсальное значение, а ее наследниками предстают европейские революции середины XIX в.

Хотя при обсуждении резолюций Кларка термин «интервенция ради невмешательства» «молодыми демократами», судя по всему, не использовался, по существу о нем шла речь. Политики «прогрес-

сивной школы», подчеркивает младоамериканец, сенатор из Луизианы П. Сулэ, пытаются инициировать «систему вмешательства (interference) в дела других наций». По словам А. Уокера, представляющего в Сенате штат Висконсин, когда народ поднимается для того, чтобы сбросить иго «тирании», а иноземная держава осуществляет интервенцию для оказания помощи деспоту, подавления «национальности и независимости», подобные действия становятся предметом «международной озабоченности», и США совместно с Англией должны вмешаться (interpose), используя «моральную и физическую силу». Официальный орган Демократической партии вашингтонская газета “Daily Union” истолковывает слова Уокера как призыв «осуществить “интервенцию (intervene) против интервенции” в дела Венгрии»²¹. Интервенция США, утверждает Уокер, необязательно приведет к войне, но даже война будет «священной для дела мира».

В отличие от Уокера и Сулэ кандидат в президенты США от «Молодой Америки» С. Дуглас и сенатор от штата Нью-Джерси Р. Стоктон делают различие между доктриной и политикой интервенции, в целом одобряя первую и оговаривая вторую определенными обстоятельствами, конкретной политической ситуацией. Они теоретически признают долг США перед другими народами, одобряют принцип интервенции в пользу «угнетенного народа, просящего о помощи», но высказываются о возможном вмешательстве североамериканской республики в защиту Венгрии весьма расплывчато, откладывая его на неопределенное будущее и оговаривая его внешне- и внутривнутриполитическими интересами Вашингтона, соображениями национальной безопасности, международной обстановкой. 7 января 1852 г. на обеде в Вашингтоне, организованном членами Конгресса в честь мадьяра²², Дуглас, в отличие от разгоряченного напитками государственного секретаря Д. Уэбстера, который произнес тост за независимость Венгрии и «отдельную» венгерскую «национальность», сдержан и лаконичен: в случае будущей войны Венгрии за свободу ее друзья во всем мире должны объявить европейским деспотам: «Руки прочь... честная борьба...»²³ На следующий день на торжественном банкете Джексоновской демократической ассоциации (за столом разместились около 400 приглашенных – мужчин-политиков, журналистов, а также леди – их жен, сестер, подруг), где в качестве специального гостя присутствует Кошут, сенатор из Иллинойса привычно разыгрывает антианглийскую карту, защищает экспансионистскую политику США, атакует вигскую администрацию²⁴. Дуглас избегает термина «интервенция».

Ряд «прогрессивных демократов» говорят о принципах «справедливости», моральных обязательствах американцев, нарушениях международного права, но преимущественно – об интересах Соединенных Штатов, их безопасности, экономических соображениях. В этом смысле вряд ли они имеют в виду интервенцию по гуманитарным мотивам.

Принцип интервенции «молодые демократы» ассоциируют и с безудержной экспансией в Западном полушарии, с «предопределением судьбы» (Manifest Destiny). Сулэ взывает к «печати судьбы», которая лежит на североамериканской республике, к «Божественной мудрости». Он оправдывает постоянное развитие, продвижение, экспансию: «Вперед, вперед – бьется сердце каждого американца, инерция – это смерть», – восклицает луизианский сенатор. В то же время обязанность американцев – распространять американский пример. Сочувствующий «Молодой Америке» конгрессмен-демократ из Огайо Дэвид Дисни в декабре 1851 г. высказывается практически в том же духе: он уповает на «судьбу», которая «зовет нас вперед». По его словам, у страны есть «высокая и благородная» миссия в отношении народов Европы. Североамериканская республика имеет право выразить протест против интервенции, даже «силой оружия»²⁵. Таким образом, в трактовке Дисни и Уокера, «обязательства» Соединенных Штатов перед европейскими народами скорее политического свойства. «Миссия» республики Нового Света посредством интервенции и «миссия» посредством примера (“exemplarist”) зачастую переплетаются. Ассоциации с проблемой рабства в целом не проводится – многие младоамериканцы были противниками аболиционизма.

Судя по откликам в американской прессе, еще до приезда Кошута в США большой резонанс вызвала речь молодого адвоката, журналиста из Цинциннати (Огайо), сторонника «Молодой Америки» У. Корри на одном из массовых митингов Таммани-холл в Нью-Йорке. Корри делает акцент на «смешении рас» в Америке, подчеркивает важность укрепления мощи страны, но также разглагольствует об ответственности Соединенных Штатов за судьбы свободы во всем мире. Он заявляет об особой «миссии» США: «Мы завершили первую войну за независимость только благодаря иностранной помощи, и мы должны... начать вторую войну за независимость ради самих себя и всего человечества...» В адресе Таммани-холл содержались резолюции с обращением к правительству США к отказу в будущем от «догм нейтралитета во внешней политике», призыв предпринять «моральные и политические» меры для оказания помощи Венгрии. Утверждалось, будто судьба Римской

республики могла быть иной, если бы у власти в 1849 г. находилась Демократическая партия²⁶.

Особое негодование автора статьи «Интервенция» в печатном органе «Молодой Америки» журнале “Democratic Review” (издавался в Нью-Йорке) вызывают интервенции Французской республики в Рим в 1849 г., России – в Польшу в 1830–1831 гг. Российскую интервенцию в Венгрию публицист называет «грандиозной интервенцией в дела всей западной (цивилизованной) Европы»²⁷. В то же время отмечается сложность и неоднозначность политики великих держав: когда им было выгодно, они в своих интересах временно отказывались от принципа интервенции. Исключение не представляла и Великобритания.

“Democratic Review” придает большое значение французской «интервенции» в Северную Америку с целью оказания помощи колонистам, без которой, как утверждается, патриоты могли бы не добиться успеха. Французская революция интерпретируется скорее как война за независимость против коалиции европейских монархий.

Подобное восприятие принципа интервенции свидетельствует об устремлениях ряда демократов, преимущественно радикальных, Северо-Запада США. Их лидеры рассчитывали привлечь голоса европейских иммигрантов на президентских выборах 1852 г. (собственно, некоторые из них сами были иммигрантами).

Характерный пример третьего подхода к пониманию принципа интервенции в отношении народов Старого Света – позиция газеты “New York Times”, редактор которой Г. Реймонд, в будущем – республиканец, представлял северное крыло Вигской партии. Он являлся горячим поклонником Кошута (большая часть новостных колонок отдавалась выступлениям венгерского патриота, что, как считает ряд исследователей, нарушало провозглашенную газетой беспристрастность в оценке событий²⁸). Публицисты “New York Times” отвергают обвинения “National Intelligencer” и “Republic” в том, что газета пропагандирует использование Соединенными Штатами оружия для того, чтобы помешать российскому вмешательству в дела Венгрии. Они уповают на дипломатическую, моральную, финансовую поддержку мадяров. Нашей внешней политике, пишет один из колумнистов, необходимо придать «подлинно республиканский тон» и выразить решительный протест дипломатическим путем против нарушений международного права монархическими державами²⁹. “New York Times” уделяет значительное внимание позиции Юга в отношении Кошута и принципа интервенции. Она усматривает непоследовательность большинства

южан в их враждебности Кошуту и доктрине «интервенции ради невмешательства»³⁰. В нью-йоркской прессе этого направления можно встретить ссылки на «новую» доктрину³¹.

Таким образом, как показывают протоколы Конгресса и материалы периодической печати, в период пребывания Л. Кошута в республике Нового Света идея возможной интервенции США в дела Европы вызвала оживленные дискуссии в американском обществе. Ее восприятие отражало в конечном итоге секционные, партийно-политические, этнические пристрастия американских современников. Формулировка «интервенция ради невмешательства» использовалась главным образом в прессе крупных городов – нью-йоркских, вашингтонских, южных (представлявших штаты Луизиана, Виргиния, Теннесси) изданиях, газетах Огайо. Ее нередко признают новой доктриной и называют по-разному: «интервенция ради невмешательства» (“intervention for non-intervention”, “intervention for the sake of non-intervention”), «интервенция в целях невмешательства» (“intervention to secure non-intervention”, “intervention to enforce non-intervention”), «интервенция против интервенции» (“intervention against intervention”), «интервенция для предотвращения интервенции» (“intervention to prevent intervention”) и т. п. В базе данных “Chronicling of America” в этот период можно встретить более 70 ссылок на данное словосочетание. По-видимому, оно было заимствовано у Кошута. В этом смысле не находит подтверждение тезис о том, что его «первооткрывателями» явились Дж.С. Милль или Дж. Мадзини.

В середине XIX столетия, думается, доктрина военной интервенции Вашингтона в дела суверенных государств якобы в благих целях, для оказания помощи «угнетенным национальностям», распространения демократического принципа не встречала одобрение большого числа американцев. Конечно, эта «помощь» народам Старого Света была риторической. Реальной поддержки европейским республиканцам оказано не было. Резолюции Кларка о невмешательстве не были даже поставлены на голосование. В то же время представляется не вполне справедливым замечание Д. Трима о том, что предложения о насильственной интервенции в Венгрию и Польшу в XIX в. не выдвигались (правда, речь идет о западноевропейских либералах)³².

Как свидетельствуют источники, в сознании многих американских современников интервенция отделяется от войны, рассматриваемой с точки зрения «справедливой войны». Принцип интервенции прямо увязывается частью американской общественности, в особенности «молодыми демократами» и рядом их оппонентов,

с расширением или сужением пространства революции (которая порой отождествляется с борьбой за национальное освобождение). Интервенция мыслится как средство изменения международного порядка, как транснациональная практика. То есть по существу предлагается трактовка идеи интервенции, созвучная модерну.

Примечания

- ¹ *Trim D.* Intervention in European History, c. 1520–1850 // Just and Unjust Military Intervention: European Thinkers from Vitoria to Mill / Ed. by S. Recchia, J.M. Welsh. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. P. 23.
- ² *Oppenheim L.* International Law: A Treatise: In 2 vol. 2 ed. (1st ed. 1905–1906). Vol. 1. L.; N. Y.; etc: Longmans, Green and Co, 1912. P. 188–189; *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1974. P. 7–8, 13.
- ³ *Lawson G., Tardelli L.* The Past, Present, and Future of Intervention // Review of International Studies. 2013. Dec. Vol. 39. № 5. P. 4–5.
- ⁴ В 1827–1835 гг. Генри Уитон являлся поверенным в делах США в Дании, в 1835–1846 гг. – посланником в Пруссии. Широкою известность приобрели его многократно переиздававшийся труд «Элементы международного права» (вышел в свет в 1836 г. в Филадельфии и Лондоне), работа «История права народов в Европе и Америке: от раннего времени до Вашингтонского договора 1842 г.» (1845).
- ⁵ *Wheaton H.* Elements of International Law / Ed. by R.H. Dana, Jr. 8 ed. Boston: Little, Brown, and Company, 1866. P. 93 [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.org/details/aeX9046.0001.001.umich.edu> (дата обращения: 06.07.2017).
- ⁶ *Wheaton H.* History of the Law of Nations in Europe and America; From the Earliest Times to the Treaty of Washington, 1842. N. Y.: Gould, Banks & Co, 1845. P. 517. URL: <http://archive.org/details/historyoflawofna00whea> (дата обращения: 06.07.2017).
- ⁷ *Onuf N.* Humanitarian Intervention: The Early Years. P. 15 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalconflictresolution.files.wordpress.com/2010/02/humanitarian-intervention-early-years.pdf> (дата обращения: 06.07.2017).
- ⁸ Словосочетание «гуманитарная интервенция» появляется не в основном тексте, а в ссылке. См.: *Hall W.E.* International Law. Oxford: Clarendon Press, 1880. P. 247.
- ⁹ Цит. по: A Cosmopolitanism of Nations: Giuseppe's Mazzini's Writings on Democracy, Nation Building, and International Relations / Ed. and with an introduction by S. Recchia and N. Urbinati. Transl. by S. Recchia. Princeton: Princeton Univ. Press, 2009. P. 213–218.
- ¹⁰ *Mill J.S.* A Few Words on Non-Intervention. P. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/forep/forep008.pdf> (дата обращения: 06.07.2017); см. также: *Малинова О.Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000. С. 36.

- 11 *Kossuth L.* Aspects of America Toward England // Select Speeches of Kossuth / Condensed and Abridged by F.W. Newman. N. Y.: C.S. Francis & Co, 1854. P. 165.
- 12 Внешняя политика США: Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. С. 24 [Электронный ресурс]. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/vneshnjaja_politika_ssha.pdf (дата обращения: 06.07.2017).
- 13 Appendix to the Congressional Globe. 32nd. Congress. 1st Session. P. 136–137.
- 14 *Краснов Н.А.* Миссия Женэ и нейтралитет США (1793 г.) // Американский ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 139–165; *Филимонова М.А.* Пресса становится властью: политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII в. Курск: Курский гос. ун-т, 2016. С. 137–138.
- 15 Исключения представляют, к примеру, труды Д. Спенсера и других историков. См.: *Spencer D.S.* Louis Kossuth and Young America: A Study of Sectionalism and Foreign Policy, 1848–1852. Columbia: Univ. of Missouri Press, 1977; *Wilson S.J.* Kossuth and American Non-Intervention // Hungarian Studies. 1989. Vol. 5. № 1. P. 39–48.
- 16 Chronicling of America Historic American Newspapers [Электронный ресурс] // Library of Congress. URL: <http://chroniclingamerica.loc.gov/> (дата обращения: 06.07.2017).
- 17 Appendix to the Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 179–181; Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 25–26, 52–53.
- 18 The New Doctrine // Athens Post. 1852. Jan. 2 (газета издавалась в Афинах, штат Теннесси); Kossuth – A Frank Avowal // New Orleans Bee. 1852. Jan. 1; Intervention and Democracy // Idem. 1852. Jan. 3; Intervention for Non-Intervention // New Orleans Daily Crescent. 1852. Apr. 1; Intervention to Secure Non-Intervention // The Southern Press. 1852. Jan. 19.
- 19 Foreign Policy of the United States // Weekly National Intelligencer. 1851. Dec. 13; The Mission of Kossuth // Idem. 1851. Dec. 20; The “New Crusade” // Idem. 1851. Dec. 27; The Hungarian Inroad // Idem. 1852. Jan. 31; Intervention without War // Republic. 1851. Dec. 16; Kossuth // Idem. 1851. Dec. 10, 12; Intervention // Idem. 1852. Jan. 31.
- 20 Appendix to the Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 243–247.
- 21 Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 105; Congress – Wednesday // Daily Union. 1851. Dec. 18.
- 22 *Курилла И.И.* «Войти в круг великих держав...»: Дэниел Уэбстер и внешняя политика США в середине XIX века. Волгоград: ВолГУ, 1997. С. 104.
- 23 Congressional Dinner to Kossuth // Daily Union. 1852. Jan. 8.
- 24 Banquet of the Jackson Democratic Association, January 8, 1852 // Daily Union. 1852. Jan. 9.
- 25 *Soule P.* Speech of Mr Soule, of Louisiana, on Non-Intervention, Delivered in the Senate of the United States, March 22, 1852. Washington: John T. Towers, 1852. P. 37–38 [Электронный ресурс]. URL: <https://ia902609.us.archive.org/23/items/speechofmrsoule00lcsoul/speechofmrsoule00lcsoul.pdf> (дата обращения: 06.07.2017); Congressional Globe. 32nd Congress. 1st Session. P. 173.

- ²⁶ The Democratic Ratification Meeting. Grand Gathering of the Unterrified in Tammany Hall. The Old Wigwam Firing Up. Glorious Enthusiasm. National Platform for 1852. No More Neutrality. Active Alliance with Republicanism throughout the World. Young America in the Field... // *New York Herald*. 1851. Oct. 23; *Progressive Democracy – Foreign Interference* // *Lancaster Gazette*. 1851. Nov. 6 (газета выходила в г. Ланкастер, штат Огайо); *Foreign Policy* // *National Era*. 1851. Nov. 20; *Kossuth and the Democratic General Committee of New York* // *Daily Union*. 1851. Dec. 20.
- ²⁷ *Intervention* // *Democratic Review*. 1852. Jan. P. 57.
- ²⁸ *Davis E.* *History of the New York Times, 1851–1921*. N. Y.: The New York Times, 1921. P. 28. URL: <http://ia800205.us.archive.org/21/items/historyofnewyork00davi/historyofnewyork00davi.pdf> (дата обращения: 06.07.2017). О нью-йоркской прессе подробнее см.: *Алентьева Т.В.* Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США. Курск: Курский гос. ун-т, 2015. С. 105–137.
- ²⁹ *Intervention* // *New York Times*. 1852. Jan. 16; *Kossuth and His Cause* // *Idem*. 1852. Feb. 3; *Hungary. The Question of Intervention* // *Idem*. 1852. Jan. 17; etc.
- ³⁰ *The South and Intervention* // *New York Times*. 1852. Feb. 5.
- ³¹ *Washington. Significant Events* // *New York Daily Tribune*. 1852. Jan. 14; *The Maryland Legislature and Kossuth, &c.* // *Idem*. Jan. 12; *The Maryland Legislature and Kossuth* // *New York Times*. 1852. Jan. 13.
- ³² *Trim D.J.B.* *Conclusion: Humanitarian Intervention in Historical Perspective* // *Humanitarian Intervention: A History* / Ed. by B. Simms and D.J.B. Trim. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 395.

«Вы тоже можете быть такими, как мы»:
образ американизированной Европы в фильмах
плана Маршалла

Статья посвящена анализу фильмов в поддержку плана Маршалла на первом этапе холодной войны. Внимание автора нацелено на изучение пропагандистских стратегий, с помощью которых США формировали у европейского зрителя представление о целях плана и преимуществах беспощинной торговли. Данный ракурс исследования позволяет предположить, что задачи плана Маршалла были гораздо шире его экономической составляющей и включали элементы «мягкой силы». Экспортируя под видом беспрецедентной благотворительной акции американские товары, технологии и культуру, США стремились обеспечить себе надежного стратегического союзника – «Соединенные Штаты Европы», отвечающие американским представлениям о демократии и образе жизни.

Ключевые слова: план Маршалла, холодная война, экономическая экспансия, культурная дипломатия США, послевоенная Европа, пропагандистский кинематограф, «мягкая сила», экспорт культуры, Дж. Маршалл.

«*Вы тоже можете быть такими, как мы*» – под этим слоганом¹ Соединенные Штаты запустили свою первую кинематографическую программу в послевоенной Европе. В результате было создано более 200 короткометражных лент в поддержку плана Маршалла. Фильмы были частью широкой пропагандистской кампании, которая включала в себя многочисленные плакаты, брошюры, радиопередачи, выставки, а также такие оригинальные акции, как, например, запуск воздушных шаров с логотипом плана Маршалла в странах вдоль «железного занавеса». Однако именно кино, благодаря свойственной ему полисемичности и широкому охвату аудитории, представляется одним из самых успешных

пропагандистских средств, нацеленных на реализацию амбициозных задач США в условиях формирования биполярного мира. Кроме того, избранные фильмы на протяжении 50 лет не были доступны широкой аудитории (до включения в программу Берлинского кинофестиваля 2003 г.), а до 1990 г. были вообще запрещены к показу в США.

Данная статья нацелена на выявление концептов кинематографического дискурса и характеристику художественных средств, посредством которых осуществлялась пропаганда курса США на экономическое восстановление Европы. Избранный ракурс исследования позволяет приблизиться к пониманию методов культурной дипломатии США в начале холодной войны, когда американцы способствовали, с одной стороны, продвижению своих экономических и политических интересов, а с другой – формированию представлений об Америке как стране благополучия, способной не только накормить Европу, но и обучить ее секретам американского успеха.

«Если мы не проявим инициативу, это сделают другие»:
предпосылки появления плана Маршалла

Первые послевоенные годы оказались очень непростыми для европейцев. Заместитель государственного секретаря США У. Клейтон, посетивший Старый Свет в мае 1947 г., нарисовал впечатляющую картину бедственного положения Европы в условиях надвигающегося кризиса: платежный дефицит, медленные темпы восстановления экономики, бедность, безработица и голод, усугублявшийся суровыми холодами зимы 1946/47 г.² Столь удручающее положение, по мнению госсекретаря Дж. Маршалла, могло способствовать усилению левых настроений. «Если мы не проявим инициативу, это сделают другие», – отметил он в беседе с дипломатом Дж. Кеннаном³, поручив ему незамедлительно возглавить группу политического планирования для разработки программы экономического восстановления Европы. В основу концепции плана была положена идея о том, что люди, достигшие определенного уровня жизни, не обратятся к тоталитаризму⁴. Железая избежать ошибок «доктрины Трумэна», нацеленной на «сдерживание» СССР путем поддержания демократических сил и режимов по всему миру, но встретившей достаточно противников в республиканском Конгрессе, создатели сделали акцент на экономике, а не на политике.

5 июня 1947 г. Дж. Маршалл выступил в Гарвардском университете с десятиминутной речью, в которой изложил свой план по преодолению кризиса. Несмотря на то что «американский народ далек от многих бедствий, творящихся в мире», госсекретарь призывал своих соотечественников взять на себя ответственность за «нормализацию мировой экономики, без которой не может быть никакой политической стабильности и уверенности в мире на Земле»⁵. Новизна предложения заключалась в том, что инициатива должна была исходить от самих европейцев⁶. После переговоров, продолжавшихся более полугода, закон о Программе восстановления Европы (European Recovery Program – ERP) был подписан президентом Г. Трумэном 3 апреля 1948 г. В плане Маршалла согласилось принять участие 17 стран⁷, обязавшихся полностью исключить коммунистов из своих правительств.

Ключевой целью плана было создание в Западной Европе здоровой экономики, не зависящей от чрезвычайной внешней помощи⁸. В национальных банках стран-участников открывались счета, куда после продажи товаров, импортированных из США, поступали средства в национальной валюте, которые каждая страна могла использовать на собственные нужды согласно четко оговоренному плану. Таким образом обеспечивалась экономическая привязка стран-реципиентов к рынку США. Не менее важным условием получения помощи было постепенное снятие торговых барьеров между государствами-участниками, что рассматривалось как предпосылка для снижения националистических настроений европейцев.

Договор, подписанный с каждой страной, предусматривал особый пункт о распространении информации: 5% бюджета программы уходило на администрирование, популяризацию ее идеи и скрытую пропаганду⁹. Именно эта сравнительно небольшая сумма была предназначена для решения чуть ли не самых важных задач плана, выходящих за рамки его экономической составляющей.

Штаб-квартира киноподразделения находилась в Париже, откуда координировалась работа информационных центров в странах-участниках. Руководство лежало на плечах молодых американцев Л. Вольфа, С. Шульберга, Н. Нилсона и А. Хэмсинга. Кинематографисты по профессии, все они имели богатый опыт службы в армии, прекрасно знали немецкий язык и были полны творческих идей¹⁰. Хэмсинг вспоминал о работе парижского офиса: «Каждый, кто в те годы работал над планом Маршалла, где-то глубоко внутри ощущал, что мы делаем историю: помогаем восстановить континент и воплощаем стремление европейцев к новой единой Европе»¹¹.

Все режиссеры, привлеченные в кинопроект, были европейцами, что стало ключевым элементом концепции программы: ведь кто, как не сами европейцы, смогут наладить диалог с соотечественниками? Американское руководство часто прислушивалось к их рекомендациям, что помогало сделать пропаганду менее навязчивой¹².

Есть проблема? Есть решение и фильм

В основном сюжеты снятых фильмов были сосредоточены вокруг *концепта успешности плана Маршалла*: это истории о восстановлении экономики, успешном преодолении проблем, позитивных переменах, произошедших благодаря заморской помощи. Некоторые из них посвящены общеевропейским проблемам в таких сферах, как транспорт, здравоохранение, сельское хозяйство, строительство жилья¹³. Но в большинстве фильмов рассказывается о конкретной ситуации в той или иной стране: возведение дамб в Нидерландах, строительство Коринфского канала в Греции, восстановление электроснабжения в Западном Берлине, реконструкция электростанций в Норвегии и Австрии¹⁴.

Вот Пьер и Жанна, вынужденные жить в руинах средневекового замка, бродят по разрушенному Кану. План Маршалла помогает им найти счастье в новой квартире. А вот жителей горных греческих селений по дороге в родные места спасает от голода американская помощь (они даже дремлют на мешках с логотипом “ERP” – European Recovery Program). Под звон колоколов, детский смех, свист канатов, говор рынка и скрежет строительных кранов – без каких-либо слов – на наших глазах оживает из руин разбомбленный Роттердам. В свою очередь, фильм «Путешествие в Сардинию» – это рассказ о борьбе науки с природой, о победе над малярией специалистов фонда Рокфеллера, которая противопоставляется былому смирению и безынициативности жителей острова¹⁵.

Нарратив лент выстроен на основе простой схемы – постановка проблемы в начале фильма и ее эффективное решение в конце. Концепты «война», «руины» и «голод» семантически привязаны к прошлому, и оно контрастно противопоставлено будущему. Будущее же всегда наполнено оптимизмом, верой в успех или, если хотите, хэппи-эндом. Эта уверенность передается в лаконичных фразах: «это будет сделано», «растущий потенциал», «лучшая жизнь», «перемены – дело времени», «мирно и уверенно», «здоровье и счастье», «отчаянная энергия», «строить для будущих поколений»

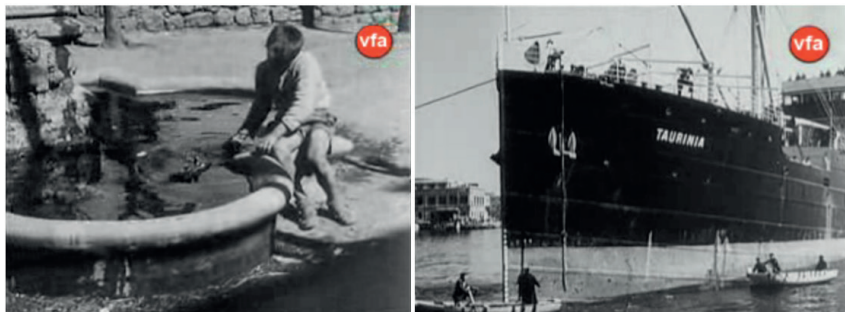

Рис. 1. Источник: “Village Without Words”

(“it will be done”, “growing strength”, “better life”, “change is the matter of time”, “with peace and determination”, “health and happiness”, “desperate energy”, “build for the future generations”).

Один из самых любопытных примеров конфронтации старого и нового представлен в итальянской ленте «Деревня без слов». Лавки, магазины и цеха, пустовавшие в начале фильма, под конец оживают, а улицы наводняются людьми. Даже детская мечта воплощается в реальность благодаря плану Маршалла. Сначала мы видим мальчика, сидящего у фонтана посреди пустынной площади, он запускает в воду игрушечный кораблик. А в следующем кадре появляется настоящий корабль, который привез в город помощь из США (рис. 1). В конце фильма экран заполняют счастливые лица детишек, катающихся на карусели. Лошадка, на которой сидит один из мальчишек, незаметно превращается в живую лошадь, везущую повозку с товаром¹⁶.

Рассказ о значении программы конструируется через счастливые истории европейцев: ведь где, как не в истинно демократическом обществе, решения властей влияют на жизнь граждан? Благодаря плану Маршалла была восстановлена ГЭС в Норвегии, что дало герою фильма шанс остаться в родных краях. Месье Жёлибе получил из Америки трактор и теперь проводит больше времени с семьей. Итальянские дети вылечены от рака в новой больнице. А капитан Николас вновь может перевозить из Пирея товары через Коринфский канал, разрушенный немцами в 1944 г.¹⁷

Еще одна показательная история из фильма «Аквила» отсылает зрителя к «Похитителям велосипедов» – шедевру итальянского неореализма, снятому двумя годами ранее. Герой «Аквилы» тоже неустан-

но ищет работу в надежде прокормить жену и детей. Вновь получив отказ на бирже труда, он даже решается на кражу. От дальнейших ошибок – в отличие от персонажа «Похитителей велосипедов» – его уберег мистер Маршалл: в Триесте открывают нефтеперерабатывающий завод, и счастливый отец теперь гордо спешит с работы домой¹⁸.

Одним из самых трогательных, но в то же время прагматичных сюжетов воплощен в фильме «История Кулы». Греческий мальчик Кириакос всегда мечтал об ослике, который помог бы его дедушке по хозяйству. Когда прибыла помощь из США, он полюбил одного из мулов, назвав его Кулой. Но даже чуткий к животным Кириакос не смог совладать с упрямым питомцем. Согласие наступило, когда на помощь привели греческого ослика. Два животных смогли помочь друг другу, и работа закипела¹⁹. Сюжет фильма был связан с реализацией поставок в Грецию нескольких тысяч мулов из Техаса, Оклахомы и Миссисипи. Крупные животные действительно с трудом приживались на греческих полях, и от местного офиса поступило предложение популяризировать американский проект.

Создатели фильмов старались подчеркнуть национальные особенности той или иной страны. Так, греческие сюжеты – пример гармонии человека с окружающей природой. В итальянских лентах нередко развивается идея о трансформации старого в новое. А вот в немецких – часто затрагивается тема демократии и СССР.

История о том, как бывшие враги стали верными друзьями: Германия – форпост демократии

Фильмы плана Маршалла – наглядный пример эволюции образа Германии в американской пропаганде. Еще несколько лет назад проигравшие в войне немцы подлежали денацификации, направленной на очищение общества от влияния нацистской идеологии (в том числе посредством фильма). Однако с 1947 г. назидательный нарратив постепенно уходит с киноэкранов в американской зоне оккупации, сменившись мягким «переобучением», включавшим в себя дискуссии о демократии, антимилитаризме, правах человека и примирении американцев и немцев. Схожие сюжеты использованы и в фильмах плана Маршалла²⁰, где мирная Западная Германия полноправно включается в европейское пространство (в одном из фильмов подчеркивается факт вхождения «нового партнера» в программу восстановления в 1949 г.).

Важная роль отведена Западному Берлину – островку свободы посреди коммунистического мира. Подчеркивается особое доверие

США к берлинцам как к хранителям демократических ценностей на советской территории (“trust in Berlin’s future”, “frontier of freedom”, “ready to write a new chapter in history of their city”). Только в немецких сюжетах на воображаемой карте Европы появляется СССР – и всегда в роли агрессора. Его упрекают в берлинской блокаде, демонстрации производственного оборудования в счет репараций, нарушении энергоснабжения и разделении города на две части, одна из которых принадлежит «царству тьмы» (“one third of Berlin still lays in shadow behind the Iron Curtain”). Любой успех немцев расценивается как победа над экономической зависимостью от Востока, а беженцы из советской части города рассказывают о невыносимой жизни за «железным занавесом». Связь города с Западом представлена посредством метафоры «свободного неба», где появляются не только самолеты, сбрасывающие продовольствие («изюмные бомбардировщики»), но и воздушные шары с логотипом ERP²¹.

Впрочем, подобный антисоветский прием – исключение для фильмов плана Маршалла. Помимо нескольких немецких лент он присутствовал только в двух поздних картинах («Время выбирать» и «Праздник Троицы» – вторая, впрочем, даже не была выпущена в широкий прокат²²) и серии фильмов «Сила ради свободного мира»²³, которую обычно включают в список фильмов плана Маршалла, хотя она никогда не демонстрировалась в Европе и создавалась специально для американского зрителя (показ фильмов плана Маршалла в США был запрещен еще в 1948 г.²⁴). Главной задачей этой серии было информирование американцев об успехах плана, однако нарратив здесь выстроен в совершенно другом ключе: в контексте маккартистской кампании Москве приписываются чуть ли не все беды европейцев.

Американские технологии – на европейскую почву

Тема экономических инноваций представлена в фильмах кинематографической программы плана Маршалла менее масштабно, но раскрыта крайне убедительно. Следовало заставить жителей Старого Света, привыкших в основном к небольшим семейным предприятиям, поверить в целесообразность внедрения американских массовых технологий, уже давно ставших визитной карточкой США, а теперь и предметом интенсивного экспорта в Европу.

Главный способ снижения издержек и, как следствие, цен – это массовое производство, невозможное без внедрения техники. В фильме «Люди и машины» на примере работы стекольного завода в Германии зрителю доказывают, что использование техники экономит

время, повышает качество, а также позволяет стандартизировать продукцию²⁵. «Еще в начале века француз Л. Рено создавал свой машинный завод на основе принципов массового производства, разработанного Г. Фордом», – слышим мы с экрана. И вот о том, как сохранить качество при фабричном производстве, оживленно рассказывает сама упаковка молока – главный герой фильма «Необычайные приключения кварты молока».

Для того чтобы новые методы производства лучше прижились за границей, американцы отправляли в Европу своих экспертов. Так, в кинохронике профессор Хендерсон из университета Джорджии помогает бельгийцам улучшить стандарты сельскохозяйственного производства и наладить сбыт молока²⁶.

В свою очередь, в фильме «Маркетинг» объясняется, почему так важно соответствие товаров желаниям клиента. Изучение потребностей покупателей и продуманная реклама – часть успешного бизнеса и ключ к сокращению издержек, позволяющий удачнее подбирать цвета, материалы и размеры товара. А благодаря привлекательной упаковке спрос увеличится еще больше²⁷.

Долой торговые барьеры!

Экономическая концепция Европы в рамках плана Маршалла не ограничивалась инновациями в производстве. В международных сделках герои лент предлагают использовать доллар, поскольку он стал мировой валютой в рамках Бреттон-Вудской системы. Фильмы демонстрируют, что США как никогда ранее были заинтересованы в беспошлинной торговле с Европой. Свободный товарообмен распространялся на всю Западную Европу, превращая ее в экономически сильное пространство и усиливая тем самым взаимозависимость стран. Среди фильмов, пропагандирующих снятие торговых барьеров²⁸, наиболее интересным представляется мультфильм «Башмачник и шляпник».

Герои фильма – предприниматели, использующие разные подходы к ведению бизнеса. В стране с высокими ввозными пошлинами шляпник может позволить себе продавать мало шляп по завышенной цене. А башмачнику, день и ночь работающему не покладая рук, не хватает сил производить много обуви. Даже приобретение станка не решает проблему. Чтобы найти импортеров обуви за границей, трудяга отправляется в путешествие. Так он попадает в утопические страны: в одной много машин, которые дорого экспортировать, в другой – избыток леса, который без станков не обработаешь, в третьей – все сделано из сыра, о котором мечтают жители четвертой страны.

Рис. 2. Источник: “The Shoemaker and the Hatter”

Некогда застенчивый башмачник агитирует друзей по несчастью выступить против торговых ограничений. «Многочисленные барьеры разрушают торговлю», – заключает он. В итоге герои добились своего. При новом экономическом порядке жадному шляпнику нет места, и он, разорившись, идет работать на железную дорогу: очень важная профессия в мире, где нет торговых границ²⁹.

Однако «Башмачник и шляпник» – это не просто пособие по мировой торговле. В фильме тонко обыгран вопрос национальных стереотипов и культурной принадлежности. В предпринимателях разных стран можно узнать строгого инженера из Германии, мужественного лесника из Австрии, усатый производитель сыра живет во французских Альпах, а главные герои – пример рациональных предпринимателей родом из Великобритании (рис. 2). Да, Европа очень разная, и ликвидация таможенных барьеров поможет странам обмениваться своим уникальным опытом, не так ли?

Будущее Европы – в детских руках

В фильмах плана Маршалла детям отведена чуть ли не самая главная роль. Им как подрастающему поколению суждено стать хранителями «новой» Европы, где нет не только торговых, но и культурных и национальных границ. Юные европейцы постоянно присутствуют на экране, создавая неповторимую атмосферу. Итальянские ребята запускают кораблики и катаются на карусели, маленький Кириакос укрощает оклахомского мула, бельгийская девочка пробует молоко, произведенное по американским технологиям, рождением ребенка начинается и завершается фильм о преодолении голода.

В свою очередь, юный австриец Ганзль быстро сообразил, что полученные по плану Маршалла цыплята могут приносить прибыль. Внимательно изучив американскую инструкцию по разведению птиц, он кормит животных американским кормом. Через полгода результат налицо: курицы каждый день приносят по яйцу. Это позволяет герою расширить производство и купить себе долгожданный велосипед, а заодно помочь австрийской промышленности³⁰. Сельскохозяйственная кампания, прекрасно обыгранная талантливым режиссером Георгом Треслером, была важна как для Европы, где после войны яйца были очень дорогими³¹, так и для Университета Мэриленда, который осуществлял поставки яиц в Австрию и в те годы вырастил рекордное количество птиц³². В фильме изображен новый тип предпринимателя, который собственноручно освоил новые технологии и успешно применил их на деле. Ганзль – представитель нового поколения, этакий юный европейский self-made man.

Образы детей используются для создания наибольшего визуального контраста³³, как символ успешности и пример для подражания³⁴, но, главное, в качестве олицетворения нового мира и веры в будущее³⁵. В последнем случае наиболее ярким примером являются фильмы «Давайте будем как дети» и «Как пели детишки».

Действие ленты «Давайте будем как дети» происходит на альпийском курорте, где пришлось столкнуться детям разных национальностей. Каждый ребенок говорит на родном языке, и они не понимают друг друга. Вскоре компанию пополняет англичанка Тони, которая безуспешно пытается интегрироваться в разношерстное общество. У детей уже есть занятие: желая получить главный приз в конкурсе, каждый строит свою собственную снежную крепость, и они не принимают Тони в компанию. Конфликт приводит к снежной битве и заканчивается травмой Тони. Перепуганные дети

Рис. 3. Источник: “Let’s Be Childish”

пытаются загладить свою вину, но купить подарок не получилось: у всех в карманах разная валюта. Тогда ребята решают вместе заработать для нее главный приз конкурса: так рождается единый город Тонивиль, названный в честь пострадавшей, и вся команда делит заработанные сладости.

«Дети из разных уголков Европы преодолели языковые барьеры, которые разделяют их страны. Они смогли понять друг друга и объединили усилия, чтобы победить в конкурсе. Их действия могут послужить примером всему миру и стать образцом для подражания взрослых», – символично оглашают во время подведения итогов конкурса³⁶.

Следует отметить оригинальный прием оператора: камера всегда находится на уровне детей, до последней минуты зритель не видит взрослых – только их ноги. Вместе с видами Альп это создает атмосферу изолированного мира детей. Кроме того, сначала камера показывает лица крупным планом, а ближе к концу фильма в кадр попадают целые группы детей, все слабее просматривается их индивидуальность (рис. 3).

Название второго фильма «Как пели детишки» апеллирует к немецкому выражению “Wie die Alten sungen, so zwitschern die Jungen” – «Как поют взрослые, так посвистывают и детишки»³⁷. Однако в ленте первую скрипку играют сами дети – школьники из французского лицея в центре Вены. Здесь учатся дети со всех уголков мира, сюда попадает и юная австрийка Грети, которая не говорит по-французски. Единственный ребенок, у кого ее появление вызвало интерес, – чернокожий мальчик по имени Була³⁸. Благодаря заботе нового друга Грети удается интегрироваться в многонациональное общество: во время посещения венского колеса обозрения она берет на себя роль гида.

От экономического плана
к влиянию на сознание европейцев:
об итогах пропагандистской кампании

Образ единой многонациональной Европы завуалировано присутствует в различных лентах. В ряде фильмов есть отсылки к единым европейским корням, античным истокам или истории города, где происходит действие³⁹, подчеркиваются общеевропейские традиции (“despite the differences these are our own laws, own customs”), важность пограничного сотрудничества. Единство европейцев достигается за счет местоимения «мы», ограничивая пространство «своего» и «чужого», но не упоминая напрямую советского врага: «мы сами должны производить больше еды», «но мы, европейцы...», «у всех 17 стран...», «мы сильны и едины», «европейское сообщество растет», «наша общая цель – лучшая жизнь» (“we must grow more food by ourselves”, “but us Europeans...”, “17 nations altogether...”, “we are strong and single”, “the European community is growing”, “our common purpose for the better life”). Излюбленный прием кинематографистов, работавших в рамках программы, – это быстрые монтажные склейки кадров разных стран или их продукции, поочередное упоминание европейских городов и известных политиков или построение маршрутов, конструирующее границы европейского пространства⁴⁰ (“fields and farms of Europe stretching from fjords in Norway to the gulf of Athens”, “transport coal from Germany, cotton from Belgium and Luxemburg for Italian factories”⁴¹). В том же духе выдержаны плакаты в поддержку плана Маршалла: на них всегда царит дружное соседство жителей Западной Европы, а на одном из них «европейский дом» представлен как гнездо, которое совместно вьется силами нескольких птиц (рис. 4). На

Рис. 4. Источник: Poster Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://sellingdemocracy.org/posters> (дата обращения: 05.08.2017)

уровне риторики мечта о европейской семье воплощена в таких выражениях, как «наше большое стремление», «мечты о европейском единстве», «жить рука об руку» (“our grand desire”, “dreams of European unity”, “Hand im Hand miteinander zu leben”). Чтобы привить чувство межнационального единства, в большинстве стран-участников, как правило, показывались одинаковые ленты, а самые успешные из них переводились на 8–13 языков, даже если фильм был посвящен проблеме какой-то определенной страны⁴².

Таким образом, представляется, что именно концепт «нового европейского дома» является ключевым во всей кампании Маршалла. США смогли создать на экране принципиально новую картину Европы как пространства довольных, процветающих людей (“people who enjoy life”). В фильме конструируется европейская сказка «для своих». Здесь практически отсутствуют «чужие» – лишь подразумевается, что они находятся за пределами замкнутого свободного мира, но отрезаны от него экономически и культурно.

У зрителя не создается впечатление, что «Соединенные Штаты Европы» являются простой копией Америки (и именно в этом заключается главное отличие данной пропагандистской стратегии от

более прямолинейной культурной дипломатии СССР в Восточной Европе). Играя роль наставника Западного мира, США, однако, формально отдают инициативу обыкновенному европейцу – герою и зрителю незатейливых лент. Своей помощью американцы дарят ему шанс достичь счастья по-европейски, оставляя европейцам право спокойно жить на своей территории. Не зря фильмы проникнуты любовью героев к своей земле и труду: голландские рыбаки ловят рыбу в Северном море, норвежцы роют шахты, а греки бережно возделывают поля, зная, что делают это *во благо всей Европы*⁴³. Именно это органичное сочетание локального патриотизма с приверженностью панъевропейской идее – ключевая установка «умной» пропаганды, лишенной всякого намека на экономическую оккупацию (один из фильмов символически называется «Дом, который мы любим» – “The Home We Love”).

Тем не менее с художественной точки зрения рассмотренным фильмам едва ли свойственен европейский почерк. Несмотря на декларировавшуюся формулу «фильмы снимаются только европейцами», сюжетно и стилистически картины невероятно напоминают пропагандистские ленты США времен «Нового курса» Рузвельта (самые известные – «Плуг, нарушивший равнины» и «Река»⁴⁴) и рассказы о процветающей Америке, демонстрировавшиеся немцам несколькими годами ранее в период денацификации и переобучения⁴⁵. Впрочем, это вряд ли могло броситься в глаза среднестатистическому зрителю фильмов плана Маршалла.

Так или иначе, успешность первой общеевропейской кинокампании была налицо (к марту 1951 г. аудитория фильмов составляла уже 2 млн человек, в некоторых странах осведомленность о программе достигла 88–94%⁴⁶). Парадоксально, но именно американцам суждено было первыми столь масштабно визуализировать идею евроинтеграции, которую потом уже сами европейцы реализуют на практике.

США, в свою очередь, добились желаемого: к 1951 г. (когда программу стали постепенно сворачивать, отчасти из-за войны в Корее) уровень жизни в Западной Европе достиг довоенных показателей. Разумеется, при таком раскладе у европейцев должно было пропасть всякое желание голосовать за «вражескую» партию. Как и у героя фильма «Аквила»: житель Триеста захаживал на социалистические демонстрации только тогда, когда был безработным и несчастным.

Такой небывалый успех кампании США уже куда более однозначно в 1951 г. описал бизнесмен и один из руководителей плана Маршалла Пол Хоффман: «...впервые Советский Союз был отбро-

шен из Европы, когда гидроэлектростанции, стройки жилых домов и тракторы, поставленные по плану Маршалла, стали манифестом против марксистской диалектики; хлеб и масло господина Маршалла были противопоставлены пустоте Великой Лжи <коммунизма>»⁴⁷.

Фильмография плана Маршалла

- Аквила / Aquila. By E. Jacobo, 1950.
Аура – электричество с севера / Aura – Strom aus dem Norden. By F. Lauritz, 1950.
Башмачник и шляпник / The Shoemaker and the Hatter. By J. Halas, J. Batchelor, 1950.
Без страха / Ohne Furcht. By A. Machinnon, 1951.
Возвращение в горы / Rückkehr in die Berge. By J. Ferno, 1950.
Время выбирать / Hour of Choice. By S. Legg, 1951.
Гавань в Северном море / North Sea Harbor. By MSA Film Section, 1951.
Ганзль и 200 000 цыплят / Hansl und 200 000 Kücken. By G. Tressler, 1952.
Где-то жить / Somewhere to Live. By J. Brunius, 1950.
Город выходит из темноты / City out of Darkness. By Mercurius Film, 1950.
Давайте будем как дети / Let's be Childish. By G. Freedland, 1950.
Два города / Zwei Städte. By S. Schulberg, 1949.
200 000 000 ртов / 200 000 000 Mouths. By J. Spiro, 1950–1951.
Деревня без слов / Village without Words. By D. Kurland, 1950.
Е – как Европа / E Comme Europe. By G. Rádványi, 1952.
Забрасываем сети! / Shoot the Nets..! By H. van der Horst, 1951.
История Кулы / The Story of Koula. By Vittorio Gallo Films, 1951.
История спасения / Rettungsgeschichte. By J. Asseo, 1948–1950.
Как пели детишки / Wie die Jungen sungen. By G. Tressler, 1954.
Коринфский канал / Corinth Canal. By J. Ferno, 1950.
Люди и машины / Men and Machines. By D. Pine, 1951.
Маркетинг / Marketing. By P. Long, 1953.
Невидимая колючая проволока / Der Unsichtbare Stacheldraht. By E. Kroll, 1951.
Невидимая связь / The Invisible Link. By V. Vicas, 1950.
Необычайные приключения кварты молока / The Extraordinary Adventures of the Quart of Milk. By Tele-Radio-Cine. 1951.
Новый огород Траудль / Traudl's neuer Gemüsegarten. By G. Tressler, 1952.

- Осторожно! / Houen zo! By H. van der Horst, 1952.
 Остров / Die Insel. By J. Ferno, 1950.
 План Маршалла в действии: Западная Германия / The Marshall Plan at Work in Western Germany. By J. Hill, 1950.
 Праздник Троицы / Whitsun Holiday. By P. Baylis, 1953.
 Программа восстановления в действии № 2 / E.R.P. in Action № 2. By ECA Film, 1950.
 Производители шелка из Комо / Silkmakers of Como. By M. Ubaldino (дата производства фильма утеряна).
 Пустой стул / Der Leere Stuhl. By J. Lüdke, 1951.
 Путешествие в Сардинию / Adventure in Sardinia. By P. Baylis, 1950.
 Раз, два, три, № 1 / One, Two, Three, № 1. By P. Baylis, 1953.
 Свежий ветер в старых переулках / Frischer Wind in alten Gassen. By F. Buch, 1951.
 Совет Европы / Council of Europe. By MSA Film Section, 1952.
 Твои 80 долларов / Your Eighty Dollars. By MSA Film Section, 1952.
 Трансатлантика / Transatlantique. By A. Sarrut, J. Asseo, 1953.
 Три города / Three Cities. By MSA Film Section, 1952.
 Устраняя преграды / Cleaning the Lines. By K. Mander, 1951.
 Хорошая жизнь / The Good Life. By H. Jennings and G. Wallace, 1951.
 Я и мистер Маршалл / Ich und Mr. Marshall. By S. Schulberg, 1949.

 Примечания

- ¹ *Ellwood D.* You Too Can Be Like Us // *History Today*. 1998. Vol. 48. Nov. P. 34.
- ² *Наринский М.М.* Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис [Электронный ресурс] // Советское общество: возникновение, развитие, финал. Т. 2. М., 1997. URL: http://you1917-91.narod.ru/narinskiy_narast.html (дата обращения: 11.06.2017).
- ³ *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана [Электронный ресурс] // Электронная библиотека PROFILIB. URL: <https://profilib.com/chtenie/96003/dzhordzh-kennan-diplomatiya-vtoroyu-mirovoyu-voynyu-glazami-amerikanskogo-posla-v-sssr-47.php> (дата обращения: 09.08.2017).
- ⁴ *Ellwood D.* The Marshall Plan. A Strategy That Worked // *Foreign Policy Agenda*. 2006. April. P. 18.
- ⁵ The Marshall Plan speech, 5 June 1947 [Электронный ресурс] // OECD Archive. URL: <http://www.oecd.org/general/themarshallplanspeechatharvarduniversity5june1947.htm> (дата обращения: 15.08.2017).
- ⁶ Ibid.

- ⁷ Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Свободная территория Триест, Турция, Франция, Швейцария, Швеция. В 1949 г. к программе присоединилась Западная Германия.
- ⁸ *Ellwood D.* The Marshall Plan. A Strategy That Worked... P. 18.
- ⁹ Selling Democracy, Films of the Marshall Plan: 1947–1955. Berlin Film Festival 2004. Booklet. P. 6; *Schulberg S.* Making Marshall Plan Movies // Film News. 1951. Sept. P. 10–19; *Соднепс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2014. С. 92–93.
- ¹⁰ *Hemsing A.* The Marshall Plan's European Film Unit 1948–1955 // Journal of Film, Radio, and Television. 1994. Vol. 14. № 3. P. 272–273.
- ¹¹ Ibid. P. 269.
- ¹² Ibid. P. 273.
- ¹³ Cleaning the Lines; Good Life; 200 000 000 Mouths; Somewhere to Live.
- ¹⁴ Insel; Corinth Canal; City out of Darkness; Aura – Strom aus dem Norden, Invisible Link.
- ¹⁵ Somewhere to Live; Rückkehr in die Berge; Houen zol; Adventure in Sardinia.
- ¹⁶ Village without words.
- ¹⁷ E.R.P. in Action № 2; Corinth Canal.
- ¹⁸ Aquila.
- ¹⁹ Story of Koula.
- ²⁰ Frischer Wind in alten Gassen; Der leere Stuhl; Unsichtbare Stacheldraht; Zwei Städte.
- ²¹ One, Two, There, № 1; Air of Freedom; City out of Darkness; E.R.P. in Action № 2.
- ²² *Hemsing A.* Op. cit. P. 295.
- ²³ North Sea Harbor; Council of Europe; Three Cities; Your Eighty Dollars, etc.
- ²⁴ United States Information and Educational Exchange Act of 1948 (Smith-Mundt Act) [Электронный ресурс] // The US State Archive. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/177574.pdf> (дата обращения: 12.08.2017).
- ²⁵ Отказ от ручного труда в различных индустриях также проигрывается в фильмах «Башмачник и шляпник», «Рабочий поток», «Производители шелка из Комо».
- ²⁶ E.R.P. in Action № 2.
- ²⁷ Marketing.
- ²⁸ Cleaning the Lines; Rettungsgeschichte; Transatlantique.
- ²⁹ The Shoemaker and the Hatter.
- ³⁰ Hansl und 200 000 Kücken.
- ³¹ *Mehring F.* Propaganda für Demokratie? Deutschland und das “Neue Europa” in den Filmen des Marshallplans [Электронный ресурс] // Filmarchiv des Deutschen Historischen Museums. URL: <http://www.dhm.de/filmarchiv/film-im-kontext/propaganda/> (дата обращения: 01.08.2017).
- ³² UMD Chickens to the Rescue!! [Электронный ресурс] // The University of Maryland Archives. URL: <https://umdarchives.wordpress.com/tag/marshall-plan/> (дата обращения: 28.07.2017).

- ³³ Whitsun Holiday; E.R.P. in Action.
- ³⁴ Frischer Wind in alten Gassen; Hansl und 200 000 Kücken.
- ³⁵ Village without words; The Story of Koula.
- ³⁶ Let's be Childish.
- ³⁷ Wie die Jungen sungен.
- ³⁸ Использование в качестве главного героя чернокожего мальчика было настолько смелым решением Г. Треслера, что привело к разногласиям режиссера с куратором А. Хэмсингом. Ведь и у американцев были свои табуированные темы... Подробнее см.: *Mehring F.* The Promises of "Young Europe" // *European Journal of American Studies.* 2012. Vol. 7. № 2. P. 14.
- ³⁹ Aura – Strom aus dem Norden; Corinth Canal; Cleaning the Lines; Good life; Invisible Link; Men and Machines; Somewhere to Live, etc.
- ⁴⁰ Наибольшее упоминание заслужили Париж (как штаб-квартира плана Маршалла) и Западный Берлин (как форпост холодной войны). Рассказчики регулярно отправляют нас в итальянские, греческие и германские провинции, чуть реже – в Бельгию, Францию и Нидерланды. Довольно часто встречаются Дания, Австрия, Норвегия, Швейцария, Великобритания (последняя – чаще в общеевропейских сюжетах, отдельных фильмов про англичан почти нет: сказывается британский изоляционизм и их нежелание экономической интеграции с континентом). Реже – Триест, Швеция и Ирландия. В фильмах, посвященных отдельным странам, нескольких раз встречается Турция и заморские территории Франции: Париж запросил американские деньги и для них.
- ⁴¹ 200 000 000 Mouths; Cleaning the Lines.
- ⁴² *Hemsing A.* Op. cit. P. 287, 295.
- ⁴³ Shoot the Nets!; Aura – Strom aus dem Norden; Rückkehr in die Berge.
- ⁴⁴ The Plow That Broke the Plains. By Lorentz P., 1936; The River. By Lorentz P., 1938.
- ⁴⁵ The Valley of Tennessee. By Hammid A., 1944; Swedes in America. By Lerner I., 1943; Steeltown. By the OWI, 1944; Cowboy. By the OWI, 1944; The Autobiography of a 'Jeep'. By Lerner I., 1943, etc.
- ⁴⁶ *Mehring F.* Op. cit. P. 4.
- ⁴⁷ *Hoffman P.* Peace can be Won. N.Y., 1951. P. 34.

E. Akimova, Z. Dzhafarova,
D. Kurkovskiy, E. Rodina,
K. Schroeder

Why study abroad? A mixed-methods evaluation of the effectiveness of US–Russia academic exchange programs

This article focuses on the results of the research project that has been realized within The Stanford US – Russia Forum (SURF), which is a platform for Russian and American university students to work together on some of the most important issues two nations face today. Participants of the working group on Education & Foreign Area Studies sought in their research to explore whether bilateral exchanges do in fact serve as an effective tool for producing area studies knowledge in the situation when both the US and Russia have undergone a sharp decline in skilled expertise. The results of the project provide strong evidence for positive program outcomes, especially regarding language acquisition and cultural competence. However, the participants of the project also find that the reviewed orientation pre-exchange materials often contained non-neutral language that may reinforce pre-existing stereotypes.

Keywords: US-Russia relations, area studies, exchange programs.

Only twelve American students studied abroad in the Soviet Union in the late 1950s. Today, the number of American students in Russia is in the thousands². Given the relaxing of borders after the fall of the Soviet Union, and higher rates of academic and professional student contact through bidirectional exchanges, we would expect the number of area studies experts and knowledge formation in both countries to increase, as well as the ubiquity of Cold War-reminiscent rhetoric to decrease³. However, the field of Russian studies has suffered from a sharp decline in skilled area studies knowledge, as well as the perpetuation of stereotype-dominated discourse⁴.

With the Ukrainian crisis and the subsequent escalation of tensions between the US and Russia, the lack of area studies expertise has

become even more apparent. Tsygankov argues that the US was not able “to appreciate and draw relevant conclusions from Russia’s modernization of its military and Special Forces, which were deployed to take control of Crimea in February 2014”⁵. However, it takes even more specialized skills and experience to grasp another country’s intentions, and a successful foreign policy cannot be based merely on stereotypes or intuition. Unfortunately, “the current crisis in US-Russian relations is leading to the destruction of meaningful expert dialogue at all levels”⁶. One way to keep this dialogue alive is through bilateral exchanges, specifically academic exchanges between Russian and American universities.

Much of the literature on study abroad programs focuses on both the long and short-term benefits for individual participants⁷. This view is generally supported only by qualitative approaches and anecdotal evidence, while few large-scale studies have been conducted⁸. Nevertheless, we can divide the scholarship on exchange benefits into two main categories: the accumulation of language skills and the accumulation of cultural knowledge.

Scholarship focused on language skills argues that the main benefit of study abroad is language acquisition in a classroom setting⁹. Barbara Freed writes that it is “often the case that the experience of residing in a country where the language spoken is other than one’s own results in the learning of many aspects of the language of that country”¹⁰. The 20-year longitudinal study determined that exchange programs abroad was an effective way to learn Russian regardless of living environment, particularly when students were assessed alongside peers that had taken Russian at their home colleges¹¹. While few further studies have examined the question of language acquisition, in particular, Mary Dwyer examines the impact of time spent abroad on language outcomes in a 2004 study. She posits that an academic year on exchange is more effective than shorter periods, resulting in foreign language knowledge extending up to 50 years after the end of a program¹².

Beyond language acquisition, other cultural and personal benefits are observed as exchange program outcomes, such as student’s increased situational awareness after studying abroad, as well as the formation of globally-minded perspectives¹³. Delong argues that “survival in today’s knowledge economy requires the acquisition, development, and regular updating of knowledge, skills, competence, and the ability to work cross-culturally,” viewing academic exchange as one possible approach to achieve such a goal¹⁴. Paige further argues for this transformative cultural power of academic exchanges, documenting this role in increasing civic awareness, philanthropic involvement, and international knowledge¹⁵.

Academic exchange presupposes a close connection between the acquisition of so-called academic skills, such as language and subject-specific training, and cultural knowledge. Today, the sociolinguistic acquisition approach to foreign language pedagogy is considered the most effective way to master patterns of native speech¹⁶. Thus, it is vital to balance in-class and peripheral learning for exchange students seeking sociolinguistic competence, or the ability to use language in a range of social and cultural settings.

Apart from acquiring language proficiency, academic exchange offers students intercultural competence, otherwise referred to in our study as non-academic knowledge. Intercultural competence implies an ability to engage, effectively communicate, relate, and work cooperatively with people and communities of distinct backgrounds¹⁷. They argue that such competence cannot be acquired by mere exposure to a foreign culture, but requires active involvement on the part of the student¹⁸. Scholarly attention has focused on intercultural competence throughout the last decade, partially as a reflection of an increasingly globalizing world economy¹⁹. But while the positive outcomes of studying abroad for language acquisition have been effectively measured and documented, intercultural competence is far more subjective, and thus significantly harder to define and to adequately evaluate²⁰.

Scholars point to a range of general problems encountered by exchange students. One is the issue of isolation among exchange students in host countries. In 1955, Schloss described that exchange students were “to a large extent confined to other foreign students frequently from his own country”²¹. His contemporaries mirrored this statement, many of whom detail the problematic nature of cultural assimilation during study abroad experiences²².

The number of such student exchanges between both countries shifted in 2013 when the US State Department discontinued funding for Title VIII. Title VIII had been a means for American scholars to both develop research projects in Russia and obtain language training domestically. The fund also provided resources to universities with Russia-focused centers as a means to train future experts in Russian studies. Beyond individuals, Title VIII provided organizational grants for exchange programs run by institutions including American Councils for International Education, Indiana University, and the University of Arizona. As the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES) reported in 2014, “this means a significant reduction in the number of fellowships and grants available for language training and advanced research in 2013-14,” although funding was recently reopened²³.

Despite such budgetary concerns, educational exchanges remain a crucial tool for public diplomacy in both countries. Alexey Dolinsky notes that Russia has begun to utilize this as a foreign policy instrument in recent years, a concept further explored by Joseph Nye in his analysis of soft power²⁴. However, there is a great need for more clearly defined program goals, as well as for a better assessment of the effectiveness of exchange programs. One logistical barrier to measuring program outcomes is the difficulty of decentralized contact with program alumni. While there are several US government-sponsored platforms that maintain alumni networks and communications, Russia lacks such infrastructure²⁵.

Research questions and hypotheses

In this study, we explore the main differences between student exchange programs in Russia and the US by measuring two main types of exchange results: academic and non-academic knowledge acquisition. We predict more positive traditional academic outcomes for American students on exchange programs in Russia. This is due to the fact that American institutions offer more academic area studies opportunities. Furthermore, Americans are more likely to set forth on a track to become ‘Russia experts’ after program completion²⁶. At the same time, we expect that successful non-academic outcomes, such as cultural assimilation and resistance against stereotype formation are more prevalent among Russian students, because of the looser structure of the most popular academic programs for Russians. This assumption is based on many American programs in Russia perpetuating a certain self-segregation of American students who travel to Russia, only confirming their initial perceptions of the country²⁷. Underlying causes for such perceptions may be supported by the alarmist nature of program handbooks and orientations, as well as previous studies on the general non-assimilationist nature of international students’ social lives at foreign universities²⁸.

Methodology

Our research methodology involves a range of qualitative and quantitative methods including survey data, statistical modeling, and discourse analysis.

Our chief quantitative method included a survey of past exchange program participants. Responses were collected from November 2016

to February 2017. The survey was conducted through a Google-powered form and was distributed on social networks, in addition to program alumni networks and university contacts. Unfortunately, our final results consisted of 54 American and 10 Russian responses, posing a risk to the strength and conclusive viability of the statistical analysis. The statistical tools used allowed us to investigate the data even at this scope; however, conclusions of the quantitative analysis are suggestive and exploratory, rather than prescriptive.

The survey contained both closed- and open-ended questions, which allowed us to analyze the results both qualitatively and quantitatively.

The second method we use is a discourse analysis of guidelines, booklets, instructions, and other texts that program participants are provided with before participating in an academic exchange. We hypothesized that both content and style of written guidelines accompanying or comprising exchange program orientations contribute to the perpetuation of stereotype formation and detrimental clichés about the host country.

We analyze guidelines provided by American programs for US students who go to Russia, as well as those utilized by Russian programs on exchange to the US. We identify a list of themes in these texts that are anomalous or do not coincide with an assumed goal of encouraging and facilitating program participation (and the broad goal of intercultural exchange). Texts may instead prove discouraging for potential participants and rely either explicitly or implicitly on negative terms instead of neutral-positive ones. We discuss which interpretive repertoires are utilized by the authors of the chosen guidelines, and how they contribute to the formation of the foreboding themes that we find in the texts. Finally, we make practical suggestions on potential linguistic and content changes that could effectively improve the tone of program handbooks and produce a more encouraging perspective.

Results

We begin with a descriptive analysis of the background and socio-economic composition of our sample (Table 1):

Both Russia- and US- based survey respondents participated in various exchange programs, and more than 21% had more than one study abroad experience. Overall, most exchanges in our specific sample took place between the years 2014 and 2016. In our sample, the most popular study abroad destinations were Saint Petersburg State University (SPBU) and Russian State University for the Humanities (RSUH).

Table 1. Summary Statistics: Exchange Students, by home country

	All	American students	Russian students
Gender (males, %)	42,1	44,6	31,9
Age (mean, st.dev.)	23,3 (2,7)	23,4 (2,4)	23,1 (4,1)
Educational attainment (%)			
Associate's degree	1,8	2,1	–
Doctorate	7,1	2,1	33,3
Bachelor's degree	62,5	63,8	55,6
Master's degree	10,7	12,8	–
High school	17,9	19,2	11,1
Research field/specialisation (%)			
Exact & Medical Sciences	9,1	8,7	11,1
Economics & Sociology	9,1	4,4	33,3
Political Science	49,1	50,0	44,4
Russian studies	23,6	28,3	–
Linguistics & Philology	9,1	8,7	11,1
Income groups* (%)			
1	12,5	8,5	30,0
2	19,6	19,2	30,0
3	19,6	19,2	20,0
4	28,6	31,9	10,0
5	8,9	8,5	10,0
6	10,7	12,8	–
Number of exchanges (% for 2>)			
Funding (%)	21,0	29,2	10,0
No funding	23,2	27,7	–
Partial	41,1	40,4	44,4
Full funding	35,7	31,9	55,6

Source: original survey conducted as a part of the SURF program

* Income groups:

1	Less than \$30,000	Less than ₱40,000
2	\$30,000–\$50,000	₱40,000–₱50,000
3	\$50,000–\$85,000	₱70,000–₱120,000
4	\$85,000–\$200,000	₱120,000–₱275,000
5	\$200,000–\$330,000	₱275,000–₱450,000
6	More than \$330,000	More than ₱450,000

Almost all respondents indicated “Language and Culture Studies” as a primary goal. On average, programs lasted for six months, with one month as the minimum amount of time and 15 months the maximum.

Next, we present the results obtained from separate ordered logistic regressions (Table 2). For all variables of interest, we see no statistically significant differences in kinds of program outcomes between American

Table 2. Ordered Logistic Regression Estimates of Academic and Non-Academic Exchange Program Outcomes*

	Academic		Non-academic: communicational closure		Non-academic: transformation of stereotypes	
	OR	SE	OR	SE	OR	SE
Home country	.53	.35	1.96	1.29	.96	.66
Length of exchange (in months)	1.19*	.08	1.13*	.05	.92	.08
Language proficiency (before exchange)	.52**	.11	1.27	.25	–	–
Program's academic difficulty	.91	.24	–	–	–	–
Pre-existed stereotypes	–	–	–	–	3.05*	1.68
<i>N</i>	64		64		64	

Source: original survey conducted as a part of the SURF program.

Note. *** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$; + $p \leq 0,1$ two-tailed.

* Coefficients are obtained from separate regressions. Intercepts and controls for gender are included in the model, but only the estimates of interest are presented. OR – odds ratios; SE – standard errors.

and Russian exchange programs. This further suggests that participants from both countries weight academic and non-academic exchange progress equally. Not surprisingly, the length of exchange played a role in determining both academic and communicational closure outcomes. In both cases, an extra month in the host country slightly increased the chances of having higher benefits from programs. Our findings suggest that longer exchanges provide a better platform to eliminate communicational isolations, a conclusion corroborated by scholarship on program length²⁹.

Another observation relates to academic outcomes. Students with high levels of language proficiency prior to their exchange tended to reported fewer academic benefits. For students with weaker language skills, the probability of experiencing academic success on a program was 2.5 times greater than students with high initial levels of proficiency. However, we also see that language proficiency before the exchange is not correlated with non-academic outcomes, i.e. communicational closure. This leads to the notion that other mechanisms apart from language level are responsible for socialization among exchange participants.

The findings also demonstrate the importance of pre-existing stereotypes and their transformation. As shown in Table 2, students who shared common and widespread perceptions of each host country will reanalyze stereotypes at a rate three times greater than students who had more accurate knowledge about the host country. This complements Deardorff's studies in that it suggests the necessity of taking pre-existing stereotypes in account when evaluating exchange programs³⁰.

We also include a qualitative analysis of open-ended questions from the same questionnaire. We find that exchange programs contribute to a more profound mutual understanding between the two countries and respective cultures. Students from both sides noted that their study abroad experiences allowed them to take a firsthand look into life in the host country, resulting in stereotype reduction. Responses identified two chief ways that exchange allowed them to debunk false stereotypes: on the one hand, students had an opportunity to test their own misconceptions about the host culture through lived experience; on the other hand, they were able to provide more accurate information about their home culture to people in the host country.

For our second method, we analyze five handbooks designed for the American students participating in academic programs in Russia, one set of guidelines for the Russians who intend on going to the US, and one set of guidelines provided by a Russian university (Higher School of Economics) for the US and other international students who come to Russia to study.

One complication in our analysis was the scarcity of handbooks generated by the Russian universities and exchange programs. This, however, falls within our line of expectations regarding the initial lack of balance between Russian and US exchange programs: in the US, programs are plenty in number, well-funded, and well-structured, while in Russia there is a lack of academic exchange programs aimed at sending Russian students to study in the US, and the existing ones are not as elaborately structured as their American counterparts. However, having two sets of guidelines produced by in Russia allowed us to have a certain point of comparison, enriched our discourse analysis and broadened its scope.

The results of the analysis of handbooks confirm our hypothesis regarding certain stereotypes being perpetuated in the very first stage of academic exchanges: the (pre-)orientation process. While the major part of the analyzed handbooks contained neutral and/or positive information about the host country, the chapters dedicated to safety issues and cultural differences demonstrated non-neutral (negative) language and strong negative stereotypes, as well as unproven facts and simply factual mistakes in the description of the host country with alarming frequency.

The description of American culture in Russian guidelines implied that Russian people might have too of an idealistic perception of the US, and utilized the tone of “bringing them down to earth,” i.e. stating that the US is not better (or worse) than other countries, and has all the negative features of developed capitalist societies. At the same time, the description of Russian culture in American handbooks implied the lack or absence of prior knowledge of Russia on the part of students. While these handbooks do include extensive paragraphs on the importance of avoiding stereotypes and being open to the different cultures and ways of life, most chapters on cultural differences could not avoid treating Russian culture with anything but an “othering” tone.

* * *

Considering the overall findings, we conclude that amid the crisis in US-Russia relations academic exchange programs still prove to be a valuable source of knowledge and experience for students both from Russia and the US. While more research is required in this field, our study represents a first step towards seeking a remedy for the range of bilateral stereotypes and segregation that occur. Our analysis demonstrates that it would be beneficial for the exchange programs to carefully monitor their content for the rhetorical elements of the narrative to eliminate the effect of the pre-existing stereotypes that are important for the programs outcomes. We have singled out the following ‘anomalous’ elements of the handbook narratives which we would recommend paying attention to and avoid: 1) usage of non-neutral, emotional language, adjectives of exaggeration; 2) gender-based stereotyping (describing Russian men and women in specific terms); 3) providing false or unproven facts to prove the point, often regarding the ‘otherness’ of Russian or American culture or the dangers of being in the country; (4) relying on anecdotal evidence to prove certain points (regarding safety and cultural differences); (5) utilizing pre-set negative stereotypes about Soviet regime; (6) applying the dichotomy of ‘West’ and ‘non-West,’ with ‘West’ serving as the equivalent of high quality, progress, civilization (and vice versa); 7) relying on facts which appear to be dated (such as recommending to bring chewing gum or pocket calculators as presents).

References

- ¹ The authors would like to express their gratitude to Victoria Zhuravleva and the SURF leadership team for their invaluable help with the paper.
- ² *Arefev A., Sukholutskaya M.* American Students in Russia: Research and Data Analysis of Exchange Programs // American Journal of Applied Sciences. 2015. Vol. 12. № 10. P. 723–733.

- ³ *Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge: Polity Press, 2016; *Monaghan A.A.* “New Cold War”? Abusing History, Misunderstanding Russia. L.: Chatham House, 2015.
- ⁴ *Horowitz J.* Russia Experts See Thinning Ranks’ Effect on US Policy [Online resource] // The New York Times. 2014. March 6. URL: http://www.nytimes.com/2014/03/07/world/europe/american-experts-on-russia.html?_r=0 (accessed 18.09.2016).
- ⁵ *Tsygankov A.* Why Russia Expertise in the US Still Has a Long Way to Go // Russia Direct. 2016. Vol. 4. № 3. P. 11.
- ⁶ *Zhuravleva V.* The Role of Academia in Fostering Better US-Russia Relations // Russia Direct. 2016. Vol. 4. № 3. P. 16.
- ⁷ *DeLong M. et al.* Cultural Exchange: Evaluating an Alternative Model in Higher Education // Journal of Studies in International Education. 2009. Vol. 15. № 1. P. 41–56.
- ⁸ *Freed B.F.* An Overview of Issues and Research in Language Learning in a Study Abroad Setting // The Interdisciplinary Journal of Study Abroad. 1998. Vol. 4. № 2. P. 31–60.
- ⁹ *Freed B.F.* Op. cit.; *Paige M. et al.* Study Abroad for Global Engagement: The Long-term Impact of Mobility Experiences // Intercultural Education. 2009. № 20. P. 29–44.
- ¹⁰ *Freed B.F.* Op. cit. P. 32.
- ¹¹ *Brecht R.* Qualitative Analysis of Second Language Acquisition in Study Abroad: The ACTR/NFLC Project // Washington DC: National Foreign Language Center, 1993.
- ¹² *Dwyer M.M.* More is better: The Impact of Study Abroad Program Duration // Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad. 2004. Vol. 10. P. 151–163.
- ¹³ *Atkinson C.* Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. Vol. 6. № 1. P. 1–22; *DeLong M. et al.* Op. cit.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 41.
- ¹⁵ *Paige M. et al.* Op. cit.
- ¹⁶ *Regan V., Howard M., Lemée I.* The Acquisition of Sociolinguistic Competence in a Study Abroad Context. Buffalo: Multilingual Matters, 2009; McKay S., Hornberger N. (eds.) Sociolinguistics and Language Teaching. The Cambridge Applied Linguistics Series. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1996.
- ¹⁷ *Kumagai A., Lypson M.* Beyond Cultural Competence: Critical Consciousness, Social Justice, and Multicultural Education // Academic Medicine: Journal of the Association of American Medical Colleges. 2009. Vol. 84. № 6. P. 782–787.
- ¹⁸ *Lee A. et al.* Special Issue: Engaging Diversity in Undergraduate Classrooms – A Pedagogy for Developing Intercultural Competence // ASHE Higher Education Report. 2012. Vol. 38. № 2. P. 1–132.
- ¹⁹ *Salisbury M.H.* The effect of study abroad on intercultural competence among undergraduate college students: PhD thesis. Univ. of Iowa, 2011. <http://ir.uiowa.edu/etd/1073>
- ²⁰ *Regan V., Howard M., Lemée I.* Op. cit.; *Salisbury M.H.* Op. cit.
- ²¹ *Schloss H.* Three Problems of International Student Exchange Programs // Bulletin of the American Association of University Professors. 1955. Vol. 41. № 3. P. 573.

- ²² *Rose-Redwood C.R., Rose-Redwood R.S.* Self-Segregation or Global Mixing? Social Interactions and the International Student Experience // *Journal of College Student Development*. 2013. Vol. 54. № 4. P. 413–429.
- ²³ Title VIII Funding Cut [Online Resource] // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. URL: <http://www.aseees.org/advocacy/title-viii-funding-cut> (accessed 20.11.2016).
- ²⁴ *Nye J.S.* Soft Power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. P. 153–171.
- ²⁵ *Dolinsky A.* Educational Exchanges in Public Diplomacy: Russian and International Experience // *Vestnik MGIMO University*. 2014. Vol. 35. № 2. P. 56–62.
- ²⁶ *Sergeev S.* Academic Mobility as a Tool of Soft Power of Science // *Humanities, Social-Economics and Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 198–201.
- ²⁷ *Coclanis P.* Study Abroad's Seven Deadly Sins [Online resource] // *The New York Times*. 2016. April 8. URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/10/education/edlife/study-abroads-seven-deadly-sins.html> (accessed 23.10.2016).
- ²⁸ *Rose-Redwood C.R., Rose-Redwood R.S.* Op. cit.; *Shannon-Baker P.A.* Microaggressions, Self-Segregation, and Performing Gender: Exploring Undergraduate Students' Culture Shock in a Study Abroad Program. Univ. of Cincinnati, 2015 http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1447690476; *Ward C., Kennedy A.* The Measurement of Sociocultural Adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. 1999. Vol. 23. № 4. P. 659–677.
- ²⁹ *Kumagai A., Lypson M.* Op. cit.; *Lee A. et al.* Op. cit.; *Schloss H.* Op. cit.
- ³⁰ *Deardorff D.K.* Internationalization: In Search of Intercultural Competence // *International Educator*. 2004. Vol. 13. № 2. P. 13–15.

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Е.С. Мелкумян

Новые тренды в политике США в регионе Персидского залива

В статье дается характеристика политики США в Персидском заливе начиная с 1970-х гг., когда они зависели от поставок энергоресурсов из этого региона. На протяжении длительного времени США были основными поставщиками вооружений арабским монархиям региона, а в 2000-е гг. стали их главным стратегическим союзником. Добыча сланцевой нефти в США привела к сокращению ее импорта из стран Персидского залива, что повлекло за собой снижение заинтересованности Вашингтона в делах региона. Другим негативным фактором для государств Залива стало улучшение отношений между США и Ираном. С приходом президента Трампа ситуация изменилась, так как он взял курс на укрепление стратегического союза с арабскими странами региона и совместную борьбу с Ираном.

Ключевые слова: США, регион Персидского залива, стратегический союзник, нефть, Трамп, Иран.

Регион Персидского залива традиционно представлял для США огромное значение благодаря его стратегическому положению, колоссальным запасам нефти и газа, а также роли, которую играли расположенные там государства в мусульманском мире и на Ближнем Востоке.

После создания Исламской Республики Иран в 1979 г. США не имели с этим государством дипломатических отношений и не поддерживали контактов в экономической или торговой сферах. Главным американским союзником в регионе были монархические арабские государства, которые в 1981 г. сформировали региональную организацию Совет сотрудничества арабских государств

Залива (ССАГЗ). Все шесть членов этого объединения – Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия имели тесные связи с США. Их связывали общие интересы поддержания региональной безопасности. Для США это означало бесперебойные поставки энергоресурсов, так как арабские государства Залива были основными его поставщиками.

Именно зависимость не только США, но и их ближайших союзников – стран Европы и Японии – от поставок нефти и газа из этого региона была определяющей характер их взаимоотношений с региональными государствами на протяжении длительного периода времени. США выступали в качестве гаранта региональной безопасности и стабильности. Они брали на себя главную ответственность во всех кризисных ситуациях, стремясь к восстановлению статус-кво.

С 70-х гг. прошлого века Вашингтон был главным поставщиком вооружений для арабских государств Залива. Наиболее масштабные закупки осуществлялись Саудовской Аравией. Особые отношения связывали США с Бахрейном, где с конца 40-х гг. XX в. располагался Пятый флот США. Оман еще в 1980 г. заключил соглашение с Вашингтоном, которое позволило американским военным использовать бывшие британские военно-воздушные базы.

Военное сотрудничество с Кувейтом было упрочено в период иракской оккупации 1990–1991 гг., когда США возглавили действия многонациональной коалиции, направленные на возвращение ему независимости и суверенитета.

После Иракского кризиса, ставшего показателем недостаточного развития оборонных возможностей этих государств для защиты своей независимости и суверенитета, все государства-члены этого объединения заключили оборонные соглашения с США, которые были пролонгированы в 2000-е гг.

В 1995 г. с помощью американских военных специалистов было завершено создание единой системы противовоздушной обороны – «Щит мира», основу которой составила саудовская ПВО, оснащенная американскими радарными АВАКС.

В 2001 г. государства ССАГЗ создали с помощью США систему идентификации и слежения за самолетами «Пояс сотрудничества». Для обеспечения воздушной безопасности был создан Региональный интегрированный центр по защите от нападения с воздуха и ракетной защиты, а для обороны побережья – Региональный морской координационный центр. В реализации всех этих проектов США принимали самое активное участие.

После 11 сентября 2001 г., когда США начали создавать международную террористическую коалицию, государства ССАГЗ поддер-

жали эту идею. В 2002 г. на саммите в Маскате члены организации приняли Декларацию по борьбе с терроризмом, а спустя два года подписали Соглашение о борьбе с терроризмом; в 2006 г. появилась постоянная антитеррористическая комиссия ССАГЗ. Вступление членов ССАГЗ в международную антитеррористическую коалицию, а затем создание Международного антитеррористического центра в Эр-Рияде (с участием в его деятельности всех членов объединения), расширило взаимодействие в сфере безопасности между ССАГЗ и США.

В 2001 г. штабы Пятого флота США и Центрального командования в Королевстве Бахрейн координировали операцию более 20 военных кораблей, которые осуществляли поддержку военноморских операций, связанных с войной в Ираке и Афганистане. Бахрейн принял более 4 тысяч американских военнослужащих во время начала операции в Афганистане. Кроме того, он стал единственной страной Залива, которая направила свои войска на проведение операции в Афганистане. В марте 2002 г. американский президент Дж. Буш назвал Бахрейн «главным не натовским союзником США»¹.

В ходе подготовки военной операции в Ираке США передислоцировали, по просьбе саудовского правительства, свой командный центр из военной базы Принца Султана в Саудовской Аравии на катарскую базу Аль-Удейд. Когда в марте 2003 г. была начата военная операция в Ираке, США разместили на катарской базе три тысячи военнослужащих и 36 самолетов, кроме того, там находилось еще 26 самолетов армии Великобритании и Австралии². В Катаре располагался и информационный центр коалиционных сил.

На бахрейнской военной базе было размещено 4500 военнослужащих США, которые затем участвовали в операции «Иракская свобода», приведшей к свержению Саддама Хусейна³.

Кувейт также поддержал операцию США, направленную на свержение Саддама Хусейна, осуществленную в марте 2003 г., предоставив возможность использовать свои базы ВВС, внутренний аэродром и морские порты. На территории Кувейта были расквартированы 250 тысяч американских военнослужащих. Кроме того, он предоставил продовольствие, горючее и другие необходимые для американской армии материалы на сумму в 266 млн долларов. А вот администрация президента Джорджа Буша-младшего в благодарность за поддержку Кувейта и назвала его «одним из основных не натовских союзников США»⁴.

Во время пребывания американских войск в Ираке с 2003 по 2011 гг. в Кувейте на постоянной основе находилось около 25 тыс.

американских военнослужащих. Вывод части американских военных из Ирака, начавшийся 27 февраля 2009 г., был осуществлен через Кувейт. После вывода основного контингента американцев из Ирака было сокращено и американское военное присутствие в Кувейте до 13 500 военнослужащих, однако они включали не только вспомогательные части, но и боевые подразделения, которые американцы предполагали использовать в случае ухудшения ситуации в Ираке⁵.

США использовали предоставленные их вооруженным силам военно-воздушные базы в Омане при проведении военных операций в Афганистане (в 2001 г.) и в Ираке (в 2003 г.). В 2000 г. при пролонгации соглашения об использовании баз военное командование США выполнило просьбу оманского правительства о проведении восстановительных работ на базах. В ответ США получили возможность использовать еще одну военно-воздушную базу на территории Омана для складирования вооружения⁶.

Саудовское королевство оставалось главным покупателем американского вооружения. С 2006 по 2010 г. военный импорт Саудовской Аравии из США вырос на 275% с 2011 по 2015 гг., или 7–9% всего американского экспорта⁷.

В 2014 г., когда США создали антитеррористическую коалицию для борьбы с ИГИЛ в Ираке и в Сирии, все государства-члены ССАГЗ, за исключением Омана, стали ее участниками.

Помимо военного сотрудничества и сотрудничества в сфере обеспечения безопасности между сторонами осуществлялось и политическое взаимодействие. Оно касалось наиболее актуальных проблем региона. ССАГЗ поддерживал усилия США по противодействию Ирану в реализации его ядерной программы, которая у государств, входивших в это объединение, вызывала особую обеспокоенность, так как Иран рассматривался в качестве их регионального противника.

Положение изменилось после того, как в США начали производство сланцевой нефти, использование которой покрывало большую часть внутренних потребностей в энергоресурсах. Главный в прошлом поставщик нефти, Королевство Саудовская Аравия, значительно снизил свои поставки на американский рынок. Экспорт нефти из Саудовской Аравии упал более чем на 50% с апреля по декабрь 2014 г. и продолжил снижаться в первой половине 2015 г.⁸ Увеличение поставок сланцевой нефти из США привело к падению цен на нефть на мировом рынке нефти, что негативным образом отразилось на экономике арабских государств Залива, зависимой от нефти.

Отношения были обострены после принятия Конгрессом США в 2016 г. закона, согласно которому родственники жертв террористических актов 11 сентября 2011 г. могли обращаться в суд с иском о выплате им компенсаций. Согласно отчету специальной комиссии Конгресса, Саудовская Аравия несла ответственность за действия своих граждан, которых было 15 среди 19 террористов, признанных виновными в совершении этих терактов⁹.

Региональная политика, проводимая США, также вызвала недовольство этих государств. Они считали, что американцы не проявляют должной решительности в урегулировании ситуации в Ливии, Сирии, Ираке, Йемене. Снижение активности США воспринималось как итог наметившегося урегулирования их отношений с Ираном, снижения заинтересованности в поставках нефти из региона Залива и ухудшения ситуации на глобальном уровне.

Арабские монархии Залива были недовольны подписанием в 2015 г. Женевских соглашений по ядерной программе Ирана. Они пытались убедить США не спешить со снятием санкций с Ирана, так как это даст ему финансовые возможности для усиления своей подстрекательской деятельности в регионе. Они усиливали давление на американскую администрацию, требуя гарантий участия Вашингтона в обеспечении безопасности региона Залива.

Арабским государствам Залива не удалось добиться отказа США от нормализации отношений с Ираном, и они стали реально осознавать расхождение их интересов по этому вопросу. США, со своей стороны, также понимали, что их союзники стали проводить самостоятельный региональный курс, не совпадающий по многим параметрам с американским курсом. Военная операция в Йемене, предпринятая Саудовской Аравией совместно с региональными партнерами, наглядным образом продемонстрировала подвижки в политике этих государств. По мнению американских аналитиков, «дом саудитов начал опираться на свои собственные ресурсы, и трудно предсказать, какую роль будут играть США в этой меняющейся внешней политике»¹⁰.

Приход к власти новой администрации Трампа ознаменовал собой изменения в американской политике в регионе Персидского залива. Тот факт, что новый президент США Дональд Трамп совершил свой первый зарубежный визит в конце июня 2017 г. в Саудовскую Аравию, свидетельствовал о понимании новой американской администрацией значения арабских монархий Залива как стратегических союзников США в обеспечении региональной безопасности.

Выступая на организованном в саудовской столице саммите, в котором приняли участие главы 55 мусульманских стран, американский президент подчеркнул давнюю дружбу, связывающую его страну с саудовским королевством, которая была заложена основателем этого государства – королем Абдель Азизом и американским президентом Франклином Рузвельтом. Он также сказал, что «избрал для своего первого зарубежного визита сердце мусульманского мира, страну, которая является служителем двух святынь ислама»¹¹. Тем самым американский президент обозначил свое стремление к упрочению отношений с мусульманскими странами, которые способны внести вклад в противодействие терроризму, прежде всего в идеологическом плане. Визит Трампа был ознаменован созданием Глобального центра по борьбе с экстремистской идеологией, штаб-квартира которого будет находиться в Саудовской Аравии. До проведения саммита был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу о необходимости контролировать источники финансирования терроризма.

Дональд Трамп выразил «обеспокоенность ростом терроризма, распространением радикализма и ролью Ирана в их финансировании». Он призвал региональных партнеров США «брать на себя большую ответственность и играть более значительную роль в борьбе с терроризмом в этом регионе»¹². Готовность США противодействовать Ирану, которая не проявлялась прежней американской администрацией, означала поворот в их отношениях в сторону их дальнейшего развития.

Во время визита в Саудовскую Аравию американский президент Дональд Трамп и саудовский король Сальман бен Абдель Азиз Аль Сауд подписали соглашения, выполнение которых должно привести к взаимному инвестированию в экономические проекты в обеих странах на сумму в 400 млрд долларов, что должно увеличить создание новых рабочих мест, имеющих принципиально важное значение и для США, и для саудовского королевства, где проблемы безработицы стоят достаточно остро¹³.

Саудовская Аравия также подписала с США соглашение о поставках ей американского вооружения на сумму в 110 млрд долларов. В предстоящие 10 лет саудовские закупки американского вооружения должны составить 350 млрд долларов¹⁴.

Военное сотрудничество между США и арабскими монархиями Персидского залива активно развивалось. В марте 2017 г. были проведены совместные учения в Кувейте. Они продлились три недели, и в них приняли участие пять стран Совета сотрудничества, за исключением Омана¹⁵. В конце апреля завершились совместные

маневры сухопутных сил США и ОАЭ. Это были уже третьи по счету совместные маневры под кодовым названием «Железный захват», которые проводятся в ОАЭ и которые являются свидетельством укрепления отношений между двумя государствами¹⁶.

Новая американская администрация предприняла дополнительные шаги, направленные на упрочение отношений со своими традиционными союзниками – арабскими государствами Залива. Она пообещала предоставить им дополнительную помощь в Йемене, где, как отмечалось в прессе одного из арабских государств Залива, «Арабская коалиция под эгидой Саудовской Аравии ведет войну с хуситами, которых поддерживает Иран». Она должна включить в себя предоставление дополнительной информации спецслужбами США, контроль над морским побережьем, борьбу с контрабандой оружия, которая осуществляется через Красное море, а также оказание поддержки для захвата йеменского порта Хадейда. Речь тем не менее не идет о вводе американских сухопутных сил или же нанесении авиаударов¹⁷.

Для государств Залива было важным шагом вперед со стороны американской администрации признание ею того факта, что причиной войны в Йемене стало вмешательство со стороны Ирана¹⁸.

США проявили заинтересованность в урегулировании Катарского кризиса, начавшегося сразу же после завершения визита Трампа в Саудовскую Аравию. Три государства-члена ССАГЗ – Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ – разорвали дипломатические отношения и ввели блокаду Катара, также участника этого объединения. К ним присоединился и Египет, который связан с Катаром членством в ЛАГ и ОИС.

Дональд Трамп поддержал призыв арабских стран к Катару прекратить поддержку терроризма, что стало главным обвинением и причиной разрыва отношений с Катаром. В то же время, по мере развития кризиса, американская администрация стала предпринимать шаги, направленные на его скорейшее разрешение.

Катар имеет для США огромное значение, так как там расположена крупнейшая американская база за границей. На этой базе располагался Центр командования ВВС США, Центр воздушно-космических операций и авиационная эскадрилья. База могла принимать до 120 самолетов. Она была центром проведения воздушных операций коалиции, возглавляемой США, против ИГИЛ в Ираке и в Сирии¹⁹.

США заинтересованы в сохранении единства арабских монархий Залива, так как их дезинтеграция приведет к дальнейшему осложнению ситуации в регионе и негативным образом повлияет на состояние региональной безопасности.

Новая американская администрация избрала курс опоры на своих традиционных союзников – арабские монархии Персидского залива. Их позиции по многим региональным проблемам Ближнего Востока, таким как кризис в Сирии, война в Йемене или ситуация в Ливии совпадают. Кроме того, их объединяет стремление положить конец распространению терроризма, совместная борьба с ИГИЛ и противодействие политике Ирана, который является стратегическим противником для обеих сторон.

Примечания

- ¹ Такрир ан варша амаль «Мустакбаль аль-илякат ас-сиясийя аль-иклимийя фи зыльль сууд ат-тайярат аль-ислямийя (Отчет рабочей группы «Будущее региональных политических отношений в свете подъема исламских течений»). Эр-Рияд, Департамент политического анализа Генерального секретариата ССАГЗ, 9–10 июня 2012. С. 4. (Из личного архива автора.)
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ *Katzman K.* Kuwait: Yovernance, Security, and US Policy. Congressional Research Service, November 2013. P. 19 (Электронное издание). URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21513.pdf> (дата обращения: 04.12.2017).
- ⁵ Ibid.
- ⁶ *Katzman K.* Oman: Reform, Security, and U.S. Policy. Congressional Research Service, Report for Congress. 28 June 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a474886.pdf> (дата обращения: 10.06.2016).
- ⁷ US-Saudi Relations. Council Foreign Relations. 12 May 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-saudi-relations> (дата обращения: 16.01.2016).
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ President Trump's Speech to the Arab-Islamic-American Summit. The White House Office of the press secretary. – [Электронный ресурс] // URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/05/21/president-trumps-speech-arab-islamic-american-summit> (дата обращения: 18.08.2017).
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Маджлис ат-тааун: наамало маа Вашингтон фи кульь аль-муллафат кабля зиярат Трамп (Совет сотрудничества: до визита Трампа мы сотрудничали с Вашингтоном по всем проблемам). Аш-Шарк Аль-Аусат 08.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://aawsat.com/print/920896> (дата обращения: 08.08.2017).

- ¹⁶ Аджратху аль-кувват аль-баррийя аль-имератийя ва аль-амрикийя хитам «Аль-Махлаб аль-хадидий 3» (Сухопутные силы Эмиратов и США завершили «Железный захват 3»). Аль-Иттихад. 29.04.2017. С. 1–3.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 12.
- ¹⁹ Qatar hosted largest US military base in Mideast [Электронный ресурс]. URL: <http://edition.cnn.com/2017/06/05/middleeast/qatar-us-largest-base-in-mideast/index.html> (дата обращения: 05.08.2017).

Н.М. Межевич, В.А. Смирнов

Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991–2017

Политические элиты во многом определяют основной вектор развития государства. После распада СССР в постсоветских странах, в том числе прибалтийских, постепенно складывались новые властные группы. В статье представлены результаты исследования роли структурных факторов в формировании элит государств Балтии и их влияния на экономический и политический курс развития общества. Авторы показывают, что процесс образования политически активных кругов, выступивших своего рода драйверами трансформаций на исследуемых территориях, начался намного раньше обретения ими независимости.

Ключевые слова: страны Прибалтики, Латвия, Литва, Эстония, политические элиты, постсоветское пространство.

Десятилетия бурных политических преобразований в Восточной Европе после распада СССР и крушения коммунистической системы оказали значительное влияние на развитие мировой политической науки. Одним из главных вопросов, занимавших ученых, стал анализ всего комплекса взаимосвязанных изменений в политической жизни государств, в том числе условий и характера трансформации посткоммунистических обществ, процессов формирования новых и реформатирования старых элит, понимаемых преимущественно как демократизация. В самой постановке вопроса были заложены вполне конкретные ценностные ориентации исследователей, анализировавших политическую жизнь сквозь призму теории модернизации и идей прогресса. Падение коммунистических режимов в Восточной Европе рассматривалось как прогрессивное движение к консолидированной демократии.

Особое внимание привлекал опыт республик Прибалтики. Оценки постсоветского транзита в них косвенно свидетельствовали о ценности транзитологии как научного подхода в целом. При этом «изучение развития республик, входивших ранее в СССР, имеет для России значение, выходящее за пределы чисто научного интереса и человеческого любопытства. Во-первых, потому что эти страны – наши соседи. И не просто соседи. Длительное и относительно недавно закончившееся пребывание в едином государстве, в котором Россия была “ядром”, а Прибалтика – окраиной, но европейской окраиной, не может пройти бесследно. Его следствиями могут быть обиды, страхи и подозрительность, могут быть и чувства ностальгической сентиментальности, но оно еще долго будет придавать нашим отношениям большую интенсивность, чем отношениям с просто соседями»². Этот тезис подтверждается и простейшим контент-анализом прессы прибалтийских государств³. Значительная часть материалов по всем разделам, от глобальной политики до светской жизни звезд, – это рефлексия по отношению к тем или иным российским нарративам. Это свидетельствует о том, что Латвия, Литва и Эстония до сих пор не могут быть окончательно исключены из постсоветского пространства⁴.

В отечественной и западной политологической науке укрепилось мощное направление по изучению роли политических элит в трансформациях государств. Предметное поле теории элит вышло за рамки традиционной теории демократизации, позволило более полно представить процесс политических изменений – не столько как линейное движение по пути прогресса, сколько как сложную, многоаспектную борьбу различных политических сил, интересов и идей под воздействием внутренних и внешних факторов. Далеко не всегда эта борьба способствовала общественному и экономическому развитию, она порождала и множество побочных эффектов. Осмысливая данные феномены, теория элит позволяет отойти от оценки политических трансформаций на постсоветском пространстве единственно как демократизации, вскрыть более глубокие пласты произошедших изменений.

Формирование новой правящей элиты в бывших советских республиках происходило на иных, отличных от прежних принципах элитного рекрутирования. В результате слома старого порядка ключевые факторы, обеспечивавшие восходящую и нисходящую социальную мобильность в общественной иерархии, поменяли знак «плюс» на «минус». Произошла ломка государственных институтов и внешнеполитических ориентаций государств, переосмысление национальных интересов, глубокие, часто стихийные

изменения в экономике. Данные события сопровождались закономерными процессами смены политической элиты.

Страны Прибалтики в этом отношении представляют особый исследовательский интерес в связи с тем, что они, единственные из всех бывших советских республик, сумели полностью реализовать интеграционную программу по включению во все основные евро-атлантические структуры. В ее основе лежал прежде всего внутриэлитный консенсус, характер которого не ограничивался лишь идеалистическими устремлениями, но отражал и прагматическую потребность в удержании власти новыми правящими кругами. Этот тезис, строго говоря, характерен для механизмов функционирования любых элит, как посткоммунистических и постсоветских, так и вообще не относящихся к современным. В государствах Прибалтики процесс проходил со своей региональной исторической, экономической, географической спецификой. Масштаб влияния этих факторов на формирование, реформирование и функционирование элит оказался в этом регионе очень существенным.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы показать роль структурных факторов в формировании элит и последующей выработке ими экономического и политического курса развития общества. Этот вопрос в российской науке был поставлен недавно и нуждается в региональной привязке и конкретизации. Случай государств Прибалтики интересен и тем, что здесь влияние внешнеполитических факторов подчас определяющее по отношению к внутренней политике элит. «Элитные группы в условиях современной трансформации общества, когда внутренняя политика все больше зависит от внешней, сталкиваются с рядом вызовов: усложнением механизмов управления, кризисом собственной легитимности, ослаблением вертикальной интеграции элит»⁵.

Следует выявить ключевые взаимосвязи между комплексом историко-географических, экономических факторов и функционированием элит государств Прибалтики. Отметим подход голландского ученого Франклина Анкерсмита, с точки зрения которого современные идеологии и их носители (элиты, наиболее влиятельные социальные группы) пренебрегают историей, считая, что она не имеет отношения к природе политики и сути политических проблем⁶. Однако не только история, но и экономика, география могут опосредованно влиять на характер формирования и функционирования элит.

Мы предлагаем выделить следующие ключевые географические, демографические, исторические и экономические предпосылки, влияющие на формирование и функционирование политических элит в государствах Прибалтики.

1. История Прибалтики в существенной степени имеет внешнюю, географическую обусловленность. Бедный ресурсами, небольшой по территории регион испытывал сильнейшее давление со всех четырех географических направлений. С юга и юго-востока – со стороны Киевской Руси, Полоцкого княжества, с востока – Новгородской и Псковской феодальных республик, затем – Московского царства, с севера – Швеции, с запада – религиозных орденов Дании, Германии, Польши. Балтийское море не являлось непреодолимой преградой для внешних сил и не могло играть роль естественной границы. При этом Балтийское море и Чудское озеро замыкали географическое пространство народов Прибалтики. Ее территория не могла дать своим этносам надежного рефугиума, пространства резервной локализации.

Мы видим в регионе сочетание относительно раннего для Европы этногенеза и поздней государственности. Первая предпосылка не может рассматриваться как собственно прибалтийская и уникальная. Речь идет о первенстве в географическом, точнее пространственном, освоении, которому де-факто присваивается статус установления политического контроля, что, естественно, неравнозначно. Эстонский и латышский менталитет во многом сформировался под влиянием природно-географических факторов. Земледелие в Эстонии и Латвии всегда осуществлялось в особо сложных условиях. Почвы здесь не просто неплодородные, но заболоченные, завалуненные, с минимальным содержанием гумуса. Сказать по поводу природных условий Эстонской и Латвийской республик «зона рискованного земледелия» недостаточно. Результативность сельского хозяйства – главной отрасли экономики на протяжении столетий – была достаточно низкой. В этих условиях количество труда, требовавшегося для получения единицы продукции, было качественно большим, чем в большинстве районов России, Литвы, Польши. Более того, вариативность экономического поведения здесь была вынужденно минимальной. Если в России крестьянина могло выручить собирательство, охота или рыболовство, бегство на Дон, Север или даже в Сибирь, то на земле Эстонии эти возможности отсутствовали. В XIX в. они появились, свидетельством этого стали эстонские деревни в Крыму и на Кавказе, на северо-западе России, однако ситуацию это уже не изменило.

Время автохтонного возникновения или перемещения эстонского этноса произвольно «сдвигается» на века, а иногда и на тысячелетия. Рассмотрим это на примере подходов к происхождению и этногенезу эстонского народа. В классической работе советской эпохи «История Эстонской ССР» Ю. Кахк и К. Сильвайск спра-

ведливо указывают на древнейшую культуру «боевых топоров» и ее временную локализацию – примерно 2200 лет до н. э. Далее очень осторожно авторы отмечают, что «балтские племена, носители культуры «боевых топоров», жили бок о бок с финно-угорскими охотниками и рыболовами около тысячи лет»⁷. Спустя пять лет коллектив авторов во главе с будущим премьер-министром⁸ писал о том, что первые люди, поселившиеся в Эстонии, пришли сюда не позднее 9500 лет назад, а эстонцы живут на своей земле «около пяти тысяч лет»⁹. Таким образом, концепция национальной уникальности максимально разворачивается в прошлое, становясь дополнительным аргументом для легитимации деятельности элит в настоящем, приобретая инструментальный характер.

2. Остзейская политико-правовая система предполагала двойное (и политическое, и этнокультурное) угнетение коренного населения (для Эстляндской, Лифляндской, Курляндской губерний). В остзейских губерниях национальный состав населения практически совпадал с социально-профессиональным. Если помещики, бюргерство, духовенство, лица свободных профессий и служащие были в основном представлены немцами, то крестьянство состояло из эстонцев. Органы государственной власти и управления – из немцев и русских. В Виленской и Ковенской губерниях была близкая ситуация. Крестьянство – литовцы, городское население – поляки и евреи, управление – поляки и русские.

3. Политическая элита формировалась во второй половине XIX – начале XX в. по уникальной модели: зажиточное крестьянство – мещанство («свободные люди», *Freie Leute*) – городской средний класс – национальная интеллигенция – политическая элита. К примеру, в 1909 г. на выборах в Рижскую городскую думу из 80 гласных было 54 нелатыша (немцы, русские, евреи) и 26 латышей¹⁰. Отмена крепостного права почти на полвека раньше, чем в остальных губерниях России, способствовала социальной и экономической дифференциации, а значит, формированию не остзейских и не пророссийских, а именно местных, национально ориентированных элит в Прибалтике.

4. В XIX в. сложилась экономическая модель, предполагающая высокую степень вовлеченности региона во внешнеэкономические отношения на всех географических направлениях. Так называемые «серые бароны» в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии встроились в систему хозяйственных связей и интернационализировались ровно настолько, чтобы представлять общую картину мира в экономике и политике. Эти связи были во многом замкнуты на Швецию, Германию, затем Финляндию, что способствовало обретению

и укреплению независимости на следующем этапе исторического развития.

5. Формирование национальной государственности в 1918–1920 гг. произошло в условиях деструкции традиционных центров силы, а не продолжительной национально-освободительной борьбы. В этом контексте история Эстонии и Латвии и история Польши и Финляндии вряд ли сопоставимы. Процессы этнокультурной консолидации, а значит, и формирования политической элиты прошли в последних почти на столетие раньше, а успешный опыт парламентской демократии, эффективного государственного строительства был приобретен в рамках Российской империи.

6. Сформировавшаяся общность (Прибалтика) не была признана единомоментно. Категория «лимитрофы» так и не стала устойчивым обозначением для Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. Министерство иностранных дел Великобритании (законодатель дипломатической практики в Европе после Первой мировой войны), в конечном счете предпочло рассматривать Финляндию как часть североευропейского региона, а Польшу – как часть Центральной Европы.

7. Политические режимы Прибалтики до середины 1930-х гг. были предельно неустойчивыми. В Эстонии в межвоенный период с 1919 по 1934 гг. сменился 21 кабинет министров. Кабинеты министров были коалиционными и, как правило, правыми. При этом крупнейшие фракции создавали социал-демократы и центристы – доступа к реальной власти, подчеркнем, не получавшие (в современной Эстонии и Латвии, кстати, такая же картина). В середине 30-х гг. в Прибалтике практически синхронно к власти приходят авторитарные режимы, распускаются политические партии, останавливается действие конституций. Однако эти авторитарные режимы были, по сути, «меньшим злом», остановив рвущиеся к власти полуфашистские и фашистские группировки, например эстонских вапсов и литовских «Железных волков». При этом межвоенные элиты были более разнообразными, динамичными и прагматичными, чем современные. Принципиально иная система стала складываться в государствах Прибалтики с начала 1990-х гг., где от принятия решений были отеснены неграждане (в Эстонии и Латвии). Отметим, что законодательство Эстонской Республики на 1938 г. (принятие новой Конституции) не предусматривало подобных дискриминационных мер. Примерно с 2004–2007 гг. динамизм партийно-политического строительства и изменений во властных группировках в государствах Прибалтики резко упал и для представителей титульных народов. Возможности социальных

и политических лифтов существенно сокращаются, элита поддерживает не расширенное, а суженное воспроизводство, происходит ее замкнутая циркуляция, «герметизация»¹¹, так как экономические и политические ресурсы, подлежащие перераспределению в рамках новых практик, закончились, и перед правящими группами встала задача не допустить конкурентов к инструментам власти.

8. На формирование и функционирование политических элит влияет и так называемый комплекс культурной травмы. «Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его “заглушки” потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации», – пишет финская журналистка Леэна Хиетанен¹². «Конечно, можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов»¹³. Подчеркнем, что восстановившая в это же время свою независимость Польша в 1920 г. действительно отстаивала ее с оружием в руках, подтвердив тем самым, что *только завоеванная свобода является осознанной необходимостью*. В 1939 г. Польша сражалась на западном направлении. Историк Ю. Кантор справедливо указывает на то, что в государствах Прибалтики в межвоенные годы не сформировалась «способность ценить независимость и отстаивать ее»¹⁴. Не является ли текущая политика властных групп государств Прибалтики желанием переписать историю и реабилитировать свои режимы, а значит, и свою элиту хотя бы в прошлом, обеспечить собственную легитимацию, пошатнувшуюся из-за ухудшающегося социально-экономического положения, с помощью переписывания истории?

9. В этом контексте отметим, что одной из ключевых категорий, задавшей общую теоретическую рамку для большинства исследований роли элит на пространстве Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе государств Прибалтики, стало понятие «соглашение элит» (*elite settlements*), активно разрабатывавшееся в элитологической парадигме американскими учеными М. Бартоном и Дж. Хигли. Они обозначили соглашение элит как важнейший вид политического изменения, представляющего собой достижение компромисса между находившимися до этого в состоянии войны (неограниченной конкуренции) элитными фракциями относительно общих правил и системы сдержек, что обеспечивает поли-

тическую стабильность и выступает необходимым условием перехода к демократии¹⁵. Случай государств Прибалтики практически уникален. В СССР говорить о конкуренции элит на уровне республик практически невозможно (за исключением Советской Украины). Роль Москвы как суперарбитра делала почти невозможной внутриреспубликанскую конкуренцию. Однако для нас важно то, что и после провозглашения и международно-правового признания независимости ситуация изменилась мало. С чем это связано? С нашей точки зрения, постоянное акцентирование объективно имевшихся исторических проблем выполняет функции консервирования антироссийских настроений на уровне элит, получающих политический, а частично и экономический капитал на нагнетании русофобской риторики¹⁶. При этом позиция России сводится к деполитизации экономического сотрудничества, совместной работе над региональными проблемами, выводу дискуссий по сложным историческим вопросам с политического на экспертный уровень. Именно поэтому «члены коммунистической номенклатуры осмысленно пошли на смену режима, конвертировав свой политический капитал в ресурсы частной собственности (приватизация)»¹⁷. По нашему мнению, тезис Д.В. Бадовского о том, что вектор и стадии постсоветских трансформаций связаны не столько с процессом демократизации, сколько с сугубо внутриэлитными интересами, а итогом трансформации является консолидация бюрократической элиты и минимизация межэлитной конкуренции, для государств Прибалтики более очевиден, чем для постсоветского пространства в целом¹⁸.

10. Особое значение для элит Прибалтики имеет «формирование представлений о коллективной (этнической) собственности того или иного этноса (в своей высшей фазе – национальной) на территорию, обозначенную как национальная республика»¹⁹. Эта позиция имеет не только экономическое, но и культурное измерение. Для изучения характера функционирования элит Прибалтики следует использовать и концепцию Рона Айермана: «Культурные травмы – это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее»²⁰. Смыслы, создаваемые элитами Прибалтики, однозначны. Латвийский эксперт Юргис Лиепниекс справедливо отметил: «Мы не строим политическую нацию. Мы не считаем граждан латышской национальности такими же, как мы, полноценными хозяевами в этой стране»²¹. Однако и это только часть правды. Абсолютное большинство латышей лишены возможности влиять на принятие

экономических и политических решений. Это тоже культурная травма, но уже следующего уровня. Важный элемент функционирования элит – самопрезентация. Политические элиты рассматриваемых государств исходят из того, что «в странах Балтии меньше коррупции, государственного криминала, но больше адекватной и взыскательной реакции населения на действия властей в особенностях социальной жизни эстонцев, латышей и литовцев, которую иногда видят в выработавшихся у них на протяжении веков чертах самостоятельности, индивидуализма, умении сохранять свой личностный суверенитет»²². Никаких фактов, подтверждающих это, нет, а есть самопиар элит, оформленный в одежды национальной исключительности²³. Тем не менее это дало масштабный временной лаг для проведения экономических реформ, далеко не всегда эффективных и порой болезненных. Были воспроизведены черты так называемой рыночной экономики не эпохи экономического роста и формирования устойчивого среднего класса, а стадии трансформации с непредсказуемым направлением и тем более результатом. «Поскольку борьба закончилась победой капиталистической системы, основные институты проигравшего социализма должны быть демонтированы и перестроены в соответствии с дизайном, характерным для системы-победительницы»²⁴. Дизайн экономической системы государств Прибалтики действительно оказался похож, однако экономическая статистика «историю успеха» не подтверждает.

11. Как уже было отмечено, концентрируясь на достижении эффективности управления, элиты неизбежно сталкиваются с проблемой производства таких смыслов, которые будут адекватно восприняты массовыми группами. Именно поэтому определенный эффект дает и консолидация политических элит на «российской угрозе». Политические «сбои» (провал правящих социал-демократов и русофобски настроенных консерваторов на парламентских выборах в Литве, импичмент премьер-министру Эстонии Т. Рыйвасу, основная работа которого заключалась в оглашении антироссийских эскапад) показывают, что в настоящее время это уже не является стопроцентно эффективным методом этнической консолидации с последующей ее конвертацией в голоса избирателей. Все более острым становится вопрос о новых программных целях развития стран Прибалтики. Ведь не могут же антироссийские выходы служить смыслом стратегического развития этих республик, некогда имевших неплохие перспективы?

12. В этом отношении действия элит прибалтийских государств пока все-таки соответствуют именно конфликтной модели –

т. е. тактике политического руководства малой страны, присоединившейся к крупному объединению государств и подогревающей напряженность в их отношениях с соседним крупным государством с целью привлечения дополнительных ресурсов и повышения статуса в рамках объединения. Конфликт – неотъемлемая форма взаимодействия между субъектами международных отношений, и малые страны не являются исключением. Более того, асимметричные отношения нередко дают козыри и в руки более слабой стороны. Следовательно, конфликты могут использоваться малыми странами для достижения своих целей. Таким образом, благодаря росту напряженности и расширению числа вовлеченных в потенциально конфликтную ситуацию западных стран, прибалтийские элиты добиваются решения собственных задач внешней и внутренней политики. Очевидно, эта асимметричная ситуация создает побочные эффекты, которые выражаются не только в возрастании нестабильности международной системы, но также в росте недоверия внутри Евросоюза. Отказ политических элит Прибалтики от конфликтной модели внешнеполитического взаимодействия может быть вызван лишь существенными сдвигами в системе международных отношений в Европе. Продолжение использования конфликтной модели будет способствовать росту напряженности и недоверия не только в отношениях между Евросоюзом и Россией, но и внутри ЕС, где прибалтийские элиты претендуют на роль «экспертов по России», проводя политическую линию, соответствующую интересам США. По мере разворачивания данная тенденция будет неизбежно провоцировать новые внешнеполитические кризисы в Европе. Кроме того, следует учитывать, что малые страны склонны ошибаться в расчетах и оценке ситуации при проведении внешней политики, т. к. часто имеют недостаточный опыт в мировых делах, ограничены в возможностях сбора информации и организационных ресурсах. Прорчеты, особенно в случае масштабных внешнеполитических проектов, могут обернуться конфликтами или подтолкнуть акторов к дальнейшим еще более рискованным действиям. Примером служит международный кризис вокруг программы «Восточное партнерство», ведущая роль в реализации которой была в значительной степени делегирована странам Прибалтики.

Подведем итоги. Вслед за экспертами Международного дискуссионного клуба «Валдай» признаем то, что «консенсус элит считается одним из важнейших условий успешной демократизации. Однако при этом мало внимания уделяется тому факту, что консенсус элит может быть также и ключевым фактором, сдерживающим начало демократических преобразований»²⁵. Приведенный матери-

ал свидетельствует о том, что второй вариант эффекта консенсуса вполне применим для постсоветского пространства, а государства Прибалтики являются классическим примером данной политической практики.

Примечания

- ¹ *Шевцова Л.Ф.* Восточная Европа: «момент истины» еще впереди // Полис. 1991. № 1. С. 80.
- ² *Фурман Д.Е.* Опыт балтийских стран и его значение для России // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 3–27: Введение.
- ³ См., например: Образ России в литовских СМИ в 2014 г. [Электронный ресурс] // RuBALTIC.Ru. 2014. 18 июня. URL: http://www.rubaltic.ru/infographics/18062014_obraz-rossii/ (дата обращения: 16.11.2016).
- ⁴ *Межевич Н.М.* Государства Прибалтики: Четверть века «вторых республик» М.: Русская книга, 2016.
- ⁵ *Гаман-Голутвина О.В., Клемешев А.П.* О глобальном и локальном измерении элитных трансформаций // Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 7.
- ⁶ *Анкерсмит Ф.Р.* Политическая репрезентация. М., 2012.
- ⁷ Склонность государственных деятелей к написанию трудов по истории не редкость в современном мире, однако в государствах Прибалтики это практически стандартная политическая практика.
- ⁸ *Кахк Ю., Сильвайск К.* История Эстонской ССР. Таллин, 1987. С. 6.
- ⁹ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллин, 1992. С. 8, 9.
- ¹⁰ *Странга А.* Латвия в XX веке в контексте европейской истории [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2001. № 2. URL: http://www.latlat.sitcity.ru/stext_0510223939.shtml (дата обращения: 15.11.2015).
- ¹¹ *Розенвалдс Ю.* Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3(9). С. 149–161.
- ¹² Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост [Электронный ресурс] // DELFI. 2008. 16 июня. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricaet-holokost.d?id=19148244> (дата обращения: 12.10.2014).
- ¹³ *Плат К.* Оккупация vs колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность: Случай Латвии [Электронный ресурс] // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html (дата обращения: 11.07.2016).

- ¹⁴ Кантор Ю. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб., 2011. С. 20.
- ¹⁵ Burton M., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. № 3. P. 295–307.
- ¹⁶ Скачков А.С. О влиянии националистического фактора на политические процессы в государствах Балтии // Россия и мир: Вестник Дипломатической академии МИД России. 2016. № 1 (7). С. 106–122.
- ¹⁷ Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 22.
- ¹⁸ Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6. С. 13.
- ¹⁹ Маркедонов С. Прощание с «постсоветским пространством»? [Электронный ресурс] // РСМД. 2015. 20 июля. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom/> (дата обращения: 10.11.2016).
- ²⁰ Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 125.
- ²¹ Лиепниекс: латыши не считают русскоязычных «полноценными» [Электронный ресурс] // Vesti.lv. 2016. 24 янв. URL: <http://vesti.lv/news/liepnieks-latyshi-ne-schitayut-russkoyazychnyh-grazhdan-polnocennymi> (дата обращения: 25.01.2016).
- ²² Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003. С. 45.
- ²³ В этом смысле весьма показательным является серьезное исследование экс-премьера Эстонии, многолетнего мэра Таллина Э. Сависаара, в котором тот откровенно описывает реальное состояние его страны. По мнению автора, современная Эстония – это «государство-фасад», лишь внешне следующее демократическим принципам. Фиксируя все более глубокий отход от демократических норм, он сравнивает Эстонию с «частной компанией», которой заправляют националистические политики правого толка при активном участии лояльных спецслужб и бизнесменов (см.: Сависаар Э. Правда об Эстонии. Т. 1. Таллин, 2012). За свои выступления Сависаар подвергся, без преувеличения, мощнейшему прессингу со стороны госструктур.
- ²⁴ Малинова О. Другой взгляд на «транзит», или О пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. 2002/2003. № 2. С. 97.
- ²⁵ Российская элита – 2020: Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013. С. 6.

Казахстан – Узбекистан: история сотрудничества и перспективы взаимодействия

Статья посвящена анализу взаимоотношений Казахстана и Узбекистана, их месту и роли в современной геополитической системе. Уделяется внимание политике мировых держав в отношении этих стран. По мнению автора, Казахстан и Узбекистан как два лидера Центральной Азии имеют значительный потенциал для расширения политических, экономических и культурно-гуманитарных связей, что будет способствовать стабильному развитию этих государств и укреплению безопасности в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Россия, Китай, США, мировые державы, международные отношения, интеграционные процессы.

В результате распада СССР перед новыми независимыми государствами на постсоветском пространстве встал вопрос о формировании равноправных и взаимовыгодных отношений на базе международно-правовых норм и принципов с учетом сложившихся к тому времени геополитических реалий. Важное значение это имело и для стран постсоветской Центральной Азии (ЦА), вставших на путь суверенного развития и приступивших к созданию системы межгосударственных экономических, политических и культурных отношений.

Казахстан и Узбекистан можно отнести к важнейшим стратегическим партнерам в Центральной Азии – регионе, на территории которого сосредоточены большие запасы природных ресурсов (углеводороды, уран, золото, газ, нефть, цветные металлы). Оба государства обладают весомым экономическим и человеческим потенциалом, связаны общими историческими, географическими,

культурными, религиозными и языковыми корнями и имеют достаточно протяженную общую границу (2203 км).

Республика Казахстан на сегодняшний день является одним из наиболее значимых как в политическом, так и в экономическом плане государств на постсоветском пространстве. Географическое положение страны имеет свои плюсы и минусы. Хотя у Казахстана нет выхода к океанам, по площади это крупнейшее государство в центре Евразии (2 724 900 кв. км), через которое проходят стратегически важные транзитные транспортные артерии. При этом Казахстан граничит с супердержавами, значительно превосходящими его по площади, населению и уровню социально-экономического развития (Россия и Китай), а также с Ираном (граница проходит по Каспийскому морю), претендующим на роль регионального центра. Эти обстоятельства сказываются на внешнеполитической линии Казахстана, который по объективным причинам проводит курс, учитывающий интересы влиятельных соседей.

Казахстанское руководство сумело извлечь выгоду из такого положения, балансируя между партнерами и превращаясь в государство, которое само стало претендовать на роль регионального лидера, а также, наряду с Россией, одного из ведущих участников и инициаторов региональных и межрегиональных интеграционных проектов. Так, еще в конце 1991 – начале 1992 г. во многом именно по инициативе бессменного лидера страны Н. Назарбаева обрело нынешние границы Содружество независимых государств (СНГ). Казахстан проявил себя как активный член таких организаций, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). С начала 2010 г. трем крупным торговым партнерам – России, Беларуси и Казахстану удалось оформить Таможенный союз. Казахстан взял на вооружение концепцию евразийства, модернизировав и адаптировав ее к новым условиям.

Узбекистан, уступая Казахстану по площади практически в шесть раз (территория Узбекистана – 447,4 тыс. кв. км.), тем не менее превосходит его по населению (Казахстан – более 15,5 млн человек, Узбекистан – свыше 27,6 млн человек) и, по европейским меркам, является достаточно крупным государством. При этом границы Узбекистана гораздо менее безопасны, особенно с Афганистаном. Все это, а также особенности предшествующего историко-культурного развития привели к тому, что внешнеполитический курс Узбекистана формировался в постсоветский период на основе умеренного изоляционизма, определенной закрытости страны и дистанцированности от интеграционных проектов, несмотря на формальное членство в ряде интеграционных организаций.

Географическая близость и наличие общих социально-экономических проблем (торговое сотрудничество, экологическая ситуация в Приаралье, вопросы технологий экономного водопользования, миграционные процессы, взаимодействие в сфере мелиорации, национальная безопасность) изначально толкали Казахстан и Узбекистан на путь стратегического партнерства. При этом различия в подходах к решению ряда глобальных задач, стоящих перед двумя государствами, а также скрытое или явное соперничество между лидерами периодически обостряли отношения между рассматриваемыми странами, делая их конкурентами. Главы обоих государств открыто демонстрируют свои притязания на лидерство в центральноазиатском регионе. В частности, И. Каримов не раз заявлял о преимуществах государственности современного Узбекистана и государства Тимуридов, власть которых, как известно, распространялась в течение определенного времени на большую часть территории ЦА. Многогранность форм и методов взаимодействия Казахстана и Узбекистана учитывалась внешними партнерами, которые всегда стремились использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Отношения Узбекистана с Казахстаном носили сложный характер еще с советских времен. Во многом наследием общего советского прошлого стали трудности в вопросе легитимации общей границы. Исторически на этих землях жили казахи, узбеки, таджики и представители других народов. В разные периоды создавались и распадались государства, а вместе с ними менялись и границы. В период советской власти границы между республиками перекраивались несколько раз. Например, если в 1924 г. в результате политики размежевания Каракалпакия вошла в состав Казахской АССР, то в 1936 г. по решению Москвы она была включена в состав Узбекской АССР.

В постсоветский период в результате долгого и напряженного переговорного процесса Казахстану и Узбекистану удалось урегулировать споры по делимитации и демаркации государственной границы, острые вопросы были решены на компромиссной основе. Н. Назарбаев отметил, что относительно делимитации границ между Казахстаном и Узбекистаном теперь «не осталось нерешенных вопросов», И. Каримов в свою очередь подчеркнул, что это результат «мудрого государственного компромисса»¹. Так, поселок Багыс и пять населенных пунктов, расположенных вдоль Арнасайской плотины, где проживают преимущественно казахи, по обоюдной договоренности переданы Казахстану. Поселок Туркестанец, принадлежавший ранее Казахстану, отошел к Узбекистану. Казахстан-

ский лидер особо отметил, что жителям этого поселка гарантирована возможность переехать на жительство в Казахстан со статусом оралмана². Три поселка Кызылординской области, где проживает преимущественно узбекское население, также вошли в состав Узбекистана.

Дипломатические отношения между независимыми Казахстаном и Узбекистаном были установлены 23 ноября 1992 г. Двусторонняя договорно-правовая база насчитывает в настоящее время более 100 совместных документов по различным областям деятельности. основополагающим документом стал Договор о вечной дружбе между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, подписанный 30 октября 1998 г. Стороны неоднократно обменивались визитами на высшем уровне. В 2002 г. между странами был подписан Договор о делимитации отдельных участков общей государственной границы, который полностью завершил определение линии совместной границы. Оба договора о казахстанско-узбекской государственной границе вступили в силу 5 сентября 2003 г. Значимым событием в развитии взаимодействия стал государственный визит президента Казахстана в Узбекистан в марте 2006 г., в ходе которого было принято решение об учреждении Межгосударственного координационного совета (МКС) под патронажем президентов двух стран в целях эффективного решения приоритетных вопросов двустороннего сотрудничества³.

Во время официального визита Н. Назарбаева в Узбекистан 16–17 марта 2010 г. обсуждались вопросы дальнейшего развития казахстанско-узбекских отношений в политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах. Казахские СМИ расценили итоги визита как начало нового витка во взаимоотношениях двух стран в сторону кардинального улучшения.

Вместе с тем Узбекистан в лице его президента И. Каримова неоднократно противодействовал инициативам Казахстана. Так, в апреле 2008 г. во время визита последнего в Астану Н. Назарбаев выдвинул «идею о создании союза центральноазиатских государств»⁴. Президент Узбекистана не воспринял эту инициативу, мотивировав тем, что региональная интеграция может нанести ущерб центральноазиатским странам в силу существенных отличий в их социально-экономическом развитии. В 2010 г. Казахстан считал своим приоритетом проведение саммита Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Астане. Встреча ведущих мировых лидеров в своей столице стала делом не только большого престижа, но и огромной важности с точки зрения тех интеграционных преобразований, которые Казахстан осуществляет

во всей ЦА. Когда в Вене обсуждалась сама идея проведения саммита ОБСЕ в Казахстане, то свое несогласие с ней высказала лишь одна страна – Узбекистан. Но и здесь стороны пришли к дипломатическому компромиссу. И. Каримов поддержал идею проведения саммита ОБСЕ в 2010 г. в Астане. Казахстан же в ответ поддержал позицию Узбекистана, выступавшего против строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане без предварительного проведения международной экспертизы данных проектов. Кроме того, Казахстан и Узбекистан договорились увеличить взаимный торговый оборот.

Следует заметить, что двусторонние торгово-экономические отношения в период с 1990-х до середины 2000-х гг. по ряду причин находились на сравнительно низком уровне. Ситуация изменилась в 2008 г. во время визита президента Узбекистана в Астану, где было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли между Узбекистаном и Казахстаном, и в последующие годы объем внешнеторгового оборота между странами вырос значительно. В 2012 г. он превысил 2,5 млрд долл., причем экспорт из Казахстана в Узбекистан составил 1,344 млрд долл., а импорт из Узбекистана в Казахстан – 817 млн долл. В 2015 г. товарооборот между странами превысил 3,2 млрд долл. И Казахстан, и Узбекистан обладают значительным потенциалом для расширения сотрудничества в сфере сельского хозяйства, промышленности, строительства, транспортных коммуникаций, нефтегазовой промышленности и др. Один из ключевых вопросов – предоставление взаимных тарифных и нетарифных преференций при транзите и поставках грузов, например из Узбекистана в Россию через Казахстан или из Казахстана в различные страны Азии через Узбекистан. В 2015 г. транзит узбекских грузов по территории Казахстана составил более 2 млн т, а казахстанских грузов по территории Узбекистана – более 3 млн т. Значительный рост транзитных показателей Казахстана и Узбекистана ожидается в связи с запуском ряда новых международных коммуникационных проектов, которые свяжут ЦА с другими регионами.

В ходе визита Н. Назарбаева в Узбекистан в апреле 2016 г. стороны обозначили ряд важных направлений взаимодействия, включая вопросы расширения политического и экономического сотрудничества, обеспечения стабильности в Центральной Азии. Президент Казахстана подчеркнул: «Время такое, и геополитические моменты настолько сложны, что нам надо сосредоточиться. Все большие игроки – как Россия, Китай, США, Европа – с интересом следят за нашим сотрудничеством. Я горжусь своей дружбой с Вами и дружбой казахского и узбекского народов. Цель состоит

в том, чтобы укрепить эти отношения, взаимное доверие и передать его следующим поколениям»⁵. По результатам встречи в Ташкенте была принята договоренность об активизации двустороннего сотрудничества по ряду региональных и международных проблем и угроз, включая борьбу с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия и др. Стороны отметили наличие значительного потенциала для укрепления взаимодействия и выразили стремление к дальнейшему развитию сотрудничества Узбекистана и Казахстана в рамках международных и региональных организаций.

В официальных казахстанских СМИ часто говорится о ведущем положении Казахстана в регионе. Практически все меры Астаны, направленные на развитие позитивного внешнеполитического имиджа страны, позиционируют Казахстан как лидирующее в ЦА государство. Председательство Казахстана в ОБСЕ оценивается Астаной как эпохальное событие для всего региона. И. Каримов, в свою очередь, неоднократно указывал на то, что «курс казахстанской власти, по сути дела, противоречит национальным интересам страны»⁶. В частности во время одного из заседаний парламента он заявил, что в Казахстане ущемляются интересы коренного этноса и его роль в национальном строительстве.

В двусторонних отношениях между республиками важную роль играет присутствие казахского национального меньшинства в Узбекистане и узбекской диаспоры в Казахстане. Ухудшение социально-экономического положения значительной части населения Узбекистана оказало влияние на развитие ряда негативных для Казахстана процессов. Это прежде всего увеличивающиеся потоки нелегальных трудовых мигрантов, создающих напряжение на казахстанском рынке труда. Число граждан Узбекистана, выезжающих за пределы республики в поисках работы, увеличивается с каждым годом. При этом миграционные процессы сопровождаются ростом преступности, в том числе связанной с незаконным распространением наркотиков.

Особую актуальность проблеме нелегальной узбекской миграции придает то, что она направлена в первую очередь в южные области Казахстана, где сохраняется высокая плотность и большой естественный прирост населения. Приток мигрантов обостряет эти особенности и повышает интенсивность нагрузки в социально-экономической сфере. Противоречия между казахами и узбеками возникают на почве конкуренции за рабочие места, претензий относительно уровня оплаты труда (как правило, труд узбекских рабочих оценивается существенно дешевле казахских).

Казахстан проводит политику поощрения возвращения казахов на историческую родину, хотя пока этот процесс нельзя признать вполне эффективным⁷. Глобальная цель и задача руководства страны в демографической сфере заключаются в увеличении населения и приведении его плотности в соответствие с размерами территории. Для этого применяются и меры, направленные на повышение естественного прироста населения (например, материальное поощрение женщин). В Узбекистане подобной программы по стимулированию возвращения узбеков нет, так как отсутствует необходимость механического увеличения населения в силу его резкого естественного роста, и, наоборот, существует проблема перенаселенности.

Серьезное значение в миграционных процессах имеет и религиозный фактор. Узбеки традиционно были и остаются более религиозными (Исламский религиозный центр всего бывшего Советского Союза находился в Ташкенте), казахи в значительно меньшей степени привержены исламу. Если в Узбекистане мусульмане составляют до 90% населения (узбеки, таджики, казахи, каракалпаки, уйгуры, татары, крымские татары, турки-месхетинцы), то в Казахстане численность мусульман едва достигает 65% (казахи, уйгуры, татары, дунгане, чеченцы, ингуши, турки)⁸.

Государственный визит президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Казахстан в марте 2017 г. открыл новую страницу в отношениях двух стран. В ходе переговоров обсуждались вопросы дальнейшего развития сотрудничества, укрепления мира и безопасности, состоялся обмен мнениями по актуальным региональным и международным вопросам, представляющим взаимный интерес. В частности, президент отметил, что «Узбекистан и Казахстан заинтересованы в быстрейшем урегулировании афганской проблемы. Переход Афганистана на мирные рельсы во многом зависит от экономического развития, в котором могут и должны принять участие страны нашего региона. ...Огромную роль могут сыграть совместные инфраструктурные проекты в Афганистане, в том числе по развитию трансафганского транспортного коридора, который будет иметь позитивное значение и для выхода стран региона к портам стран Южной Азии, Персидского залива и Ближнего Востока. ...Региональное взаимодействие в осуществлении совместных проектов в Афганистане в таких сферах, как развитие энергетического сектора и транспортных коммуникаций, с учетом опыта наших специалистов, может сыграть огромную роль в укреплении мирного процесса в этой стране»⁹.

Казахстан является одним из важных партнеров Узбекистана в торгово-экономической сфере. Узбекистан экспортирует в Ка-

захстан природный газ, автомобили, транспортные средства, минеральные удобрения, текстильную, электротехническую, плодоовощную продукцию, строительные материалы и другие товары и услуги. Из Казахстана в Узбекистан импортируются нефть, металлы, мука, масложировая продукция. По итогам 2016 г. объем взаимного товарооборота составил 2 млрд долл. На территории Казахстана и Узбекистана функционируют сотни совместных компаний. Однако внешняя политика двух государств не лишена противоречий. Астана придерживается многовекторной политики и провозгласила стратегию «Путь в Европу». Ташкент отдает предпочтение двусторонней политике. Казахстан является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Узбекистан же покинул ее ряды. Каждое из этих государств установило стратегические отношения с США, Россией и другими великими державами, но очевидно, что приоритетное внимание при осуществлении их собственного стратегического сотрудничества должно быть отдано региону ЦА.

Для России Казахстан является ключевым партнером на постсоветском пространстве. Это касается как экономических проектов, в частности связанных с развитием газотранспортной инфраструктуры, так и политических и культурных. При этом в условиях довольно сильного соперничества за региональное лидерство между Казахстаном и Узбекистаном выстраивание отношений с последним является для России инструментом оказания определенного давления на Астану. За 25 лет, прошедших после обретения независимости Россией и Узбекистаном, в их двусторонних связях были различные периоды, но в настоящее время есть все основания говорить о стратегическом партнерстве и союзнических отношениях Ташкента и Москвы. За последние годы подписано более 150 документов, регулирующих взаимодействие в самых различных областях – политической, экономической, военно-технической, гуманитарной и многих других¹⁰.

Для США важно укрепление своих позиций как в Узбекистане, так и в Казахстане. Однако если Казахстан рассматривается ими как территория между Россией и Китаем, то отношения с Узбекистаном, преимущественно мусульманской и самой густонаселенной страной ЦА, граничащей со всеми остальными государствами региона, имеют большое значение при определении вектора развития всей Центральной Азии и достижения долгосрочных внешнеполитических целей и задач в этой части мира. В настоящее время администрация Д. Трампа ведет активную борьбу с терроризмом в Афганистане, Сирии, Ираке. Именно это является главной точкой пересечения интересов США и государств Центральной Азии.

Для Китая Казахстан – важнейший объект экспансии, прежде всего экономической. Завоевание рынка Казахстана, наполнение его своими товарами и в результате рост экономического влияния в регионе, где доминируют Россия и Запад, – вот наиболее актуальные задачи, стоящие перед КНР. Любое ослабление политического влияния России в Казахстане почти автоматически приводит к росту политического веса Китая. Узбекистан для Китая также исключительно важен. Узбеки в этническом отношении близки к уйгурам. Строящаяся железная дорога Кашгар – Андижан, которая свяжет Китай с Узбекистаном, будет способствовать установлению непосредственного экономического и торгового контакта и несколько ослабит экспортно-импортные возможности Казахстана, так как товары будут направляться из Китая в Узбекистан по более короткому пути. Кыргызстан, по чьей территории пройдет эта железнодорожная магистраль, также будет иметь выгоду, получая прибыль от транзита¹¹.

ЕС в своих отношениях со странами ЦА делает ставку на совместные экономические интересы. Кроме того, европейские страны целенаправленно продвигают в регионе свои технические регламенты, стандарты качества, создавая базу для дальнейшего расширения влияния.

Подводя итог, следует отметить, что в целом сотрудничество между Казахстаном и Узбекистаном имеет положительную динамику. Договорно-правовая база двусторонних отношений охватывает практически все его сферы. Товарооборот между Казахстаном и Узбекистаном достаточно стабилен. У двух государств одна цель – сохранить стабильность и мир в регионе и всесторонне развивать тесные добрососедские связи. Казахстан и Узбекистан как два лидера Центральной Азии имеют огромный потенциал для развития политических, экономических, культурно-гуманитарных отношений. С избранием нового президента Узбекистана Ш. Мерзиёева наблюдается активное сближение этих стран. Дальнейшее развитие их отношений будет способствовать укреплению международного имиджа двух государств, региональной стабильности, в том числе укреплению безопасности границ России и Китая со странами ЦА, снижению здесь трансграничных рисков. В конечном итоге страны получают больше предпочтений от расширения регионального экономического и политического сотрудничества. В условиях проведения активной политики ведущих мировых держав в ЦА Казахстану и Узбекистану приходится делать непростой выбор, с кем и в каких сферах сотрудничать. От этого во многом будет зависеть не только будущее этих стран, но и обстановка во

всем регионе. Только согласованные действия двух государств во взаимодействии с РФ, США, ЕС, а также Китаем, Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией и другими странами позволят достичь необходимых результатов в деле укрепления стабильности во всем Центрально-Азиатском регионе.

Примечания

- 1 Назарбаев и Каримов подписали окончательный договор о границах: Спорные Багыс и Туркестанец поделены поровну [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. 2002. 10 сент. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1031603040> (дата обращения: 20.07.2017).
- 2 Оралманы – этнические казахи-репатрианты, которые переселяются в Казахстан из соседних стран.
- 3 Основные направления двухстороннего сотрудничества Казахстана и Узбекистана: 1991–2006 гг. // Вестник Национальной академии Республики Казахстан. 2006. № 5. С. 93–96.
- 4 Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана: Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации // Казахстанская правда. 2005. 19 февр.
- 5 Взаимоотношения Узбекистана и Казахстана: основные тенденции и фактор устойчивости Центральной Азии [Электронный ресурс] // Stan Radar. 2016. 21 апр. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20534-vzaimootnoshenija-uzbekistana-i-kazahstana-osnovnye-tendentsii-i-faktor-ustojchivosti-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения: 20.07.2017).
- 6 Мамираимов Т. Новый виток во взаимоотношениях Астаны и Ташкента? [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Фергана». 2010. 12 апр. URL: <http://fergananews24.ru/articles/6530.html> (дата обращения: 20.07.2017).
- 7 Казахская и узбекская диаспора: важный фактор развития отношений между Казахстаном и Узбекистаном: Хронология, структура и некоторые закономерности формирования казахской государственности // Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 70-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, академика Академии юридических наук РК Т. Агдарбекова (Туркестан, МКТУ им. Х.А. Ясави, 7–8 ноября 2008 г.). Туркестан, 2008. С. 535–540.
- 8 Хаджи Муслим. Узбекистан – Казахстан: «вечная» дружба с визовой отметкой?! [Электронный ресурс] // Интернет-газета Zona. 2000. 15 марта. URL: <http://www.zonakz.net/articles/12989> (дата обращения: 20.07.2017).
- 9 Шавкат Мирзиёев дал интервью накануне визита в Казахстан [Электронный ресурс] // Новости Узбекистана. 2017. 22 марта. URL: <http://novosti-uzbekistana>.

ru/shavkat-mirziyoev-dal-intervyu-nakanune-vizita-v-kazakhstan/ (дата обращения: 05.06.2017).

- ¹⁰ *Мухаметшин Ф.М.* Россия – Узбекистан: стратегическое партнерство и союзнические отношения в действии [Электронный ресурс] // Кафедра постсоветского зарубежья РГГУ. 2007. 16 янв. URL: <http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=55> (дата обращения: 15.07.2017).
- ¹¹ Геополитические условия сотрудничества Казахстана и Узбекистана в период суверенитета // *Отан тарихы*. 2009. № 4. С. 28–35.

Создание международного финансового центра «Астана» в рамках общего финансового рынка ЕАЭС

В статье рассматривается процесс создания общего финансового рынка ЕАЭС, главные направления сотрудничества и достигнутые результаты. Основное внимание уделяется казахстанскому проекту Международного финансового центра «Астана» и его значению для формирования общего финансового рынка.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, финансовый рынок, Казахстан, блокчейн.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) существует уже около трех лет. Его создание происходило в очень сложной геополитической и экономической ситуации. Однако несмотря на все трудности последних лет, такие как финансовый кризис, санкционное противостояние России и стран Запада, вызывающее негативную реакцию партнеров по ЕАЭС, и ряд других проблем, Союз продолжает развиваться. В январе – мае 2017 г. впервые с момента его образования зафиксирован рост объема взаимной торговли¹. Взрывной рост объемов взаимной торговли произошел в 2010 г. с созданием Таможенного союза, показатель был положительным в течение трех лет, но с 2014 г. все время находился в отрицательной зоне.

В соответствии со взятыми на себя обязательствами страны продолжают согласование вопросов, касающихся формирования общих рынков: идет работа по созданию нового Таможенного кодекса, общего рынка газа, нефти и нефтепродуктов, единых норм на рынке труда, в образовательном пространстве, сфере услуг, в том числе транспортных (что особенно актуально с учетом реализации

китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути), и т. д. Большое значение придается формированию общего финансового рынка. Этот процесс должен завершиться только к 2025 г., но уже сейчас на межгосударственном уровне происходит разработка и принятие соглашений, которые будут регулировать финансовое пространство.

Эта сфера сотрудничества всегда имела особое значение для Республики Казахстан. Развитие рынка финансовых услуг является одним из приоритетов для властей страны. Для этого формируется соответствующая инфраструктура. С января 2018 г. в Казахстане начинает работу Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА).

Для Казахстана это уже вторая попытка реализации столь амбициозного проекта. В 1995 г. Нурсултан Назарбаев выдвинул идею создания регионального финансового центра в Алма-Ате (РФЦА) для использования имеющихся у республики конкурентных преимуществ в финансовом секторе по отношению к другим странам региона, а также расширения финансового посредничества и привлечения в страну международных финансовых потоков². Однако из-за экономического кризиса 1998 г. в полном объеме проект реализован не был. РФЦА заработал только в 2006 г. в достаточно усеченном варианте. Назвать его деятельность успешной сложно³.

Весной 2015 г. в рамках предвыборной кампании президент Казахстана вновь озвучил идею создания финансового центра. На этот раз проект был намного более амбициозным, охватывал большое количество направлений сотрудничества и требовал значительных изменений в законодательстве.

Затем проект был включен в президентскую программу «План нации – 100 конкретных шагов» во исполнение «пяти институциональных реформ», направленную на преодоление последствий экономического кризиса. Программа предполагает «создание Международного финансового центра “Астана” на базе инфраструктуры ASTANA EXPO 2017 с приданием ему специального статуса. Закрепление особого юридического статуса финансового центра в Конституции. Становление центра в качестве финансового для стран СНГ, а также всего региона Западной и Центральной Азии. Создание независимой судебной системы с собственной юрисдикцией, которая будет функционировать на принципах английского права. Судейский корпус формируется из числа иностранных специалистов. В перспективе финансовый хаб Казахстана должен войти в 20 передовых финансовых центров мира»⁴.

«Основные направления деятельности МФЦА – развитие рынка капитала, управление активами, управление благосостоянием состоятельных частных лиц, исламские финансы, новые финансовые технологии»⁵.

В декабре 2015 г. был принят Конституционный закон «О Международном финансовом центре “Астана”»⁶, а весной 2017 г. внесены поправки в Конституцию, согласно которым в городе Астане может быть установлен особый правовой режим в финансовой сфере⁷.

Создание МФЦА имеет большое значение не только для Казахстана, но и для всех стран – участников Евразийского экономического союза, учитывая, что идет формирование общего финансового рынка.

Общий финансовый рынок позволит признавать банковские, страховые лицензии и лицензии на осуществление деятельности на рынке ценных бумаг во всех странах-участниках, обеспечит недискриминационный доступ на финансовые рынки государств ЕАЭС и гарантирует защиту прав потребителей финансовых услуг⁸, но главное, облегчит выход банков и финансовых компаний стран-участников на рынки друг друга.

В настоящее время Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) ведет работу по согласованию текста Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, который будет представлен на утверждение Высшему евразийскому совету.

В Концепции будут определены основные цели, принципы, задачи, этапы и ожидаемые результаты формирования общего финансового рынка ЕАЭС; правовая база и главные направления его функционирования; порядок информационного взаимодействия и административного сотрудничества его регуляторов; задачи и полномочия наднационального органа по регулированию общего финансового рынка; ключевые мероприятия по реализации Концепции и др.⁹

Кроме того, одобрен проект Плана гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в финансовой сфере. Это долгосрочная «дорожная карта», которая позволит сблизить нормы регулирования финансовых рынков в странах Союза. Гармонизация будет иметь свою специфику для каждого из трех секторов финансового рынка: банковского, страхового и рынка ценных бумаг. Сроки проведения гармонизации для каждого сектора могут значительно отличаться. При этом ключевыми принципами будут являться требования о неухудшении действующего законодательства и ориентация на соответствующие международные стандарты и лучшую мировую практику¹⁰.

В Договоре о ЕАЭС (в отличие от договоров о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве) предусмотрена необходимость разработки механизма взаимодействия уполномоченных органов государств-членов в сфере регулирования, контроля и надзора за деятельностью на своих финансовых рынках.

Планируется, что финансовый регулятор будет размещен в Астане¹¹. На данный момент его полномочия полностью не определены. Очевидно, они будут несопоставимы с имеющимися у Европейского центрального банка, но часть полномочий от национальных центральных банков ему передана будет. В любом случае для Казахстана это важно и с точки зрения «практического наполнения» МФЦА, и как имиджевая составляющая.

Завершается работа над Соглашением о подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации в странах ЕАЭС. Соглашение будет способствовать обеспечению свободы движения капитала и денежных средств, формированию общего финансового рынка в государствах-участниках. Документ определяет перечень валютных операций резидентов стран ЕАЭС, к которым странами Союза не будут применяться валютные ограничения. Соглашение предоставит возможность физическим и юридическим лицам открывать на недискриминационной основе счета во всех банковских учреждениях любого из государств – членов ЕАЭС.

Помимо этого, важным фактором формирования общего финансового рынка является создание единого биржевого пространства (ЕБП). Благодаря ЕБП будет возможно обеспечить свободное передвижение капитала между экономиками стран ЕАЭС. Планируется, что единое биржевое пространство начнет работу после подписания серии межгосударственных соглашений, в которых будут закреплены гармонизированные нормы, запускающие механизм межгосударственной биржевой торговли на финансовом рынке. Одно из наиболее важных – разработанное ЕЭК Соглашение о допуске брокеров и дилеров одного государства Союза на биржи других стран-членов. Документ предусматривает допуск без дополнительной регистрации брокеров и дилеров на национальные биржи государств ЕАЭС.

Кроме того, ЕЭК разрабатывает ряд других соглашений, в том числе Соглашение о взаимном признании выпуска ценных бумаг, Соглашение по аудиторам и др.¹² Планируется наладить обмен кредитными историями, что создаст возможность для привлечения на национальные рынки кредитования клиентов из других стран ЕАЭС.

При этом на официальном уровне неоднократно подчеркивалось, что формирование единого биржевого пространства не предполагает кардинальных изменений в функционировании финансовых рынков государств ЕАЭС¹³.

Создание общего финансового рынка особенно важно с учетом роста заинтересованности стран ЕАЭС в инвестиционном сотрудничестве. В 2016 г., несмотря на сокращение национальных экономик, взаимные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) стран ЕАЭС выросли на 15,9% и составили 26,8 млрд долл. Естественно, крупнейшими экспортерами капитала в ЕАЭС выступили российские компании (более 78% ПИИ). На втором месте Казахстан (13,5%), на третьем – Белоруссия (7,8%). Армения и Кыргызстан заметно уступили по этому показателю. Новым трендом стало то, что Россия не только направляет свои инвестиции в другие государства ЕАЭС, но и получает все больше инвестиций от соседей. Накопленный объем ПИИ составил 5 млрд долл. Но главными получателями ПИИ по-прежнему являются Белоруссия (8,6 млрд долл. к концу 2016 г.) и Казахстан (8,2 млрд долл.).

К сожалению, средний и малый бизнес пока не готов к участию в зарубежных проектах, основными инвесторами являются крупные компании. При рассмотрении отраслевой структуры инвестиций не вызывает удивления, что более половины российских инвестиций в странах ЕАЭС направляется в топливный комплекс. Заметное место занимают инвестиции в цветную металлургию, связь и информационные технологии, финансовый сектор. В свою очередь, ПИИ, полученные Россией, – это инвестиции в химический, агропродовольственный и транспортный секторы¹⁴.

Разумеется, вопросы создания общего финансового рынка тесно связаны с валютным регулированием. Как уже неоднократно заявляли президенты стран ЕАЭС, введение единой валюты на территории Союза не планируется. Однако государства-участники активизируют сотрудничество в области криптовалют.

Во время Петербургского международного экономического форума в июне 2017 г. заместитель председателя Центрального банка России Ольга Скоробогатова анонсировала запуск пилотного проекта по использованию технологии блокчейн для взаимодействия стран Евразийского экономического союза в области финансовых услуг. К концу 2017 г. в ЕАЭС может начать работу экспериментальный общий блокчейн-проект. Его успешная реализация, без сомнения, будет способствовать формированию общего финансового пространства. Предполагается, что регулирование примене-

ния блокчейн-технологии будет согласовано на наднациональном уровне¹⁵.

Актуальность данной темы очевидна. Поэтому практически все страны ЕАЭС заявили о своем интересе к блокчейн-технологиям. Очень активен на этом направлении Казахстан. В Международном финансовом центре «Астана» уже развивается проект по внедрению криптовалюты. К настоящему времени создана правовая база, которая позволяет проводить ICO¹⁶, осуществлять обмен криптовалютой на национальную валюту и создавать сложные производные механизмы на смарт-контрактах. Над проектом работают компании «Делойт» СНГ, «Waves», ЮК «Юскутум» и «Кесарев Консалтинг». Большинство участвующих в разработке специалистов из России, часть – из Украины.

Точно оценить потенциальную выгоду для Казахстана от внедрения блокчейна сложно. Но, например, по мнению генерального директора инновационного кластера «Almaty TechGarden» Санжара Кеттебекова, глобальное принятие криптовалюты способно дать до 20 % экономии ежегодно только в области финансовых транзакций благодаря устранению посредников (в первую очередь банков) из основанных на блокчейне систем. Возможно, подобные оценки достаточно оптимистичны и относятся к средне- и долгосрочной перспективе, но уже сейчас Казахстан стремится стать ведущим игроком в этой сфере на пространстве ЕАЭС.

До конца 2017 г. Национальный банк Казахстана начнет продажу бондов на основе блокчейна. В будущем на блокчейне, возможно, начнут размещаться и ценные бумаги в рамках IPO¹⁷. Стоит отметить, что Центробанк России создал Ассоциацию «Финтех», которая разрабатывает блокчейн-платформу «Мастерчейн»¹⁸. Министр связи РФ Николай Никифоров недавно заявил о планах создания в России собственной криптовалюты, так как западные проекты вряд ли будут полностью легализованы¹⁹. Блокчейн-проекты есть в Белоруссии²⁰ и Киргизии²¹. В свою очередь, армянская сторона пока соответствующего интереса не проявляла.

Накопленный Россией и Казахстаном опыт в этой сфере может быть использован на пространстве всего Евразийского экономического союза в рамках создания общего финансового рынка и особенно с использованием инфраструктуры МФЦА.

Формирование общего финансового рынка, выработка единых норм и правил в данной области будут способствовать дальнейшему развитию ЕАЭС, появлению новых возможностей для сотрудничества компаний стран-членов.

- ¹ Экономические связи и развитие ЕАЭС [Электронный ресурс] // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2017. Август. № 23. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14124.pdf> (дата обращения: 04.09.2017).
- ² История создания РФЦА [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального банка Республики Казахстан. 2013. 5 дек. URL: <http://nationalbank.kz/document/?docid=4658&to%20=get&switch=russian> (дата обращения: 04.09.2017).
- ³ *Темирханов А.* Региональный финансовый центр Алматы: полная безнадега [Электронный ресурс] // Forbes-Казахстан. 2015. 6 апр. URL: https://forbes.kz/finances/finance/regionalnyiy_finansovyy_tsentr_almatyi_polnaya_beznadega (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁴ «План нации – 100 конкретных шагов»: Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁵ О Центре [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного финансового центра «Астана». URL: http://www.aifc.kz/index_ru.html# (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁶ Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V «О Международном финансовом центре «Астана» (с изменениями от 13.03.2017 г.) // *Zakon.kz*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39635390 (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁷ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.) // *Zakon.kz*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=1188;-148 (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁸ Страны ЕАЭС создадут общий финансовый рынок без введения единой валюты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2015. 17 июля. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/23-07-2015-2.aspx> (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁹ ЕЭК создает комфортное пространство для потребителей и поставщиков финансовых услуг в странах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2017. 30 авг. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-08-2017-1.aspx> (дата обращения: 04.09.2017).
- ¹⁰ Тимур Жаксылыков: «Интеграция по всем азимутам» [Электронный ресурс] // Экономика и жизнь. 2017. 24 авг. URL: <https://www.eg-online.ru/article/353218/> (дата обращения: 04.09.2017).
- ¹¹ *Никулина Е.* Наднациональный финансовый регулятор предложили разместить в Астане [Электронный ресурс] // Литер. 2016. 21 июня. URL: <https://litter>.

- kz/ru/articles/show/21094-nadnacionalnyi_finansovy_i_regulyator_predlozhili_razmestit_v_astane (дата обращения: 04.09.2017).
- 12 *Мурычев А.В.* Формирование общего финансового рынка ЕАЭС: преимущества и вызовы для стран-участников [Электронный ресурс] // Официальный сайт российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://www.orlov.rspp.ru/viewpoint/view/951> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 13 ЕЭК создает комфортное пространство для потребителей и поставщиков финансовых услуг в странах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2017. 30 авг. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-08-2017-1.aspx> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 14 ЕАБР: После трех лет падения начался рост взаимных инвестиций в Евразийском экономическом союзе – взаимные ПИИ ЕАЭС выросли на 16% [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского банка развития. URL: <https://eabr.org/press/news/eabr-posle-trekh-let-padeniya-nachalsya-rost-vzaimnykh-investitsiy-v-evraziyskom-soyuze-vzaimnye-pii/> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 15 Банк России запустит блокчейн-проект в финансовой сфере ЕАЭС [Электронный ресурс] // Век. 2017. 5 июня. URL: <https://vek.ru/bank-rossii-zapustit-blokchejn-proekt-v-finansovoj-sfere-eayes> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 16 ICO (Initial Coin Offering) – создание или эмиссия некоторого количества токенов для продажи инвесторам с целью собрать необходимые средства для дальнейшего развития проекта или криптовалюты. Подробнее см., например: *Акт Р.* Анатомия краудфандинга, или Феномен ICO [Электронный ресурс] // Google Books. URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 17 IPO (от англ. Initial Public Offering) – первая публичная продажа акций акционерного общества, в том числе в форме продажи депозитарных расписок на акции, неограниченному кругу лиц.
 - 18 *Кузнецова Н.* Астана станет новой криптовалютной гаванью [Электронный ресурс] // Инвест Форсайт. 2017. 17 июня. URL: <https://www.if24.ru/astana-kriptovalyutnaia-gavan/> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 19 Отечественный биткоин зашифруют в России [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 2017. 4 сент. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/90478> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 20 В Беларуси создана информационная сеть по технологии блокчейн – Нацбанк [Электронный ресурс] // Интерфакс-Запад. 2017. 17 июля. URL: <https://www.interfax.by/news/belarus/1227474> (дата обращения: 04.09.2017).
 - 21 В Кыргызстане намерены построить дата-центр для изучения блокчейна [Электронный ресурс] // Forklog. 2017. 18 июля. URL: <http://forklog.com/v-kyrgyzstane-namereny-postroit-data-tsentr-dlya-izucheniya-blokchejna/> (дата обращения: 04.09.2017).

Общественно-политические процессы и социально-культурные коммуникации: теория и методология

С.С. Новосельский

«Смута» или «революция»? События 1905 г. в России в оценках представителей власти и консервативных течений общественной мысли

В статье дается анализ оценок представителей высшей бюрократии и ряда видных консервативных общественно-политических деятелей характера революционного кризиса, с которым Россия столкнулась в 1905 году. Особое внимание уделяется критериям определения современниками политического положения в стране как «смуты» или «революции», а также факторам и этапам трансформации революционного кризиса от одной из этих стадий к другой. На основании терминологического анализа раскрывается своеобразие политической рефлексии власти и общества, ставящее вопрос о правомерности общепринятых в историографии хронологических и типологических характеристик Первой русской революции.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, высшая бюрократия, консерватизм.

Необходимость комплексного анализа понимания и применения в рамках различных течений общественной мысли таких системообразующих понятий, как «революция», была констатирована в отечественной историографии сравнительно недавно¹. Данная проблема становится особенно актуальной, когда речь идет о событиях Первой русской революции, содержание которых по-разному оценивалось представителями властных элит и общественных сил, в том числе настроенных по отношению к самодержавию вполне лояльно. Анализ рефлексии современниками вопроса о том, с какого момента можно говорить о внутривластном кризисе начала XX в. в России как о революции, попытки которого в российской исторической науке уже предпринимаются²,

позволяет точнее выявить характер социально-политических потрясений, предопределивших начавшуюся в 1905 г. трансформацию всей политической системы страны.

Если слово «революция» до 9 января 1905 г. и выходит из-под пера консерваторов, то лишь в качестве синонима революционному движению, но отнюдь не характеристики политического положения в стране³. Однако тревожные ожидания начинают проявляться на рубеже 1904–1905 гг. как в среде высшей бюрократии, так и в правомонархических кругах. По свидетельству А.В. Богданович, 20 декабря 1904 г. издатель «Нового времени» А.С. Суворин, будучи гостем салона ее супруга, утверждал, что ранее он «никогда не думал, что в России может быть революция, но теперь приходится думать, что она возможна; что он видел Витте, говорил с ним, и Витте сказал, что боится весны»⁴.

Эти опасения не замедлили оправдаться. Однако лишь отдельные публицисты консервативного толка открыто говорят о событиях 9 января 1905 г. в Петербурге как о начале революции. Так, Л.А. Тихомиров отметит на следующий день в дневнике: «В Петербурге форменная революция...»⁵ В течение января один из крупнейших теоретиков русского монархизма начала XX в. будет только укрепляться в своем убеждении⁶, однако уже к началу весны, когда потрясения, вызванные событиями «кровавого воскресенья», немного утихнут, изменится и взгляд Тихомирова: отныне революция рассматривается им лишь как перспектива (пусть и весьма вероятная), осуществление которой Тихомиров связывает с торжеством во власти конституционного проекта⁷. Качественную трансформацию возникшего на экономической почве недовольства рабочих в выплеснувшийся на улицы «политический бунт», «революцию» констатирует 12 января 1905 г. на страницах своего дневника известный публицист неославянофильского толка генерал А.А. Киреев⁸.

Вопрос определения своего отношения к происходящему в стране становится после «кровавого воскресенья» предельно актуальным и для власти. По общему мнению, выраженному 18 января 1905 г. в ходе совещания министров о разработке проекта манифеста, посвященного событиям 9 января, в стране разгорается не революция, а смута, начало которой, по утверждению Д.М. Сольского, положило убийство В.К. Плеве⁹. Примечательно, что из окончательной редакции манифеста само слово «смута» изымается – его заменяют «смущением», овладевшим рабочими¹⁰.

Однако вполне понятное желание власти не выносить оценок внутривластного кризиса в стране в публичное пространство

отнюдь не означало отсутствия в среде правящей элиты осознания серьезности положения и необходимости реагировать на него. Как уже отмечалось исследователями, в ходе заседаний Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. «слово “революция” по-видимому, никем ни разу не было произнесено»¹¹. Действительно, в среде высшей бюрократии этого слова пока стараются избегать. В то же время все участники заседаний, в том числе и Николай II, констатируют рост политической нестабильности в обществе¹², а П.Л. Лобко и вовсе выступает с заявлением о том, что «не преобразовательную цель имеют волнения – устранить самодержавие. Власть господствующих классов»¹³, де факто называя происходящее в стране революцией.

В то время как власть стремилась к максимально нейтральным формулировкам, представители консервативного направления общественной мысли, напротив, находились в поиске наиболее точного наименования «того гнетущего состояния, которому», по выражению князя А.А. Ширинского-Шихматова, «еще не придумано настоящего названия, но которое характеризуется общею смутою»¹⁴. В данном случае обращает на себя внимание дефиниция, которую видный публицист консервативного толка Грингмут проводит между «смутой» и «крамолы». «Смута», согласно его определению, – это состояние умов, градус общественных настроений, термином же «крамола» редактор «Московских ведомостей» называет революционное движение, революционеров¹⁵. Именно поэтому только «искоренение крамолы», по словам Грингмута, приведет к «прекращению смуты»¹⁶. Любопытно, что грань между «крамолы» и «революцией» для Грингмута предельно тонка, а срок, когда усиление «крамолы» приведет к качественной трансформации внутривластного кризиса в России от «смуты» к «революции», весьма скоротечен. Так, уже во второй половине марта 1905 г., рассуждая о «легальных крамольниках» (т. е. некоторых членах правительства) и их «подпольных сообщниках» (революционерах), Грингмут будет именовать тех и других не иначе как «тайным и явным механизмом поднявшейся у нас революции»¹⁷.

Летом 1905 г. внутривластное положение в России в целом продолжает характеризоваться представителями власти как «смута», хотя некоторые из них (в частности, В.Н. Коковцов, а позднее и Д.Ф. Трепов) в своих донесениях отмечают, что она приобретает все более широкий, «господствующий» характер¹⁸. Наряду с этим П.А. Столыпин, классифицируя крестьянские выступления и волнения земских врачей Балашовского уезда Саратовской губернии как «революционные проявления»¹⁹, одним из первых экстраполи-

рует эпитет «революционный» не только на нелегальные политические объединения, но и на события в губернии в целом.

Однако не все представители высшей бюрократии были в то время столь же осторожны в оценках политического положения в России. Так, А.Н. Куломзин в письме, адресованном 14 июля 1905 г. Э.Ю. Нольде, говорит о происходящем в стране как о «революции», в то же время констатируя всеобщую уверенность в том, «что она уляжется, как только соберется Дума»²⁰. Те же надежды в ответном письме Куломзину от 27 августа 1905 г. выражает и Нольде²¹.

Не разделявшие уверенности в успехе Думы в деле противодействия революционному движению консерваторы, предрекавшие победу крайних партий на грядущих парламентских выборах, всячески стремились донести до сочувствующих им представителей высшей бюрократии свои опасения. Так, например, Н.А. Бобринков 29 сентября 1905 г. пишет министру народного просвещения В.Г. Глазову, что «создание Думы будет началом нового периода смуты»²². Власть на подобные опасения реагировала спокойно. В частности министр внутренних дел А.Г. Булыгин парировал угрозы сторонников идеи ограничиться привлечением выборных в состав Государственного совета ввиду неизбежной «революционности» Думы утверждением о том, что крайние политические идеи «вообще не свойственны русскому национальному характеру»²³.

Следует отметить, что представление о том, что созыв Государственной думы станет толчком к росту революционного напряжения в стране, разделялось отнюдь не всеми консерваторами. Так, участник Петергофских совещаний А.А. Нарышкин, несмотря на провал отстаиваемого им и его сторонниками проекта народного представительства, напишет 23 августа 1905 г. в Москву Тихомирову: «Мы все так довольны... учреждением Государственной думы, что обо всем остальном и думать не хотим. Отныне все пойдет само собою, как по маслу. Конечно, немножко скучно, что в стране еще продолжается какая-то непонятная смута... Но, впрочем, – где наша не пропадала!»²⁴

И все же к середине 1905 г. обозначается некоторое ожесточение риторики правых, которые традиционно опережали как власть, так и прочих общественных деятелей в постановке политических диагнозов. Уже в середине июля 1905 г. Грингмут заметит на страницах «Московских ведомостей», что «революция у нас не только возможна, но уже и началась!»²⁵ Претерпевает изменения и его оценка событий конца 1904 г., которые начинают расцениваться организатором «Русской монархической партии» не иначе, как политическая революция, инициатором которой выступали предста-

вители масонских кругов²⁶. Отметим, однако, что подобные диагнозы снимаются правыми так же стремительно, как и выставляются. Так, в первой половине октября 1905 г. Грингмут вновь утверждает, что революция в России возможна лишь «при совершенно невероятных условиях», а именно – последовательных правительственных уступках революционному движению²⁷.

По мере развертывания всеобщей политической стачки предостережения высшей власти звучат все более грозно. «Все ближе и грознее надвигается на Россию кровавый призрак революции со всеми ее ужасами и бедствиями»²⁸, – отметит 9 октября 1905 г. во всеподданнейшей записке генерал-адъютант Н.В. Клейгельс. В то же время революционные события выступают предлогом для лоббирования отдельных политических проектов. И если начальник военной типографии Генерального штаба П. Закрецкий использует в качестве аргумента в пользу издания «государевой народной газеты» уже начавшуюся, по его мнению, революцию²⁹, то Киреев, будучи уверен, что «революция разъела весь наш организм»³⁰, стремится убедить Николая II в том, что в случае промедления власти с созывом Думы революция, в возможность которой не до конца верят в ближайшем окружении императора, обязательно начнется³¹.

Высшая власть накануне 17 октября 1905 г. еще не до конца разделяла опасений общества, и бюрократия, по крайней мере на страницах официальных документов, стремилась соответствовать этому взгляду Николая II. Так, С.Ю. Витте в своем всеподданнейшем докладе о мерах для прекращения железнодорожной забастовки, поданном императору 12 октября 1905 г., с известной осторожностью в формулировках определяет происходящее в стране как «смуту», составляющую «грозную часть общего революционного движения в России»³². Термин «революция» как будто нарочно избегается в официальных документах и распоряжениях³³. Заметим, однако, что тональность высказываний представителей бюрократии за пределами Царскосельского дворца была совсем иной. Иными были и термины, в которых они определяли между собой градус общественно-политической напряженности. Так, 21 сентября 1905 г. в ходе одного из «домашних совещаний» под председательством Сольского, на которых обсуждалась реформа Совета министров, Витте, настаивая на необходимости объединения деятельности министров для разработки совместной стратегии выхода из внутривластного кризиса, практически бьет в набат: «Враги правительства, – говорит он, – сплочены и организованы. Дело революции быстро продвигается. Мы находимся сегодня уже в том положении, в котором находилось французское правительство че-

рез год после созыва Генеральных штатов, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционного движения мы не имеем»³⁴. Пройдет немногим более месяца, и подобная риторика выйдет за пределы частных бесед чиновников и станет вполне привычной в рамках официального властного дискурса.

Слово «революция» по отношению к событиям 1905 г. впервые звучит в устах чиновников в качестве синонима революционного движения. Подобная логика, в частности, прослеживается в словах А.П. Игнатьева, произнесенных им 7 декабря 1905 г. в ходе царско-сельских совещаний: «Теперь революция набросилась на армию. Надо всеми мерами охранить ее от пропаганды»³⁵. Однако совсем скоро во власти начинают открыто говорить о том, что не только в ряде областей империи (в первую очередь в Сибири³⁶), но и во всей России происходит революция. Характеристика внутривластного кризиса в России в начале декабря 1905 г. в устах Витте вполне однозначна – революция, по его словам, затрагивает теперь не только «высшие классы», что было и раньше, но и широкие народные массы³⁷. По прогнозу председателя Совета министров на успокоение волнений правительству понадобится по крайней мере несколько месяцев³⁸. Примечательно, что Витте четко обозначает разницу между революцией, которую следует подавлять силой, и недовольством общественного мнения, реагировать на которое репрессивными методами власть ни в коем случае не должна³⁹.

В то же время в официальных правительственных документах, издававшихся в течение декабря 1905 г., слово «революция» по-прежнему является табуированным. В частности, в тексте правительственного сообщения от 9 декабря 1905 г., посвященного событиям в Москве, упоминаются «революционеры», «революционная, крайняя партия», однако акцент делается на необходимости «решительно воздействовать против лиц, дерзко попирающих интересы страны и поддерживающих в ней смуту, волнения и беспорядки»⁴⁰, но отнюдь не революцию.

Само собой разумеется, что события ноября – декабря 1905 г. уже однозначно классифицируются как революция в правых общественно-политических кругах. Так, Грингмут, не стараясь подбирать какие-либо синонимы, выносит данный термин в заглавие одной из своих статей в «Московских ведомостях»⁴¹. Примечательно, что в условиях обострения революционного кризиса единственным выходом все большему числу консерваторов видится скорейший созыв представительного учреждения, причем порой звучат голоса о выходе его компетенций за рамки положений, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г.⁴²

Успехи правительственных войск в подавлении выступлений в Москве и на окраинах вселяли в среде представителей высшей бюрократии надежду на скорое завершение революции⁴³. К февралю 1906 г. само слово «революция» вновь исчезает из текстов как всеподданнейших докладов, так и меморий Совета министров. Для характеристики текущей внутривластной ситуации в них вновь используется словосочетание «революционные проявления»⁴⁴ (или «революционные покушения»⁴⁵). Преодоление наиболее острой фазы революционного кризиса конца 1905 г. вносит определенные коррективы и в оценки представителями власти прошедших событий. Так, министр внутренних дел П.Н. Дурново 21 января 1906 г. в одном из своих циркуляров слегка «отыгрывает назад», отмечая, что «разнузданность, допускавшаяся на митингах, привела нас *почти* (курсив мой. – С.Н.) к полной революции»⁴⁶. Следует отметить, что в ходе февральских совещаний об организации совместной работы Государственной думы и Государственного совета слово «революция» уже не употребляется ни разу. Законодательная работа вновь приобретает нормальный, планомерный, а не чрезвычайный характер, свойственный ей в июле и, в особенности, в декабре 1905 г. Было бы, однако, преувеличением утверждать, что во власти наступило абсолютное успокоение. Если, по мнению Витте, «революционное движение» к началу 1906 г. можно было считать подавленным, то возобновление «аграрных беспорядков» весной, при отсутствии своевременно принятых надлежащих мер противодействия, представлялось ему неизбежным⁴⁷.

Немного успокаивается и риторика правых. И хотя Грингмут в первой же своей статье, напечатанной в 1906 г., уверенно заявляет, что переход России к новой политической модификации будет непременно способствовать углублению политического кризиса, тем не менее даже он отныне не склонен считать этот кризис революционным, возвращаясь к более нейтральному определению – «политическая смута»⁴⁸. Революционная стадия внутривластного кризиса представляется к февралю 1906 г. преодоленной и Тихомирову, однако прошедшие события публицист уже тогда определяет не иначе как «великая русская революция»⁴⁹. Но не все представители консервативного фланга склонны разделять успокоенность власти. 26 декабря 1905 г. Киреев в письме царю предупреждает Николая II о том, что, несмотря на подавление московского вооруженного восстания, уровень поддержки революционеров в обществе еще достаточно высок, а само движение вполне может трансформироваться из прямого, вооруженного противостояния власти в иные, ненасильственные формы протеста⁵⁰.

Оценки современниками, видевшими свою основную задачу в преодолении революционного кризиса 1905 г., его содержания не только не совпадают, но подчас входят в прямое противоречие с историографической традицией изучения Первой русской революции. Собственно говоря, ни о какой революции, по утверждению большинства представителей высшей бюрократии и консервативных течений общественной мысли, до определенного момента не могло быть и речи. Даже называя отдельные события (в частности «кровавое воскресенье») «революцией», некоторые правые публицисты были склонны рассматривать их лишь как революционные вспышки, но не единый непрерывный процесс, тем самым солидаризируясь с властью, также долгое время полагавшей, что в общем состоянии политической нестабильности, «смуты» имеют место те или иные открытые «революционные проявления». До ноября 1905 г. о революции во властных кругах открыто не говорили (а с высоты престола и вовсе так и не было объявлено о том, что в России в 1905 г. произошла революция), что, безусловно, не означало постепенного увеличения числа представителей высшей бюрократии, у которых реальность революции не вызывала сомнений. Критической точкой становятся события ноября–декабря 1905 г., открытый «поход на власть», вызов, который был однозначно расценен властью и обществом как революция. Однако завершается эта революция столь же стремительно, как и вспыхивает, и в 1906 год Россия, по мнению современников, входит уже в ином, старом-новом политическом качестве – страна вновь возвращается к «смуте». И хотя революционная угроза продолжает сохраняться, власть и консервативные общественные силы усматривают ее в различных областях общественно-политической жизни: если в верхах опасаются нового витка крестьянских волнений, то на консервативном фланге остерегаются роста политической напряженности, вызванной стихийным становлением парламентского проекта, в котором власть видела главное лекарство от революции.

Примечания

- ¹ См.: Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Шелохаев В.В. На разные темы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 411–412.
- ² См.: Соловьев К.А. Высшая бюрократия и общественное мнение в первую русскую революцию // Революционаризм в России: символы и цвета революции:

- 100-летию первой русской революции посвящается: Сб. ст. / Отв. ред. А.П. Логунов. М., 2005. С. 62–74; *Он же*. Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения» // *Российская история*. 2016. № 4. С. 73–78; *Гросул В.Я.* Когда началась революция 1905 года? // Там же. С. 78–81.
- 3 ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 85. Л. 1: Записка С. Шаропова о мерах борьбы с нарастанием революционного движения народных масс. 1904.
 - 4 *Богданович А.В.* Три самодержца: Дневники генеральши Богданович. М.: Вече, 2008. С. 256.
 - 5 *Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 37.
 - 6 Там же. С. 42, 44.
 - 7 Там же. С. 67, 72, 100.
 - 8 См.: *Киреев А.А.* Дневник: 1905–1910 / Сост. К.А. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 22.
 - 9 Проект манифеста о событиях 9 января // *Красный архив*. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 31.
 - 10 Там же. С. 38.
 - 11 Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде (подгот. Р.Ш. Ганелин) // *Археографический ежегодник за 1989 год*. М.: Наука, 1990. С. 292.
 - 12 Там же. С. 296.
 - 13 Там же. С. 300.
 - 14 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
 - 15 *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи*. Вып. 3–4. М.: Русская печатня, 1910. С. 150.
 - 16 Там же. С. 151.
 - 17 Там же. С. 166.
 - 18 См.: Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг.: Государственная типография, 1917. С. 101; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 645. Л. 1а–2: Всеподданнейшая записка Д.Ф. Трепова о необходимости создания твердо-сплоченной консервативной партии порядка (24 сентября 1905 г.).
 - 19 См.: *Революция 1905 года и самодержавие* / Подгот. к печати В.П. Семенников, предисл. А.М. Панкратовой, примеч. М.И. Ахун, В.А. Петрова. М.; Л.: Гос. изд-во РСФСР, 1928. С. 99.
 - 20 РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 193. Л. 3.
 - 21 Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 396. Л. 1 об.
 - 22 Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 334. Л. 1 об.
 - 23 Там же. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.
 - 24 *Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг.* С. 99.
 - 25 *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи*: Вып. 3–4. С. 240.

- ²⁶ См.: *Грингмут В.А.* Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А.Д. Степанов / Отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 309.
- ²⁷ См.: *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи.* Вып. 3–4. С. 289.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 576. Л. 88.
- ²⁹ Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
- ³⁰ *Киреев А.А.* Указ. соч. С. 102.
- ³¹ Там же. С. 96.
- ³² *Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.* / Под ред. Л.М. Иванова, А.М. Панкратовой, С.Н. Валка, Н.А. Мальцевой, И.С. Смолина. Ч. 1. М.; Л.: Наука, 1955. С. 213.
- ³³ В частности Д.Ф. Трепов в те дни именуется ситуацией в Москве «беспорядками» (*Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.* Ч. 1. С. 429), а принимавшие крайне ожесточенный характер крестьянские волнения в Прибалтике – «значительными беспорядками» (Там же. Ч. 2. С. 243).
- ³⁴ *Половцов А.А.* Дневник: 1893–1909 / Сост., коммент., вступ. ст. О.Ю. Голечковой. СПб.: АНО «Женский проект»: Алетей, 2014. С. 471.
- ³⁵ *Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский (вступ. ст., коммент.), Б.Н. Ковалев (коммент., библиография).* М.: Гардарики, 2001. С. 60.
- ³⁶ На необходимости «уничтожить революцию в Сибирских центрах» Витте настаивает 26 ноября 1905 г. в телеграмме генералу Н.Н. Сухотину (Революция 1905 года и самодержавие. С. 36), а Красноярск председатель Совета министров и вовсе считал «центром революции» (Там же. С. 213).
- ³⁷ См.: *Русский конституционализм...* С. 49.
- ³⁸ Там же. С. 58.
- ³⁹ Там же. С. 61–62.
- ⁴⁰ *Революция 1905 года: Материалы и официальные документы / Под общ. ред. и с предисл. В.И. Невского.* М.: Пролетарий, 1925. С. 332.
- ⁴¹ См.: *Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута: Политические статьи.* Вып. 3–4. С. 301–304.
- ⁴² В дневнике Тихомирова читаем запись от 17 ноября 1905 г.: «Пожалуй, Учредительное собрание могло бы быть полезным. Но и его не соберешь в такой смуте» (Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг. С. 157).
- ⁴³ «Вообще можно сказать, что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся», – докладывал 23 декабря 1905 г. Витте Николаю II (Высший подъем революции 1905–1907 гг.: Вооруженные восстания: Ноябрь–декабрь 1905 г. / Под ред. А.Л. Сидорова, Г.М. Деренковского, Г.Д. Костомарова, Г.Н. Кузюкова, А.М. Панкратовой. Ч. 1. М., 1955. С. 162).
- ⁴⁴ См.: *Революция 1905 года и самодержавие.* С. 61.

- ⁴⁵ См.: Второй период революции: 1906–1907 гг. / Под ред. Г.М. Деренковского, Г.Ф. Богданова, А.В. Пяковского, К.Ф. Сидорова, М.С. Симоновой. Ч. 1: Январь–апрель 1906 г. Кн. 1. М., 1957. С. 77.
- ⁴⁶ Там же. С. 141.
- ⁴⁷ Там же. С. 77.
- ⁴⁸ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. Отд. 1: Политические статьи. М.: Русская печатня, 1910. С. 37.
- ⁴⁹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. С. 213.
- ⁵⁰ См.: *Киреев А.А.* Указ. соч. С. 120.

Нормативный подход как один из способов исследования Governance

Статья направлена на раскрытие понятия Governance. В ней приводится история возникновения понятия, демонстрируются господствующие подходы к изучению Governance. Отдельное внимание уделено нормативному подходу. Это обусловлено тем, что с его помощью можно выявить то нормативное, общее, что содержится во многих документах, лежащих в основе практических политических преобразований в государствах мира. Обобщение использования Governance в каждом из подходов позволяет выявить общие черты и дать авторское определение понятия.

Ключевые слова: Governance, правление, управление, иерархия, сеть, акторы, власть, коммуникация.

С конца 1980-х гг. все чаще в гуманитарных науках употребляется понятие Governance, которое не имеет аналога в русском языке, но которое можно перевести как «руководство»¹, управление, «руление». Исторически оно возникло в XIII в. во Франции (от фр. «gouverner» – «управлять, руководить, воспитывать»², которое, в свою очередь, происходило от латинского «gubernare», что соответствовало греческому «κυβερνάω/kybernáo» – управлять судовым рулем). В XIV в. ареал распространения понятия охватывает Англию, Португалию, Испанию, а с 1478 г. оно используется для обозначения северных провинций Франции³. Возвращение в научный оборот термина Governance связывают с работой американского экономиста, лауреата нобелевской премии Оливера Уильямсона, увидевшей свет в 1979 г., «Экономика транзакционных издержек: управления контрактными отношениями»⁴ (по другим данным – с употреблением в 1976 г. в составном понятии «corporate governance» – корпоративное управление⁵. Позже понятие

Governance охватило область социологических и политологических наук. С 1990-х гг. частота употребления понятия увеличивается лавинообразно. Однако до сих пор понятие Governance является неустоявшимся, а соответственно, многозначным. Хорошей иллюстрацией этому может служить работа немецкого политолога, профессора, доктора А. Бенца (prof. Dr. Arthur Benz) «Governance – правление в сложных системах управления»⁶, в которой можно встретить следующие разделы: «Понятие Governance в институциональной экономике», «Governance как социальный порядок», «Good Governance», «понятие Governance в политических исследованиях», «Global Governance», «региональное Governance», «Governance и демократия» и ряд других.

Так что же такое Governance? На настоящий момент условно можно выделить три подхода к изучению Governance: нормативный, дескриптивный и аналитический⁷.

- Под аналитическим подходом к Governance подразумеваются анализ, в рамках которого рассматривается совокупность участвующих акторов и механизмы управления и координации, в том числе механизмы управления и координации действиями в сложных структурах.
- Дескриптивный анализ охватывает противопоставление Governance и Government, при этом под понятием Governance понимается тенденция развития современного государства в том виде как это, например, описывает понятие «корпоративного государства»: констатируется отход от форм иерархически-бюрократического управления и усиление координации посредством сетевых структур. Есть и другое, более общее, определение. В нем под Governance подразумевается способ, каким в стране, общине и т. п. осуществляется управление общественными делами, а именно метод, как осуществляющие его институты (правительство, администрация и т. д.) берут на себя соответствующую компетенцию и полномочия⁸
- Нормативный анализ связывается с нормативным применением комплекса идей и касается использования концепта Good Governance в качестве противоположного «менеджеризму» (New Public Management) или как синонима неиерархического управленческого порядка для восстановления ценностей гражданского общества и местного управления.

Последний рассмотрим подробнее. Нормативный подход к Governance можно встретить в работах, подготовленных международными организациями (объединениями) или по их заказу. Так,

например, в связи с необходимостью реформ политики помощи развивающимся странам (при этом подобная помощь часто бывает связана с определенными политическими обязательствами страны-получателя) в 1989 г. Всемирным банком было опубликовано исследование по Африке, в котором говорилось о так называемом «кризисе управления»⁹. Эта работа и дала старт сегодняшним дебатам по вопросу Governance. В ней было дано следующее определение: «Governance – осуществление политической власти в целях управления делами нации». Как пишет по этому поводу журнал «IMPracts», Всемирный банк хотел этим ни больше, ни меньше представить готовую схему «хорошего и правильного правления»¹⁰. Данное «хорошее и правильное правление» в иностранной литературе обозначается как «Good Governance». Считается, что оно проистекает из действий правительств и включает отношение к государственным и негосударственным авторам: понятие Governance подразумевает способ принятия решений в государстве. При этом Good Governance «преподносится» как «формирование устойчивой политики, направленной на борьбу с бедностью, демократия и правовое государство, эффективность и прозрачность государства, уважение, защита и обеспечение прав человека, а также сотрудничество с содружеством стран»¹¹.

Другим международным документом, представляющим для нас интерес, является «Повестка дня на XXI век», принятая в июне 1992 г. Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Целью данной «повестки» являлось устойчивое развитие, особое место было уделено борьбе с бедностью. В частности в главе 23 говорилось: «главной предпосылкой для осуществления устойчивого развития является всеохватывающее участие общественности в принятии решения»¹², что представляло собой требования к форме политического управления и являлось прообразом «Good Governance». Несколько позже (вероятнее всего после 2000 г.) акценты сменились, и в самом концепте Good Governance вместо определения «формирование устойчивой политики, направленной на борьбу с бедностью» появилось – «устойчивое развитие и соблюдение целей развития тысячелетия (ЦРТ). В подобного рода документах можно встретить в качестве критериев Good Governance: «индивидуальность» или «борьбу с коррупцией»¹³.

В целях измерения Good Governance используется индекс «Governance Matters Index» Всемирного банка и Bertelsmann Transformation Index (BTI) фонда Бертельсманн. Первый в качестве индикаторов использует «право на участие в принятии реше-

ний и ответственность, политическую стабильность и отсутствие насилия, результативность правительства, государственную политику макроэкономического регулирования, правовое государство и контроль за уровнем коррупции»¹⁴. Второй оценивает, «какие экономические и политические трансформации были достигнуты странами на пути к демократии и рыночной экономике и содержит анализ тренда демократического развития»¹⁵. Вместе с тем в СМИ можно встретить критику обоих институтов на предмет их непредвзятости¹⁶.

Нормативной по содержанию является также представленная в 2001 г. Комиссией европейского сообщества «Белая книга европейского управления», в которой выделены пять принципов хорошего управления. Это следующие принципы: открытость, участие, ответственность, когерентность, эффективность.

Кроме того, в «Белой книге» говорится о том, что линейная модель, при которой политика формировалась сверху, должна быть заменена на «спиральный процесс», который «от формирования до проведения политики» должен основываться на обратной связи, политических сетях и участии на всех уровнях управления. Особо следует отметить, что демократическая легитимация и *субсидиарность* предлагались в качестве дополнительных принципов.

В следующем документе, который вышел в 2003 г. и который получил меньшее освещение – «Сообщение комиссии о европейском управлении»¹⁷, требуемые изменения выражены следующими 4-мя тезисами: «лучшее вовлечение всех акторов и большая открытость», «лучшая политика, лучшие правила и лучшие результаты», «глобальное управление» и «реорганизация институтов».

Вместе с тем уже в 2004 г. М. Гриндл (M.S. Grindle) выступила с критикой концепции «Good Governance» и ввела в оборот понятие «Good enough governance»¹⁸. По ее мнению, государства обладают ограничениями в области финансовых, временных, человеческих, организационных и компетентностных ресурсов. Она предостерегает также от формального заимствования институтов: требования, предъявляемые к развитым странам, нельзя «переносить» на менее развитые по ряду параметров. Из этого следует, что необходимо учитывать контекст каждого отдельного государства, искать компромисс между экономическим ростом и политической стабильностью, переходом к «лучшему управлению» и решением локальных задач. Несколько упрощая, данный подход можно выразить пятью следующими принципами: построение практики реформ на основе решения местных проблем, поэтапные преобразования, осуществление изменений на основе действующих в конкретном обществе

институтов, постепенное расширение сферы реформ, использование демократических процедур для поиска решений¹⁹.

Нормативный подход является лишь одним из трех, используемых для анализа Governance, однако именно он содержится в большинстве документов, определяющих реформы во многих государствах. Понимание его ограничений позволяет избежать ряд ошибок, связанных с некритичным его применением.

В целом же, если учесть и те определения Governance, которыми оперируют два других подхода (аналитический и дескриптивный), то Governance можно определить как процесс взаимной выработки и реализации решений акторами, находящимися в разных сферах социально-политической действительности и на разном иерархическом уровне с задействованием как формализованной, так и неформализованной коммуникации. Таким образом, Governance представляет собой сравнительно новую форму управления, подлежащую дальнейшему изучению.

Примечания

- ¹ *Сморгунов Л.В., Альгин А.П., Барыгин И.Н. [и др.] Государственная политика и управление: Учебник: В 2 ч. / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006.*
- ² Governance [Электронный ресурс] // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Governance> (дата обращения: 7.08.2017).
- ³ Governance im europäischen Mehrebenensystem [Электронный ресурс] // European Commission. Vortrag von Helmut Schmitt von Sydow, 26–28 march 2001. URL: http://ec.europa.eu/governance/docs/speyer_de.pdf (дата обращения: 15.08.2017).
- ⁴ *Williamson O.E.* Transaction cost economics. The governance of contractual relations // *Journal of Law and Economics*. 1979. № . Vol. 22: No. 2. P. 233–261.
- ⁵ Gute Regierungsführung [Электронный ресурс] // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Gute_Regierungsf%C3%BChrung (дата обращения: 12.09.2017).
- ⁶ Governance – Regieren in komplexen Regelsystemen: eine Einführung / Benz A., Dose N. (Hrsg.). Springer-Verlag, 2010.
- ⁷ *Blömker M.* Local Governance in internationaler Perspektive. Akteure, Strukturen, Prozesse im deutsch-niederländischen Vergleich. B. 3. Münster: 2010.
- ⁸ Good Governance (Public Governance) [Электронный ресурс] // Online-Verwaltungslexikon. URL: http://www.olev.de/g/good_gov.htm (дата обращения: 13.10.2015).
- ⁹ Hintergrund: Gute Regierungsführung – Rahmenbedingung für Entwicklung [Электронный ресурс] // Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und

Entwicklung. URL: <http://www.bmz.de/de/themen/guteregierung/hintergrund/index.html> (дата обращения: 17.08.2017).

- ¹⁰ Scherer R., Zumbusch K. Governance contra Government [Электронный ресурс]. URL: https://www.alexandria.unisg.ch/219556/1/A_DRUCK_IMpacts_01_2012.pdf (дата обращения: 14.08.2017).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Demokratie in Europa und Europäische Demokratien. Festschrift für Heidrun Abromeit / Hitzel-Cassagnes T., Schmidt T. (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.
- ¹³ Good Governance // Informationstool der “Gläsernen Konversion” [Электронный ресурс]. URL: http://www.glaesernekonversion.de/infothek/index.php?option=com_content&view=frontpage&Itemid=1 (дата обращения: 17.08.2017).
- ¹⁴ Wie «misst» man Good Governance? [Электронный ресурс] // BMZ. URL: http://www.bmz.de/de/was_wir_machen/themen/goodgovernance/guteregierung/hintergrund/indizes/ (дата обращения: 14.12.2016).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Подробнее см.: Фонд Bertelsmann [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D0%B4_Bertelsmann; Всемирный банк как инструмент колонизации [Электронный ресурс] // Центр научной политической мысли и идеологии. URL: <http://rusrand.ru/analytics/vsemirnyj-bank-kak-instrument-kolonizatsii> (дата обращения: 27.06.2016).
- ¹⁷ Bericht der Kommission über Europäisches Regieren [Электронный ресурс] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/governance/docs/comm_rapport_de.pdf (дата обращения: 1.02.2016).
- ¹⁸ Grindle M.S. Good Enough Governance Revisited // Development Policy Review. 2011. Vol. 29. Issue Supplement s1. P. 223–251.
- ¹⁹ How Good Governance Got a Bad Name – and Why Governance Still Matters. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cipe.org/publications/detail/how-good-governance-got-bad-name-%E2%80%93-and-why-governance-still-matters> (дата обращения: 28.08.2017).

GR-стратегия: этапы реализации

В статье раскрываются основные проблемы формирования отношений бизнес-акторов с органами государственной власти, в частности процесс реализации GR-стратегий. Он включает в себя пять взаимосвязанных этапов, которые играют важную роль в определении направления деятельности, целей и задач, а также уровня конкурентоспособности бизнес-акторов в политической сфере. Автор рассматривает соблюдение этих этапов как основной фактор успеха в выстраивании отношений бизнес-сектора с властными структурами.

Ключевые слова: взаимоотношения бизнеса с властью, Government Relations, GR, бизнес-акторы, власть, лоббизм.

Проблема исследования взаимодействия бизнес-акторов с органами государственной власти для отечественной политологии является сравнительно новой. В начале XXI в. в российскую политическую науку был введен термин “Government Relations” (далее – GR), активно употребляемый в современной американской политологии, но до сих пор остающийся неизвестным для многих отечественных исследователей.

Феномен GR включает в себя множество определений, одно из которых дал Л.В. Сморгунов: «GR – это особая организация взаимодействия негосударственных структур (ассоциаций гражданского общества и бизнеса) с государством для влияния на власть с целью согласования и принятия эффективных решений»¹. Целью осуществления GR является выгодное для бизнес-акторов стабильное ведение работы в политическом окружении².

Для достижения целей GR специалистами в данной области разрабатывается GR-стратегия, которая включает в себя комплекс

последовательных и взаимосвязанных этапов. В настоящей статье процесс реализации GR-стратегии предлагается в виде пяти этапов. Это объясняется тем, что по своей значимости такие этапы представляются ключевыми в определении (1) направления стратегии, (2) цели и задач GR, (3) получаемой выгоды от GR и (4) конкурентоспособности бизнес-акторов в политической сфере.

Под пятью этапами реализации GR-стратегии понимаются:

- 1) выбор субъекта осуществления GR;
- 2) определение уровня GR;
- 3) выбор объекта GR;
- 4) определение вида аргументирования, который будет использован в процессе отстаивания интересов бизнес-акторов перед представителями органов государственной власти;
- 5) объединение бизнес-акторов для реализации GR-стратегии.

Первый этап реализации GR-стратегии заключается в выборе субъекта GR, который будет непосредственно осуществлять взаимодействие с представителями органов государственной власти. Согласно утверждению А.А. Шетова, «GR – это менеджмент»³, при помощи которого организуется процесс работы с внешними политическими стейкхолдерами, отслеживаются риски и привлекаются отраслевые организации для выполнения поставленных задач в органах государственной власти. По причине возникающих на практике разнообразных задач при реализации GR-стратегий политологи выделяют два вида субъектов GR⁴: лоббистов и GR-специалистов, деятельность которых различна. Например, если бизнес-актору необходимо «продать» выгодный для себя единичный законопроект, привлекается лоббист. А вот налаживание постоянного эффективного взаимодействия бизнес-актора с органами государственной власти входит в задачи GR-специалиста.

Важно обозначить различия между лоббистами и GR-специалистами:

1) GR-специалист в большинстве случаев взаимодействует с органами законодательной и исполнительной власти, определяющими политику отраслей производства. Лоббист работает со всеми структурами государственной и муниципальной власти, на которые есть спрос со стороны заказчика;

2) лоббист не является сотрудником компании и несет ответственность перед акционером компании или его представителем, а GR-специалист, будучи сотрудником компании, отчитывается только перед лицом, возглавляющим компанию;

3) оплата GR-специалиста всегда фиксирована и постоянна. Лоббист работает в основном за гонорар или процент от сделки;

4) технологии реализации задач у лоббиста и GR-специалиста различны. GR-специалист, например, обладает как неформальными, так и прямыми законными каналами связи с представителями органов государственной власти, лоббист же пользуется только неформальными способами воздействия на них;

5) ценность GR-специалиста заключается в возможности отслеживания угроз для компании в зависимости от государственной политики, а также в умении строить прочные взаимоотношения именно с органом государственной власти, независимо от представляющих его лиц. В свою очередь, лоббист обладает доступом только к определенному представителю в органе государственной власти. В случае ухода данного представителя с государственного поста лоббист теряет канал влияния на орган государственной власти;

6) лоббист работает на себя или лоббистскую группу, GR-специалист трудится на постоянной основе в составе GR-департамента компании.

Таким образом, бизнес-актор выбирает субъект GR-стратегии (лоббиста или GR-специалиста) исходя из поставленных перед компанией задач.

Второй этап GR-стратегии включает в себя определение уровня взаимодействия с органами государственной власти. Выбор бизнес-актора зависит от того, какому из органов власти по силам реализовать цель в рамках GR-стратегии. Соответственно, уровни GR разделяются на международный (наднациональный), национальный и региональный (локальный).

Международный (наднациональный) уровень стал играть особую роль в продвижении GR-стратегий XXI в. вследствие глобализации многих бизнес-отношений (например, в области здравоохранения, защиты окружающей среды, реализации полезных ископаемых и пр.), появления и развития глобальных торговых организаций и региональных интеграционных объединений (Всемирная торговая организация, Европейский союз, Евразийский экономический союз и др.), а также вследствие резкого увеличения количества международных фирм на рубеже XX–XXI вв.

Также стоит отметить ряд особенностей, присущих международному уровню GR. Несмотря на концентрацию большого числа ресурсов (финансовых, кадровых) в руках международных (наднациональных) организаций, для многих бизнес-акторов данный уровень GR может быть труднодоступным, поскольку они, во-первых, придают большое значение культурной специфике общества, с которым налаживают связи, а во-вторых, обращают внимание на исторические прецеденты, которые имели место в отношениях

между государствами. Например, представители европейских бизнес-сообществ с конца Второй мировой войны испытывают трудности во взаимодействии с представителями китайских органов государственной власти по вопросу доступа к рынку сбыта КНР⁵.

Национальный уровень GR включает в себя наибольшее количество взаимодействий между бизнес-акторами и органами государственной власти. Вследствие того что на данном уровне сосредоточено большинство бизнес-акторов (корпорации, группы компаний, крупные фирмы и т. д.), его выбор позволяет достичь поставленных задач. К тому же задачи GR-стратегии решаются в основном при взаимодействии бизнес-акторов с национальными органами государственной власти (например, российских бизнес-акторов с правительством РФ или американских – с Сенатом США).

Выбор регионального (локального) уровня GR продиктован сферой и масштабами деятельности самого бизнес-актора. Например, если организация входит в состав малого бизнеса, то перед ней чаще всего не возникает необходимости реализовывать GR-стратегии.

Таким образом, в зависимости от поставленных задач бизнес-акторы определяют нужный уровень GR. Поскольку на каждом из них представлено множество различных органов государственной власти, бизнес-акторам следует определить тот, который будет способствовать достижению цели GR-стратегии. Вследствие этого возникает необходимость в следующем этапе реализации GR-стратегии.

Третий этап GR-стратегии – выбор объекта GR – включает в себя определение бизнес-акторами органа или лица государственной власти, способного повлиять на успешную реализацию целей и задач, обозначенных в GR-стратегии. Как было отмечено выше, каждый из уровней GR включает в себя разнообразные органы государственной власти. Наиболее любопытными с точки зрения исследователей являются институты национального уровня вследствие того, что бизнес-акторы чаще всего взаимодействуют с таким объектами GR, как президент, премьер-министр, кабинет министров, высшие должностные лица бюрократического аппарата, главы комитетов и отдельные члены высшего законодательного органа (сенаторы), независимые регулирующие органы (такие как антимонопольная служба), суды, средства массовой информации и др.

Стоит отметить ряд проблем, возникающих в процессе выбора объекта GR-стратегии. Во-первых, бизнес-акторам необходимо принимать во внимание организацию власти в государстве и

заранее учитывать, какая из ее ветвей обладает реальной политической силой, способной определять государственную политику. Наиболее выгодными для бизнес-акторов являются «формы правления с сильной президентской властью, для которых характерно усиление исполнительной власти и бюрократического аппарата»⁶. Во-вторых, независимо от устройства высшей власти в государстве важную роль играет бюрократический аппарат, который участвует в реализации государственной политики на местах, во многом определяя ее уровень и форму, а также формализуя правила и контроль⁷. В-третьих, доступ к наиболее высокопоставленным политикам требует от бизнес-акторов огромных затрат финансовых и кадровых ресурсов. В-четвертых, объектом GR-стратегий могут становиться и средства массовой информации. Поскольку СМИ не являются непосредственной частью системы принятия государственных решений, они могут выступать только как опосредованный канал влияния, отражая общественное мнение на финальной стадии разработки будущей политики государства. Поэтому определив, что в продвижении интересов бизнес-актора наблюдается стагнация, GR-специалист может обратить внимание СМИ на проблему и использовать их как катализатор принятия решения органами государственной власти⁸.

Таким образом, бизнес-акторы вынуждены при выборе объекта GR учитывать не только его полномочия, установленные законом, но и неформальные возможности. Например, GR-специалистам важно понимать степень самостоятельности объекта GR в вопросах принятия решений и формирования политики, а также вероятность вмешательства других государственных органов в данный процесс.

Четвертый этап GR-стратегии – выбор вида аргументирования, при помощи которого будут непосредственно осуществляться интересы бизнес-акторов в органах государственной власти, является ключевым. «Стейкхолдеры, обладающие долей в производстве, должны располагать достаточно весомыми аргументами, которые позволят привлечь интерес новых стейкхолдеров в лице представителей государственной власти»⁹.

При всем разнообразии современных аргументов, при помощи которых осуществляются GR, их можно объединить в три группы: 1) научные факты, 2) аргументы в пользу доказательства эффективности и 3) аргументы в пользу честности и справедливости.

Научные факты используются бизнес-акторами для реализации GR-стратегий по двум основным причинам. Во-первых, они помогают выявить причинно-следственную связь между экономическими, политическими, культурными процессами и последствиями

неправильной государственной политики, например финансовыми кризисами или потерей легитимности власти. В таких обстоятельствах достигается относительно быстрая реакция государственных органов. Во-вторых, научные факты традиционно имеют большую легитимацию со стороны населения. Используя их, бизнес-акторы способны оказывать влияние на органы государственной власти за счет поддержки населением собственных целей.

Однако при осуществлении GR-стратегий большое значение играет интерпретация научных фактов бизнес-акторами и органами государственной власти, мнение которых часто может не совпадать. Например, большинство исследований воздействия на организм человека табака спонсируются самими его производителями. Это позволяет им получать результаты, необходимые для эффективной реализации собственных интересов в представительных органах власти¹⁰.

Приведение доводов в пользу доказательства эффективности используется бизнес-актором для получения поддержки от государства или международной организации¹¹. Одной из задач GR-стратегии с применением данного вида аргументирования является разработка идеи эффективного распределения ресурсов и возможностей бизнес-актора. Поэтому суть таких аргументов состоит в том, чтобы показать представителям органов государственной власти или международных организаций, что фирма осуществляет свою деятельность эффективнее конкурентов. Например, ВТО при принятии решения о поддержке организаций основывается на критериях эффективности, соответственно применение данных аргументов в GR-стратегии является одним из залогов успеха бизнес-актора.

Стоит также выделить несколько причин, по которым использование аргументов в пользу доказательства эффективности может быть рискованным. Во-первых, данные аргументы подвергаются проверке со стороны органов государственной власти или международных организаций, и чем ближе к центру политической власти осуществляется GR-стратегия, тем более жизнеспособной должна быть идея эффективности. В частности, государственные органы обладают широким спектром возможностей для политического и экономического анализа с доступом к исследовательским базам данных. Во-вторых, результаты применения таких аргументов могут, при всей их эффективности, оказаться неэтичными с точки зрения внутрикорпоративных отношений, что может привести к конфликтам между структурами самих бизнес-акторов или же полному отказу от выбранной GR-стратегии¹².

Третья группа аргументов *в пользу честности и справедливости* при реализации бизнес-акторами GR-стратегии применяется для установления равенства и справедливости при взаимодействии компаний между собой и с органами государственной власти. Смысл данного вида аргументирования заключается в том, что бизнес-акторы совместно с органами государственной власти создают систему норм, согласно которым все участники рыночных отношений будут находиться в равных условиях, исключая в своей деятельности принципы «дикого рынка», например принцип «побеждает сильнейший». При этом огромным преимуществом для бизнес-акторов является исключение непредвиденных (связанных с риском) финансовых потерь, поскольку взаимодействие с органами государственной власти будет основываться на формально-юридических нормах.

Конечно, такие аргументы намного более сложные для корпоративного сектора, потому что в рыночной системе бизнес-акторы преследуют только одну цель – извлечение прибыли. Они достигают успеха в использовании подобного рода аргументов в тех случаях, когда могут сформулировать честные правила игры¹³.

Данные виды аргументирования представляют собой идеальные типы. На практике же всегда формируются их различные комбинации.

Пятый этап GR-стратегии представляет собой процесс объединения бизнес-акторов для ее успешной реализации в зависимости от регионального, национального или международного уровня GR, аналогично тому, как политические партии формируют коалиции в органах представительной власти. Основой таких объединений являются индивидуальные фирмы с присущими им финансовой и кадровой независимостью, а также изначально малым политическим капиталом. Благодаря объединению бизнес-акторов, во-первых, уменьшается доля финансовых и кадровых затрат каждым участником пропорционально количеству объединившихся, во-вторых, уменьшается риск провала реализации GR-стратегии, и в-третьих, новые участники существующих объединений получают доступ к уже «протоптанному тропам» в органы государственной власти.

В зависимости от уровня GR и требуемого для успешной реализации GR-стратегии количества участников можно выделить следующие виды объединений бизнес-акторов:

1. Союз малых бизнес-акторов. Характеризуется небольшим количеством участников и ограничивается локальным географическим регионом. В данную категорию включаются фирмы, ведущие свою деятельность в рамках одного города и взаимодействующие

с местной властью, например объединения узкоспециализированных фирм, производящих лекарства с наркотическим эффектом¹⁴.

2. Объединение отдельной отрасли производства. В его состав входят бизнес-акторы, осуществляющие деятельность в рамках одного промышленного комплекса (например военно-промышленного или агропромышленного). Особенности такого объединения являются низкие затраты на вступление, невысокие издержки реализации GR, доступ к более высокопоставленным представителям органов государственной власти по сравнению с союзом малых бизнес-акторов. Причиной создания такого объединения служит то, что данные промышленные комплексы являются ключевыми для государственного развития, в котором политические лидеры сами заинтересованы.

3. Объединение производителей, поставщиков и покупателей. Подобные коалиции наиболее часто встречаются в автомобильной промышленности, потому что в низких ценах на автомобили заинтересованы практически все их стороны, а реализация такой стратегии позволяет производственным мощностям находиться в состоянии непрерывной работы. Главным достоинством GR-стратегий данных коалиций является то, что, с одной стороны, их участники не конкурируют между собой, тем самым повышая число инструментов и объектов GR, а с другой – то, что само государство вынуждено принимать активное участие в развитии отрасли, поскольку неуспешная политика в отношении данного сектора экономики может привести к серьезным социально-экономическим последствиям.

4. Коалиция лоббистов, под которой понимается объединение различных участников экономической и политической деятельности независимо от ее сферы и географического положения бизнес-акторов. Причиной объединения может послужить глобальная проблема, затрагивающая интересы всех бизнес-акторов, расположенных на территории государства или его региона. GR-стратегии реализуются только по тем проблемам, которые касаются всех участников объединения. Обычно оно носит временный характер, так как в постоянно меняющихся рыночных условиях сохранение долгосрочных связей в лоббистских коалициях может оказаться труднодостижимым. Примером такого объединения является коалиция производителей различных товаров и услуг на территории субъекта федерации, главным защитником интересов которой выступает лоббист в лице представителя региона в верхней палате законодательного собрания.

Таким образом, объединения бизнес-акторов формируются для достижения успеха при реализации GR-стратегии. Выбор вида

объединения просчитывается GR-специалистами в зависимости от уровня GR и объекта GR-стратегии, которому по силам реализовать интересы бизнес-акторов.

В заключение важно отметить, что все представленные в статье этапы носят определяющий характер в процессе реализации GR-стратегии. Они позволяют раскрыть новые аспекты выстраивания отношений между бизнес-акторами и государственными органами, а также выявить последовательность предпринимаемых бизнес-акторами мер. В частности, выбор субъекта GR-стратегии можно объяснить характером задач, решаемых лоббистом или специалистом в сфере GR. Тогда как особенности стратегии, формируемой субъектами GR, а также институты, с которыми налаживаются связи, определяются уровнями GR – международным, национальным или региональным. В качестве аргументов бизнес-акторов при установлении взаимоотношений с органами государственной власти выступают тезисы в пользу эффективности, научные факты, а также требования равных условий игры для всех субъектов рыночных отношений. Для максимизации вероятности реализации GR-стратегии бизнес-акторы могут объединяться в союз малых бизнес-акторов, объединение отраслей производства, союз производителей, поставщиков и покупателей или коалицию лоббистов. В совокупности последовательная реализация представленных этапов позволяет бизнес-акторам успешно достигать цели по взаимодействию с органами государственной власти.

Примечания

- ¹ GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством // Под ред. Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. С. 12.
- ² *Толстых П.А.* GR: Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 24.
- ³ *Шетов А.А.* Теоретические основы GR-менеджмента как фактор повышения эффективности взаимодействия государства и общества // Шетов А.А. Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 238.
- ⁴ *Толстых П.А.* Указ. соч. С. 21.
- ⁵ *Junsong C., Bang N., Phil K.* Public Affairs in China: Exploring the Role of Brand Fairness Perception in Case of Mercedes-Benz // Journal of Public Affairs. 2013. № 4. P. 403–414.
- ⁶ *Mucciaroni G.* Reversals of Fortune: Public Policy and Private Interests. Washington, DC: The Brookings Institution Press. 1995. P. 48.

- ⁷ *Vinning A.R., Shapiro D.M.* Building the Firm's Political Lobbying Strategy // Journal of Public Affairs. 2008. № 10. P. 158–161.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Ивашковская И.В.* Модель корпоративного управления на основе стоимости для стейкхолдеров [Электронный ресурс] // Вестник Финансового университета. 2010. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-korporativnogo-upravleniya-na-osnove-stoimosti-dlya-steykholderov> (дата обращения: 26.01.2017).
- ¹⁰ *Данилова Д.М.* Табак о себе заботится: Как работает табачное лобби в России // Русский репортер. 2013. № 5 (283). С. 73.
- ¹¹ *Vinning A.R., Shapiro D.M.* Op. cit. P. 162–167.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Hillman A., Keim G.* International Variation in the Business-Government Interface: Institutional and Organizational Considerations // Academy of Management Review. 1995. № 1. P. 193–214.
- ¹⁴ *Shaffer B., Hillman A.J.* The Development of Business-Government Strategies by Diversified Firms // Strategic Management Journal. 2000. № 21. P. 183.

Т.В. Баранова,
Л.А. Халилова,
Л.А. Калямова

Работа с текстом в учебном пособии нового поколения: теоретические и методические основы

Статья описывает теоретические и методические основы учебного пособия нового поколения. Процесс обучения иностранному языку строится с опорой на смысл, когда за единицу обучения принимается учебный текст. Упражнения пособия дают представление как о внешней, так и о внутренней структуре текста; они моделируют ситуации, возникающие в сфере профессиональной коммуникации. Правильная интерпретация текста, адекватная реакция, репродукция и последующее порождение собственных текстов ведут к формированию профессионально-коммуникативной компетенции студентов направлений подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение».

Ключевые слова: учебное пособие нового поколения, учебный текст, единица обучения, смысл, профессионально-коммуникативная компетенция, международные отношения, зарубежное регионоведение.

Понимание и интерпретация внешнего мира связана с погружением в мир другого человека, постижением и истолкованием его мыслей и переживаний. И сделать это возможно только с помощью изучения языка человека, выражающего его духовный мир. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)»¹.

Потенциальным текстом является и человеческий поступок. Правильное понимание, интерпретация текстов на иностранном языке в самом широком смысле слова, а также адекватная реакция и порождение собственных текстов – таковы задачи обучения иностранным языкам.

В настоящее время происходят существенные изменения в языковой подготовке студентов, что отвечает меняющемуся содержанию образования. Построение обучения на смысловой основе является требованием времени, поскольку развитие личностного потенциала студента наряду с личным потенциалом преподавателя все чаще формулируется в качестве основной задачи образования в современном мире².

Наблюдаются случаи, когда студенты не в полной мере могут оперировать различными регистрами речевого общения на иностранном языке; нередко имеют место несоответствия синтаксического и лексического аспектов их речи.

Многие первокурсники не в состоянии проявить себя через осуществление умственных операций, таких как анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, систематизация, классификация и т. д. Недостаточно развитое мышление не позволяет студенту использовать способность членить изучаемое явление на составляющие части и извлекать из них то, что может привести к правильному выводу, или же сопоставлять различные явления и делать определенные выводы. Таким образом, владея большим или меньшим набором фактических данных, студент оказывается лишенным сформированных приемов умственной деятельности, т. е. того «фундамента», на котором можно и нужно строить систему знаний и рассуждений.

Одним из средств оптимизации процесса обучения иностранному языку, формирования профессионально-коммуникативной компетенции студентов является использование учебников и учебных пособий, созданных на основе таких принципов, как текстоцентрический подход, смысловой подход, многоуровневый анализ текста, стратегии реферирования и аннотирования, сравнительно-сопоставительный анализ двух и более текстов, задействование психолого-семантических механизмов перевода, написание аналитических эссе и другие³. Выдвигаются и активно применяются новые педагогические подходы – компетентностно-коммуникативный, личностно-деятельностный, феноменологический и другие, которые развиваются, впрочем, наряду с традиционным подходом, подтвердившим свою эффективность за последние десятилетия.

Все эти подходы способствуют учету при подготовке студентов тех изменений, которые происходят в современном английском языке, что обеспечивает развитие диапазона иноязычной коммуникации, становление умения ясно, логично и точно выражать мысли, адекватно используя языковые средства в соответствии с функцио-

нальным стилем речевого общения, анализировать поступающие тексты и делать самостоятельные выводы.

Учебное пособие нового поколения должно включать в себя оригинальные тексты из американских, английских, российских средств массовой информации и художественной литературы, посвященные актуальным проблемам в политической, социально-экономической и культурологической сферах. Пособие предназначено для студентов-бакалавров по направлению подготовки «41.03.05 Международные отношения» (далее – МО) и «41.03.01 Зарубежное регионоведение» (далее – ЗР), стремящихся овладеть английским языком на продвинутом уровне путем совершенствования своих компетенций, умений и навыков в области анализа текста, реферирования и аннотирования, а также перевода.

Пособие ставит своей целью формирование и развитие множества компетенций, в основе которых лежит общая для обоих направлений подготовки способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия («ОК-7»)⁴.

Общекультурная компетенция ОК-7 является всеобъемлющим интегративным требованием к результатам овладения иностранным языком и служит «предтечей» всех других компетенций, относящихся непосредственно к изучению иностранного языка.

В направлении подготовки «41.03.05 Международные отношения» это:

- владение не менее чем двумя иностранными языками, умение применять иностранные языки для решения профессиональных вопросов, в том числе ведение переговоров с зарубежными партнерами (ОПК-12);
- способность ясно, логически верно и аргументированно строить устную и письменную речь в соответствующей профессиональной области (ОПК-2);
- способность выполнять письменные и устные переводы материалов профессиональной направленности с иностранного языка на русский и с русского – на иностранный язык (ПК-2);
- владение техниками установления профессиональных контактов и развития профессионального общения, в том числе на иностранных языках (ПК-3);
- способность владеть навыками публичных выступлений как перед российской, так и зарубежной аудиторией (ПК-11).

В направлении подготовки «41.03.01 Зарубежное регионоведение» это:

- способность владеть базовыми навыками чтения и аудирования текстов общественно-политической направленности на языке (языках) региона специализации (ОПК-14);
- способность владеть основами общепринятой системы русскоязычной транслитерации имен и географических названий на языке (языках) региона специализации, систематически применять ее в профессиональной деятельности (ОПК-15);
- владение стандартными методами компьютерного набора текста на иностранном языке международного общения и языке региона специализации (ОПК-16);
- владение базовыми навыками ведения официальной и деловой документации на языке (языках) региона специализации (ПК-1);
- способность вести диалог, переписку, переговоры на иностранном языке, в том числе языке (языках) региона специализации, в рамках уровня поставленных задач (ПК-2);
- владение техниками установления профессиональных контактов и развития профессионального общения, в том числе на иностранных языках, включая язык(и) региона специализации (ПК-3);
- владение базовыми навыками двустороннего устного и письменного перевода текстов общественно-политической направленности на языке (языках) региона специализации (ПК-7);
- владение базовыми навыками восприятия мультимедийной информации на языке (языках) региона специализации (ПК-8).

Развитие всех этих компетенций подразумевает – в соответствии со стандартами МО и ЗР – подготовку выпускников к участию в культурно-просветительской, организационно-коммуникационной, организационно-административной, проектной и даже редакционно-издательской деятельности.

Иностранный язык в обучении студентов МО и ЗР – это не только отдельная дисциплина, но и медиум профессиональных знаний, ввиду чего он превращается в тот предмет, который «вбирает в себя» и компетенции других – параллельных – дисциплин. Поэтому с полным правом иностранный язык несет ответственность и за формирование следующих компетенций:

- способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (МО: ОК-8; ЗР: ОК-9);

- способность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям народов России и зарубежья, толерантно воспринимать социальные и культурные различия (ЗР: ОК-3);
- владение культурой речи, основами профессионального и академического этикета (ЗР: ОК-8);
- владение политически корректной корпоративной культурой международного общения (формального и неформального), навыками нахождения компромиссов посредством переговоров (МО: ОПК-7);
- способность адаптироваться к условиям работы в составе многоэтнических и интернациональных групп, владение методами делового общения в интернациональной среде, способность использовать особенности местной деловой культуры зарубежных стран (МО: ОПК-11);
- способность работать с материалами средств массовой информации, составлять обзоры прессы по заданным темам, находить, собирать и первично обобщать фактический материал, делая обоснованные выводы (МО: ПК-10);
- способность составлять комплексную характеристику региона специализации с учетом его физико-географических, исторических, политических, социальных, экономических, демографических, лингвистических, этнических, культурных, религиозных и иных особенностей (ЗР: ОПК-2).

Рассматривая необходимость формирования вышеуказанных компетенций, можно выделить следующие направления работы над иноязычным учебным текстом:

- в области экспертно-аналитической деятельности – развитие навыков аналитического чтения оригинальных текстов по культурологической и общественно-политической тематике;
- развитие способности использовать навыки работы с информацией из различных иноязычных источников для решения профессиональных задач;
- развитие способности понимать сущность и значение иноязычной информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе;
- в области учебно-образовательной деятельности – развитие навыков письменного и устного перевода;
- развитие коммуникативно-прагматического подхода к анализу иноязычного общественно-публицистического текста;

- выявление и анализ лексико-фразеологических и структурно-композиционных особенностей иноязычных общественно-публицистических текстов;
- применение знаний основных социально-политических, демографических, экономических и географических характеристик изучаемого региона (на основе владения иностранным языком);
- подготовка, рецензирование и редактирование научных, научно-популярных и публицистических работ (на основе владения иностранным языком); консультирование авторов работ;
- в области научно-исследовательской деятельности – развитие навыков самостоятельной исследовательской работы;
- развитие способности использовать знание принципов составления научно-аналитических отчетов, обзоров, информационных справок и пояснительных записок (на основе владения иностранным языком);
- развитие способности понимать, излагать и критически анализировать информацию (на основе владения иностранным языком).

Все эти направления работы над иноязычным текстом были включены в учебное пособие. При этом учитывалось, что наряду с практическими навыками, которые студенты должны получить в процессе обучения, необходимо расширение их знаний и общекультурного кругозора, связанного не только с изучаемой специальностью, но и с широким кругом вопросов, актуальных для современного взаимосвязанного мира. Именно поэтому материал текстов охватывает многие важные историко-культурологические и общественно-политические проблемы XX–XXI вв.

При разработке данного пособия учитывались последние теоретические разработки в области исследования текста, перевода и информации; авторы опирались на теоретические и практические исследования, краткий анализ которых мы предлагаем ниже.

Многие годы в социолингвистике ведется спор о том, в какой мере происходит влияние языка на восприятие человеком окружающего мира. Широкою известностью приобрела теория лингвистической относительности американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, согласно которой языковые нормы общества предполагают определенную форму выражения действительности и тем самым моделируют ее определенным образом. Отсюда делается вывод об обусловленности поведения людей чисто лингвистическими факторами и о ведущей роли языка в кодификации норм культуры и норм поведения языка⁵.

Согласно постулатам данной теории язык – своеобразный промежуточный мир между мышлением человека и действительностью, язык навязывает мышлению своеобразный для каждого конкретного языка способ членения действительности; мир предстает перед человеком как поток впечатлений, который осознается и категоризируется через языковую систему; интерпретация внешнего мира связана с особенностями языка. Из этого Б. Уорф выводит принцип лингвистической относительности: сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве языковых систем (“We dissect nature along lines laid down by our native languages”)⁶.

Однако ряд других исследователей – А.Д. Гримшо, Ю.Д. Дешериев, В.З. Панфилов, Д. Хаймс – высказывали тезис о том, что язык и социальная структура находятся в отношении «взаимной детерминации» (co-determination) или «взаимной включенности» (mutual embeddedness)⁷. Причинные связи между языком и социальными структурами носят двусторонний характер: социальная структура может детерминировать язык, но и язык, в свою очередь, может детерминировать социальную структуру.

Для студента, изучающего иностранный язык, важно понимать смыслы, закодированные в текстах на иностранном языке. С этой целью он должен использовать все возможные приемы и механизмы анализа текста, перевода, реферирования и аннотирования. На первоначальном уровне это может быть проиллюстрировано следующим примером. Английское предложение “I hired a worker” не дает информации о том, к какому полу принадлежат работодатель и служащая, однако эта информация присутствует в русском предложении «Я нанял работницу». Еще один пример: фраза на английском “The student is reading a book” и ее перевод на русский «Студент читает книгу». Данный перевод является адекватным, однако он не тождественен оригиналу. Так, в русском переводе отсутствует значение артиклей и особого времени Continuous Tense. В русском переводе мы не получаем информации о том, что речь идет об определенном студенте, равно как и о том, что чтение происходит в данный момент. С другой стороны, предложение на русском языке передает некоторую информацию, которая отсутствует в английском предложении. Так, русское слово «студент» мужского рода, в то время как английское “student” может быть как мужского, так и женского рода. Русский перевод подразумевает, что речь идет о молодом человеке, проходящем обучение в вузе, в то время как в английской фразе это может быть и старшеклассник, и студент, и ученый, и научный со-

трудник. Таким образом, очевидно, что переводческие эквиваленты редко передают семантическое тождество.

Результативное воздействие текста на получателя обусловлено многими факторами: логико-смысловой организацией текста, его тема-рематическим членением, композиционной структурой, идейно-тематической структурой, стилистическими приемами и экспрессивными средствами; причинами, побудившими автора использовать именно такие средства.

В настоящее время понятие «текст» расширилось и дополнилось понятием «дискурс», включающим, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы. При этом адекватность речевого поведения участников коммуникации оценивается успехом речевого взаимодействия, т. е. достижением коммуникативной цели, а также соответствием правилам речевого и неречевого поведения в данном культурном сообществе⁸.

Пользователь языка неизбежно строит гипотезы относительно того, о чем повествует фрагмент дискурса. Это становится возможным только тогда, когда для выработки гипотезы используется вся значимая информация – текстовая, контекстуальная, а также знания пользователя языка о мире, относящиеся к тематике дискурса. Иначе говоря, при наличии информации на определенную тему мы можем предсказать, что случится дальше. Это справедливо как для текстов средств массовой информации, так и для текстов художественной литературы. То есть «наше знание об условиях и следствиях в реальном мире часто служит для нас базой формирования контекстных ожиданий относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе»⁹.

Принцип подхода к тексту как к единице обучения, целостному информационному пространству привел к разработке методики изучения грамматических категорий текста. Такой вид анализа предоставляет возможность не только показать лежащую на поверхности фактуальную информацию, но и раскрыть заложенную в дискурсе, глубоко скрытую автором содержательно-подтекстовую и содержательно-концептуальную информацию¹⁰.

Исследование учебного текста по культурно-историческим «меткам» предполагает невозможность его анализа в отрыве от экстралингвистических проблем и, несомненно, от культуры того общества, которое говорит на изучаемом студентами иностранном языке, так как язык представляет собой продукт развития данного общества и является носителем его культуры. Даже при достаточно высоком уровне языковой компетенции эффективность общения может быть сведена к нулю из-за отсутствия знаний о внеязыковой

действительности. Грамматически и лексически правильно оформленная фраза, не соотношенная с нормами речевого поведения носителей языка, может нарушить коммуникацию¹¹.

В связи с вышеизложенным упражнения нового пособия, сопровождающие тексты, ставят своей целью дать студентам представление как о внешней, так и о внутренней структуре текста. Ведь именно основные положения анализа текста, вне зависимости от языка изложения, лежат в основе обучения смысловому свертыванию, вероятностному прогнозированию и другим важным психолингвистическим механизмам, незаменимым при обучении реферированию и переводу, а также при проведении любой исследовательской работы.

Компрессия и декомпрессия, опущение и добавление материала, синекдоха и метонимия, смысловое свертывание исходного текста при помощи перифразы или различных приемов обобщения (замены частного общим, видового понятия родовым, нахождения общих признаков у ряда явлений, их объединения и пр.), использование семантических эквивалентов, антонимическая и грамматическая инверсия – это лишь некоторые из приемов, необходимых для работы по реферированию, аннотированию и переводу текста, что само по себе невозможно без его полного понимания. С одной стороны, нужно отредактировать, сократить материал, выделить главное, а с другой – не исказить смысл текста, не отрезать часть основной идеи.

Современный этап развития общества требует от будущих специалистов овладения иностранным языком как средством коммуникации для решения проблем профессионального и социального характера, успешного международного сотрудничества. Коммуникативные качества являются составной частью личности студента, его культуры поведения и отношений.

Исследование проблем профессионально-коммуникативной компетентности студентов не только затрагивает лингвистический аспект, но и требует разработки технологий обучения, моделирующих ситуации, которые возникают в сфере профессиональной коммуникации, вовлечения в круг анализа знаний и представлений коммуникантов о мире с целью прогнозирования их реакции и поведения, предвидения развития событий и выбора коммуникативных и информационно-аналитических стратегий. Изучение таких стратегий способствует приобщению студентов к концептуальной системе, картине мировидения, ценностным ориентирам носителей иностранного языка, воспитанию готовности воспринять культуру и коммуникативно-поведенческие нормы другой страны.

Каждому из четырех видов чтения (просмотровое, ознакомительное, поисковое, изучающее) соответствует определенный вид изложения извлеченной информации: аннотация (просмотровое, ознакомительное или поисковое чтение); реферат (ознакомительное, изучающее чтение); полный адекватный письменный перевод (изучающее чтение); рецензия (ознакомительное чтение); интерпретация и резюме (изучающее чтение).

Таким образом, понимание иноязычного текста на основе разных видов чтения можно считать сложным процессом декодирования информации, который осуществляется последовательно с различной глубиной понимания и включает в себя: 1) определение основной проблемы текста и его целевой установки на основе просмотрового чтения; 2) извлечение основной информации текста на основе «золотого ядра» его содержания путем ознакомительного чтения; 3) поиск определенных фактов описания открытий, вывода, формул, грамматических явлений, лексических единиц текста, которые должны присутствовать в данном тексте на основе поискового чтения; 4) изложение полной информации текста, адекватно переданной на русском языке с точки зрения лексических единиц, грамматических явлений и отнесенности текста к определенной речевой форме: текст-описание; текст-рассуждение; текст-комментарий и т. п.

Если говорить о месте, которое занимает учебный текст в общей структуре учебной деятельности, то следует, очевидно, принять, что одна из важнейших его функций – предоставить определенную информацию с целью формирования ориентации человека в окружающем мире¹². Иными словами, в процессе усвоения учебного текста у обучающихся развивается ориентировочная основа деятельности; что же касается исполнительской ее части, то она, естественно, обеспечивается лишь через их собственную активность и руководство со стороны преподавателя. В связи с этим возникает вопрос, в чем именно ориентирует учебный текст.

С нашей точки зрения в учебном тексте можно выделить три наиболее общие функции ориентировки: 1) предметную ориентацию, на основе которой образуются определенные логико-понятийные структуры (представления, понятия); 2) ценностную ориентацию, в процессе которой складываются личностные отношения, формируются социальные идеалы и нормы; 3) инструментальную ориентацию, когда с помощью учебного текста организуются сами действия.

Аналогичные функции сообщения описываются и в модели, предложенной специалистами в области информации (Ю.Н. Кор-

нышев, Г.Л. Фань, И.В. Кузьмин, В.А. Кедрус). По мнению этих исследователей, смысл сообщения заключается в том, чтобы воздействовать на процессы выбора и осуществления человеком решений. Для поведения, направленного на достижение цели, характерны три момента: выбор индивидом направления действий, эффективность способа достижения цели, относительная значимость результатов действий для личности¹³. Эти три момента определяют функции сообщений. Если сообщение обеспечивает индивиду основу для выбора, то оно информирует. Если сообщение изменяет эффективность последовательности действий, то оно инструктирует. Если сообщение изменяет значимость целей, то оно мотивирует.

Таким образом, по своему функциональному содержанию сообщения могут быть трех типов: информацией, инструкцией, мотивацией. В каждом конкретном сообщении могут комбинироваться все три указанных типа содержания сообщения.

Перечисленные функции сообщения, поскольку они вытекают из предполагаемого эффекта воздействия на человека, тесным образом связаны с логико-понятийными, эмоциональными и поведенческими компонентами его деятельности (познанием, чувством и волей).

Основные функции текста на иностранном языке связаны с его общедидактическими функциями – трансформационной, систематизирующей, интегрирующей, координирующей, контролирующей и др. В любом случае следует говорить о научной надежности и действенности текстов, что является возможным резервом их совершенствования.

Выделенные характеристики профессионально ориентированного текста способствуют более глубокому пониманию студентами механизмов кодирования и декодирования мысли, помогают увидеть и проследить логику процесса текстообразования и приводят в итоге к адекватной обработке смысловой информации.

Вслед за Т.А. Лопатухиной мы выделяем следующие функции профессионально-ориентированного учебного текста¹⁴.

Информирующая (или информационная) функция текста проявляется в том, что в нем задана учебная информация. В нашем случае это единицы языка и речи и предусмотренные действия с ними в русле основных видов речевой деятельности, подлежащих усвоению, а также предметное содержание (сведения из различных областей социальной жизни), которыми обучающиеся должны с помощью этих иноязычных средств овладеть.

Мотивирующая (или мотивационная) функция текста состоит в том, чтобы с его помощью обеспечивать стимулирование

речевой деятельности обучающихся и их учебной деятельности в целом, формировать интерес к изучаемому языку, создавать искусственную иноязычную среду, по возможности пробуждать потребность в иноязычном общении, в дальнейшем самообразовании.

Коммуникативная функция текста заключается в том, чтобы с его помощью обеспечивать активную речевую деятельность обучающихся в ее основных видах: говорении, аудировании, чтении, письме, чтобы обучать не иностранному языку вообще, а именно общению на этом языке. Это может быть реализовано только в том случае, если текст содержит градуированную программу действий с иноязычным материалом в виде системы упражнений, в которой овладение иноязычными средствами не является самоцелью, а подчинено решению коммуникативных задач. В этом плане целесообразнее вместо термина «упражнение» использовать термин «задача», выделяя два основных типа задач: условно-коммуникативные (включая сюда очень немногочисленные языковые задачи) и собственно коммуникативные.

Контролирующая функция текста предполагает создание реальных возможностей для осуществления контроля и самоконтроля как условий действия механизма обратных связей и, соответственно, для коррекции и самокоррекции, оценки и самооценки, например с помощью специальных контролирующих упражнений (задач), имеющих форму тестов. Реализация этой функции способствует продвижению обучающихся к поставленной цели, стимулирует учение, обеспечивает подкрепление успехом.

Воспитательная функция текста проявляется в том, что текст как источник информации способствует формированию мировоззрения, моральных и идеологических взглядов и убеждений. Важную роль при этом играет тот факт, что в образовательном процессе вместе с деятельностью преподавателя осуществляется деятельность студента, и параллельно с развитием личности преподавателя идет саморазвитие личности студента, воспитание сопровождается самовоспитанием¹⁵.

Создание дидактических материалов с использованием смыслового, текстоцентрического, культурологического подходов, сравнительно-сопоставительного многоуровневого анализа иноязычного текста и информационно-аналитических стратегий способствует оптимизации учебного процесса и ведет к формированию профессионально-коммуникативной компетенции студентов.

- ¹ *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа: Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 478.
- ² *Сенько Ю.В., Фроловская М.Н.* Педагогика понимания. М.: Дрофа, 2007. С. 129–132; *Полат Е.С., Бухаркина М.Ю.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Изд. центр «Академия», 2007. С. 111–113.
- ³ *Халилова Л.А., Калямова Л.А., Баранова Т.В.* Лингвопедагогические основы Концепции преподавания иностранного языка в свете разработки Программ поколения «три плюс» бакалавриата // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2016. № 2 (4). С. 141.
- ⁴ Здесь и далее см.: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлениям подготовки «41.03.05. Международные отношения», «41.03.01. Зарубежное регионоведение».
- ⁵ *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 135–168; *Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 192.
- ⁶ *Whorf B.L.* Science and Linguistics // MIT Technology Review. 1940. Vol. 42. P. 229.
- ⁷ См., например: *Hymes D.H.* Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1974.
- ⁸ *Баранова Т.В.* Развитие профессионально-коммуникативной компетенции курсантов в военном вузе в дихотомии «базовая – дополнительная языковая подготовка». М.: Военная академия РВСН им. Петра Великого, 2012. С. 39.
- ⁹ *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 50–51.
- ¹⁰ *Халилова Л.А.* Иностраный язык в реалиях архивной эвристики // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 2. С. 67.
- ¹¹ *Халилова Л.А.* Иностраный язык в неязыковом вузе: чему, зачем и как учить // Иностраный язык в образовательных программах гуманитарного профиля. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. С. 11.
- ¹² *Лопатухина Т.А.* Текстотрический подход в образовательном пространстве высшей военной школы (на материале иноязычного образования). Дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь: Ставропол. гос. ун-т, 2003.
- ¹³ См., например: *Корнышев Ю.Н., Фань Г.Л.* Теория распределения информации. М. 1985.
- ¹⁴ *Лопатухина Т.А.* Указ. соч.
- ¹⁵ *Баранова Т.В.* Педагогическое взаимодействие между преподавателем и студентом в высшей школе в условиях новой образовательной парадигмы // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 1. С. 146.

Особенности аксиологического подхода в преподавании иностранных языков в современных условиях

В статье рассматривается необходимость использования аксиологического подхода в преподавании иностранных языков в России. По мнению автора, внедрение этого подхода в обновленной педагогической парадигме представляет собой один из способов гуманизации образования, сохранения национального самосознания, культуры и ценностей.

Ключевые слова: аксиологический подход, системно-ценностные основы образовательного процесса, гуманизация образования, ценности, социокультурная среда.

Одной из важнейших задач, стоящих перед современной российской системой образования, является создание благоприятных условий для ее интеграции с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе¹. При этом ни в коем случае нельзя потерять специфику обучения и воспитания в российских образовательных учреждениях. В связи с этим в процессе обучения в целом и в частности иностранным языкам представляется целесообразным применение аксиологического подхода – философско-педагогической стратегии, предлагающей ресурсы совершенствования системы образования. Разработка и внедрение аксиологических установок и принципов позволит возратить традиционные для российского сознания мировоззренческие позиции и его системно-ценностные основы². Применение аксиологического подхода можно рассматривать как один из возможных путей решения задачи гуманизации образования.

Это особенно актуально с учетом того, что высшее образование сегодня на практике все больше принимает специфическую форму

самоорганизации жизнедеятельности, в которой объект образования ставится в позицию реципиента комплекса профессиональных знаний и компетенций, внешне индифферентную к проблеме внутреннего самоопределения в категориях смысла бытия³.

В настоящее время ученые обращают внимание на то, что никогда еще системы ценностей, исповедуемые человечеством, не играли столь решающей роли в определении не просто содержания человеческой истории, но и того, будет ли она иметь продолжение или прекратится. То, что называется ценностной проблематикой, таким образом, имеет прямой выход к рассматриваемым нами проблемам в области образования. Очевидно, что невозможно осуществлять полноценный учебно-воспитательный процесс без понимания того, что индивидуальная система ценностных ориентаций выступает одной из важнейших подсистем личности. Указанная система образуется и развивается на протяжении жизненного пути человека. В этом принимает непосредственное участие вся совокупность его переживаний, возникающих в результате взаимодействия с окружающей действительностью. Эта система предопределяет формирование психологических основ личности, адекватности ее поведения, направления потребностей и интересов. При этом целостная и устойчивая система ценностей и определяет зрелость личности. Следует констатировать, что человеческие ценности, выполняя функцию стратегических жизненных целей и главных детерминантов жизнедеятельности, предопределяют нравственные устои и принципы поведения обучающегося. В этом случае личность становится объектом целенаправленного воздействия. А в этом как раз и принимает участие все заинтересованное общество⁴.

Преобладающая система ценностей в обществе определяет и методы воспитания обучающихся. В этой связи самого пристального внимания заслуживает воспитывающее обучение, развитие которого неразрывно связано с тенденциями, существующими в данной социокультурной среде и, несомненно, отражающимися в методиках обучения иностранным языкам.

Иноязычное образование имеет противоречие, которое заключается в том, что, с одной стороны, существует потребность в организации воспитательной ценностной коммуникации в процессе обучения иностранному языку, а с другой – недостаточно разработан вопрос ресурсов реализации этих ценностей. Все это зачастую чревато либо отказом от воспитания вообще, либо тем, что в качестве главной задачи ставится самоформирование культурно-языковой личности⁵.

Анализ современных взглядов на роль и место аксиологии в образовательном процессе дает представление об особенностях ее применения в преподавании иностранных языков, имеющих большое значение в развитии социальных коммуникаций.

В этой связи небезынтересно рассмотреть аксиологический подход как с точки зрения совокупности ценностных ориентиров социокультурной среды носителя языка, так и с точки зрения мотивационных факторов, влияющих на эффективность усвоения дидактического материала при преподавании того или иного иностранного языка.

В первом случае следует иметь в виду, что социокультурная среда того или иного носителя языка имеет свои ценностные ориентиры, которые могут значительно отличаться от ценностных ориентиров социокультурной среды субъекта обучения языку, а порой и находиться с ними в противоречии. Именно поэтому представляется важным не только проявлять известную толерантность к существующим особенностям, но и попытаться осознать исторические корни хотя бы основных ценностных ориентиров данной среды. Такой подход поможет в освоении языковых конструкций без внутреннего психологического протеста со стороны обучающегося иностранному языку.

Вместе с тем желание проникнуть в сущность указанных особенностей ценностных ориентиров может стать достаточно убедительным стимулом для изучения дидактического материала.

Рассмотрим влияние социокультурных особенностей изучаемого языка в следующих парадигмах: исторической, лингвистической, психологической, дидактической, методической, мотивационно-личностной.

Исторический ракурс может дать ключ к более глубокому пониманию ценностных ориентиров того или социума, что, несомненно, будет полезно при изучении соответствующего языка. Знакомство с историческим материалом, обнаружение и усвоение возникших в ходе исторического развития закономерностей обогатит обучающегося знаниями, применимыми в коммуникации с изучаемой социокультурной средой.

С точки зрения лингвистики познание развития языка может дать стимул к более глубокому осмыслению собственного языка субъекта познания. Это в свою очередь позволит повысить уровень восприятия ценностных ориентиров социокультурной среды в целом.

Что касается психологической совместимости субъекта познания с изучаемым языком, то это, пожалуй, самый важный аспект

для эффективного восприятия учебного материала. Решающим фактором в заинтересованном изучении иностранного языка выступает внутренняя мотивация обучающегося. Таким образом, восприятие учебного материала через соответствующие ценностные ориентиры социокультурной среды играют не последнюю роль в изучении иностранного языка.

В основном дидактические постулаты в изучении языков имеют универсальный характер. Вместе с тем особенности конкретного языка могут диктовать и некоторые отличные дидактические приемы, более результативные в тех или иных случаях. Примерами успешно работающих дидактических методов могут служить:

«Сократовская беседа» – способствует развитию мышления и воображения, учит рассуждать логически, применять знания для обоснования суждений и выводов, формирует творческие способности;

«Лабиринт» – помогает выработать быстроту ориентации и привлечения знаний в конфликтных ситуациях, когда возможно несколько способов решения проблемы;

«Мозговая атака» и «Аквариум» – направлены на формирование аналитических способностей и творческого мышления.

В методическом плане вполне оправдывает себя предметно-интегрированное изучение языков. Изучая тот или иной предмет на иностранном языке, обучаемый вместе со знанием предмета оттачивает свои познания и в изучаемом языке. При таком методе изучение языков становится более целенаправленным, поскольку язык выступает как инструмент для решения конкретных коммуникативных задач. Кроме того, обучающиеся имеют возможность лучше познать культуру изучаемого языка, что ведет к повышению их социокультурной компетенции. Значительный языковой материал, пропускаемый через себя, позволяет студентам более полно погрузиться в языковую среду, а работа над различными темами – выучить специфические термины, определенные языковые конструкции, что, в свою очередь, способствует пополнению словарного запаса обучающегося предметной терминологией. Все это становится хорошей базой для дальнейшего изучения и применения полученных знаний и умений. Изучение иностранного языка и базового предмета одновременно является дополнительным средством для достижения образовательных целей и имеет положительный эффект как для изучения языка, так и самого предмета.

При определении основных принципов методологического подхода CLIL в разных европейских странах выделяется четыре основных аспекта, охватывающих культурную и языковую среду

и направленных на решение предметных и образовательных задач. Каждый из четырех аспектов реализуется по-разному в зависимости от возраста обучающихся, социально-лингвистической среды и степени погружения в CLIL. Характерными для занятий в формате CLIL являются следующие элементы (4 “С” методики CLIL): Content – содержание, Communication – общение, Cognition – мыслительные способности, Culture – культурологические знания⁶.

Пожалуй, ключевым драйвером в изучении иностранного языка выступает мотивация личности субъекта обучения. Причем в этом случае имеют значение ценностные ориентиры, существующие в конкретном социуме в конкретный исторический период его развития. Так, например, мотивацией изучения немецкого языка во время Второй мировой войны являлось стремление познать и использовать на благо победы язык врага, в то время как в настоящее время существенной мотивацией служит стремление выдерживать конкуренцию на рынке труда.

Экстраполируя аксиологические подходы на другие сферы педагогической деятельности, можно отметить, что преподаватель, организуя образовательный процесс, должен твердо следовать той системе ценностей, которая соответствует современному состоянию социума. Это важно, поскольку любые отклонения, заблуждения либо вольные или невольные искажения в системе ценностей не замедлят сказаться негативным образом на восприятии обучающихся. Отрицательным последствием этого может стать либо ценностная дезориентация, либо следование ложным наборам ценностей, противоречащим особенностям социокультурной среды, существующим в настоящее время.

Анализируя существующую практику преподавания иностранных языков, да и образовательный процесс в целом, нельзя не отметить отсутствие стройной аксиологической системы, несмотря на активное внедрение и использование современных педагогических и информационных технологий. Ценностный подход применяется лишь незначительным числом преподавателей-энтузиастов. Вместе с тем в этом есть настоятельная необходимость, поскольку индивид, усвоивший определенные ценности, может эффективно действовать как в профессиональном плане, так и в обычных условиях существования в социокультурной среде.

Неприемлемым на наш взгляд является «технократический» подход к преподаванию иностранных языков. Различные механические способы «натаскивания» без осмысления ценностных ориентиров способны внедрить в сознание обучающегося искаженные представления об истинном предназначении индивида.

В частности, речь идет о практике подготовки к ЕГЭ по иностранным языкам. Составляемые тесты не могут охватить многообразие ценностных аспектов, которые обучающийся должен усвоить. Безусловно, необходимо менять сложившуюся ситуацию. В этой связи перед нами стоит важнейшая задача модернизации системы оценки знаний по иностранным языкам сквозь призму аксиологических принципов и постулатов. В противном случае мы можем получить критическую массу обучающихся, единственной целью которых станет наилучшее применение на рынке труда.

Вместе с тем современная методика обучения иностранным языкам в определенной степени отходит от важной задачи воспитания молодого поколения в традиционных для российского общества ценностях. При этом развитие личностных качеств, на формирование которых направлено иноязычное образование, осуществляется путем потребления информационных продуктов, имеющих, как правило, западное происхождение и, естественно, несущих в себе ценности западной культуры, которые не всегда отвечают принципам отечественной социокультурной среды. В этом случае проблема решения задачи воспитания через изучение иностранных языков не коррелируется с социально-позитивными целями развития нашего общества и, к сожалению, неактуальна. В то время как в средней школе еще возможно воспитание, понимаемое как некое привитие определенных норм, навыков и умений, осуществляемое посредством других предметов, входящих в программу, то в высшей школе навязывание определенных систем миропонимания практически исключается.

Учитывая приведенные обстоятельства, можно говорить об уникальности современной ситуации в развитии отечественной методики обучения иностранным языкам. Она заключается в ее зависимости от исследований социокультурных проблем личности, а значит, от философии образования. При этом главная ответственность философии в этом процессе заключается в том, что в наше время с «проблемой человека» как основополагающей приходится сталкиваться как с жизненной проблемой, поскольку под вопросом оказывается самое существование человека и цивилизации в целом.

В этой связи представляется, что именно эффективное междисциплинарное образование на иностранном языке отвечает требованиям формирования ценностных ориентаций в процессе обучения, поскольку включает в себя методологию изучения иностранных языков и развития субъектных качеств личности. Эти два элемента, влияющие друг на друга, способны реализовать аксиологическую составляющую в учебно-воспитательной системе.

Владение методологией учебно-познавательной деятельности характеризуется как учебная компетенция – способность эффективного самообразования. Эта способность заключается в осознанной и самостоятельной постановке цели, выборе адекватных способов, рефлексивной самооценке и саморегуляции своей учебной деятельности. Другими словами, обучающийся выступает в роли «я – учитель»⁷. Такая позиция представляет основные качества личности обучающегося как субъекта учебной деятельности, в которой самостоятельность и креативность обеспечивают ее самоопределение и саморазвитие в образовательном процессе. В данном случае креативность понимается как созидательность, проявляющаяся в создании личностного иноязычного речевого продукта. Обучающийся самоопределяется, самореализуется, саморазвивается. Все это определяет субъектность учебной деятельности.

В свою очередь реализация аксиологического подхода позволит рассматривать самостоятельность учащегося как с точки зрения учебных стратегий и действий, так и с точки зрения процессов осознания, отражения самого себя в этой деятельности⁸.

Формирование способности личности осознавать себя в качестве субъекта деятельности непосредственно связано с развитием его способности рефлексировать по поводу своего опыта учебной деятельности, пропуская его через призму индивидуального сознания и образуя на этой основе индивидуальный опыт⁹. Данная способность может рассматриваться в качестве показателя сформированности обучающегося как субъекта учения, имеющего выраженную нормативно-ценностную доминанту и определенную степень учебно-познавательной компетенции. И, что немаловажно, ценностно-нормативная составляющая часть продуктивного обучения иностранным языкам позволяет рассматривать язык как ценностную категорию, ориентирующую процесс обучения и изучения иностранных языков прежде всего на «культурное самоопределение» обучающегося, а не на переориентирование на культурно-исторические ценности страны изучаемого языка.

Как известно, изучение иностранных языков тесно связано с основами мировоззрения человека, которые уже заложены в самом языке, даже если это не осознается человеком и не выражается явно. Следовательно, при разработке методов, форм и содержания продуктивного обучения иностранным языкам на различных его этапах необходимо учитывать аксиологический подход к гуманизации содержания образования, имея в виду, что язык как средство общения обслуживает и отдельного человека, и его социальное окружение во всех областях деятельности: хозяйственной,

общественно-политической, бытовой, в сфере художественной литературы и эстетического воздействия, науки и образования, делопроизводства и личной переписки, досуга¹⁰. Именно внедрение аксиологического подхода в продуктивное обучение иностранным языкам поможет сохранить национальное самосознание, культуру и ценности, что является важнейшей задачей отечественного образования.

Примечания

- ¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. с изменениями 2017–2016 гг. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 04.09.2017).
- ² *Рубцова А.В.* Культурно-ценностные аспекты продуктивного иноязычного образования // Проблемы современной филологии и лингводидактики: Сб. науч. тр. Вып. 3. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 73.
- ³ *Извеков А.И.* Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. С. 112.
- ⁴ *Рубцова А.В.* Аксиологический подход как методологическая основа продуктивного обучения иностранному языку на переходном этапе российского образования // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 83. С. 181.
- ⁵ *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие. М.: Академа, 2004. С. 114.
- ⁶ *Мишота И.Ю.* Некоторые аспекты преподавания иностранных языков в формате СЛІІ и подготовки проведения презентаций по направлению подготовки «Туризм» // Научный вестник МГИИТ. 2016. № 4(42). С. 89.
- ⁷ *Рубцова А.В.* Аксиологический подход... С. 179–184.
- ⁸ *Извеков А.И.* Указ. соч. С. 136.
- ⁹ *Рубинштейн С.Л.* Принципы творческой самостоятельности // Вопросы психологии. 1986. Вып. 4. С. 102.
- ¹⁰ *Рубцова А.В.* Аксиологический подход... С. 179–184.

В.И. Журавлева

Популярная геополитика как социокультурная теория и политическая практика

Рецензия на книгу: *Saunders R.A. Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. N. Y.: Routledge, 2017. 258 p.

В современном глобальном информационном обществе люди формируют представления о мире за пределами своих национальных границ посредством медийных образов, которые распространяются благодаря кинематографу, телевидению и разнообразным цифровым устройствам. Воображаемая реальность мест, пространств и сообществ становится реальностью международных отношений, вступая в сложное и порой противоречивое взаимодействие с национальным брэндом, а популярная геополитика воплощается во внешнеполитических действиях. О том, как и почему это происходит, рассказывается в новой книге профессора Университета штата Нью-Йорк Роберта Сондерса «Популярная геополитика и национальный брэндинг на постсоветском пространстве» на примере западных репрезентаций России и новых евразийских государств, возникших после распада СССР.

В XXI в. правительства уже не могут игнорировать продукцию популярной культуры, во-первых, потому, что она периодически вступает в конфликт с национальным брэндингом, а во-вторых, поскольку она удобна для оправдания внешней политики с опорой на образы дружественных и враждебных «Других», напрямую участвующих в процессе конструирования «Я»-концепции. Люди в основной своей массе переживают опыт внутренней политики непосредственно, а внешней – опосредованно, что открывает безграничные возможности для формирования картины мира,

отвечающей национальным интересам, при помощи СМИ и артефактов популярной культуры.

К примеру, в карикатурах Виталия Подвицкого, сотрудничающего с РИА Новости, это происходит в интересах России. Он любит уподоблять себя «визуальному снайперу» в современной российско-американской «войне образов», изображая, скажем, Барака Обаму в облике Джаббы Хатта, а Владимира Путина в образе джедая Люка Скайуокера¹.

В данном случае Подвицкий, конструируя демонический образ американского «Другого», обращается к культовому фильму «Звездные войны» с его героями, интернационализированной популярной культурой. Посредством этого он не только осуществляет «геополитическую подмену», превращая США в «Империю Зла», а Россию в «Империю Добра», но и продвигает внешнеполитический брэнд «Путин» за счет брэнда «Обама». В свою очередь, американскому карикатуристу Гэри Варвелу международная ситуация представляется в абсолютно ином свете. После аннексии Крыма он изображает В. Путина в облике безумного картографа, готового включить в границы России весь мир². В данном случае двойная рефлексия по поводу воображаемой географии (как американцы воображают то, как Путин воображает мир) позволяет создать демонический образ русского «Другого» и играть на старых страхах Запада вообще и США в частности перед экспансионистскими амбициями Кремля. И это лишь два примера того, как работает мифомоторика популярной геополитики, как в этом мире образов и метафор, визуальных репрезентаций и коммуникативных стратегий формируется воображаемая реальность, отвечающая интересам национальной идентичности.

Книга Р. Сондерса изобилует подобными примерами из области популярной геополитики, которая характеризуется и как теоретический дискурс, и как практическое действие. Автора интересует взаимосвязь между процессом национального брэндинга на постсоветском пространстве и формами географического воображения, своеобразный разрыв между тем, как новые евразийские государства хотели бы представлять себя вовне, и тем, как они извне реально видятся сквозь призму популярной культуры, играющей столь важную роль в производстве и продаже национального брэнда. В итоге проведенное автором исследование позволяет расширить поле изучения проблемы наций и национализма в современную эпоху постмодерна посредством обращения к цифровой национальности (digital nationality), ставшей одной из его важнейших характеристик.

Первые три главы знакомят читателя с методами и исследовательскими практиками популярной геополитики и ее дисциплинарными особенностями. В центре внимания Сондерса находятся три концепта – национальный образ, национальный брэндинг, географическое воображение / популярная геополитика. На основе анализа наиболее важных концептуальных работ он представляет теоретико-методологическое поле и терминологический аппарат популярной геополитики как междисциплинарного направления, возникшего на пересечении критической геополитики, международных отношений и культурологии и черпающего свои исследовательские практики из социального конструктивизма, постструктурализма, сравнительного литературоведения, лингвистики, имагологии, постколониальных исследований, а также исследований культуры и массмедиа. Это направление нацелено на изучение международных отношений посредством образов «Других», запечатленных в популярной культуре и оказывающих влияние на взаимодействие наций, и расширяет наши представления о влиянии новой информационно-коммуникативной среды на международную сферу. При этом базовой триадой популярной геополитики являются нарратив, миф и стереотип, которые проговариваются вновь и вновь, становясь частью традиции и играя свою роль в воображаемом картографировании пространств и мест, друзей и врагов, добра и зла.

Как подчеркивает автор, особое внимание исследователей популярной геополитики привлекает процесс современного мифотворчества и изучение последствий географического воображения для реальной политики, в особенности когда идет речь о конструировании соответствующим обществом образов других наций. Массмедиа и прежде всего артефакты популярной культуры превращаются в первоисточники информации об иностранных национальных коллективах, оказывая влияние не только на представления рядовых граждан, но и на способы коммуникации политиков с публикой по вопросам внешней политики. Неслучайно американский журнал «Foreign Policy», одно из авторитетных мировых изданий по внешней политике США и международным отношениям, регулярно публикует на своем сайте обзоры новых фильмов и телесериалов, в которых конструируются американские образы дружественных и враждебных «Других». В качестве примера можно указать на публикации, посвященные образу В. Путина в третьем сезоне сериала «Карточный домик»³ или собирательному образу русских в сериале «Адаптация»⁴.

Р. Сондерс, ссылаясь на работы конкретных исследователей, показывает, что предметом изучения популярной геополитики

может быть процесс производства культуры при участии политических элит (например, роль Голливуда в поддержании американского превосходства в мире); или популярная культура одновременно как движущая сила политики и ее отражение (например, взаимосвязь между нарративами об американских супергероях, с одной стороны, и изменениями, происходившими в конструировании национальной идентичности в США, геополитике времен холодной войны, динамике гендерного, расового, социально-экономического многообразия – с другой); или проблема артикуляции геополитического видения посредством прочтения популярной культуры (например, медийные репрезентации арабов на форумах фанатов после 9/11).

В зависимости от избранной проблематики авторы работ по популярной геополитике фокусируют свое внимание на кинематографе, телесериалах, комиксах, карикатурах, видеоиграх, популярной литературе и музыке, радиопрограммах, комедийных ситкомах и юмористических передачах, детских играх и репортажах, освещающих международные события из мира спорта, наконец, на продукции социальных медиа (блогах, интернет-мемах, форумах фанатов и др.).

В последующих главах на основе проблемных кейсов Р. Сондерс иллюстрирует, как эти источники оказывают влияние на обыденное геополитическое знание людей, каким образом популярная культура принимает участие в конструировании представлений о постсоветском пространстве на Западе, и прежде всего в англоязычном мире. Изучение процесса производства национального брэнда как государством, так и негосударственными действующими лицами, как изнутри, так и извне позволяет понять, почему представления о постсоветском пространстве остаются столь малоподвижными и почему призраки советского прошлого продолжают будоражить воображение жителей Запада, когда они думают о евразийском регионе.

Исследователь начинает свой анализ с выстраивания галереи архетипов постсоветских злодеев – гангстеров, торгашей, реваншистов, террористов, безумных ученых, используя в качестве источников популярные американские и британские фильмы и телевизионные сериалы.

Затем он переходит к пародийной ментальной картографии, которая позволяла Западу воображать границы с постсоветским «Востоком» после падения «железного занавеса» и превращать страны бывшего Восточного блока, населенные Homo Post-Soveticus, в объект не только насмешек (комический «Другой»), но

и разноплановой деятельности правительств, межправительственных организаций и транснациональных корпораций. В данном случае основными источниками для Р. Сондерса становятся атлас фейковой географии мира, изданный “The Onion” – американской медиакомпанией сатирических новостей (“Our Dumb World: Atlas of the Planet Earth”); путеводитель по вымышленной стране Молвании (“JetLag’s fictive travel guide Molvanîa: A Land Untouched by Modern Dentistry”) и нашумевший в свое время псевдодокументальный фильм-комедия о путешествии казахстанского журналиста Бората Сагдиева по США режиссера Ларри Чарльза с участием британского комика Саши Барона Коэна (“Kazakhstan Borat: Touristic Guidings to Glorious Nation of Kazakhstan”).

Третьим проблемным кейсом становится реконструкция пространственных образов «плохой страны», представляющей угрозу своей неготовностью к переменам, непредсказуемостью, возможными опасными метаморфозами (“trashcanistan’a”, пользуясь метафорой Стивена Коткина⁵). Это и старый пространственный образ малоподвижной страны-ледника, ассоциирующийся с ужасами Сибири, который знаком американцам еще с XIX в. и укоренен в репертуаре смыслов консервативного дискурса, обусловленного текстом о России⁶. Это и новые пространственные образы постсоветского пространства – городской среды как места криминальных разборок, «серой зоны» как места запустения и разрухи, “ground zero” как антимира мутантов и монстров. Продукция Голливуда, телевизионные фильмы, комиксы, видеоигры, новостные и спортивные медиа предлагают весь репертуар перечисленных образов.

Избранный подход позволяет Р. Сондерсу акцентировать внимание на роли популярного географического воображения в закреплении и тиражировании стереотипов и мифов восприятия постсоветских «Других» в их разных ипостасях, а соответственно, в конструировании идентичности на коллективном Западе вообще и в США в частности: как внутри национальных границ (например, «кто такие американцы как нация»), так и за их пределами (например, «кто является врагами Америки, и как мы должны им противостоять»). Популярная культура, представляющая определенным образом постсоветское пространство и населяющих его людей, дает возможность политикам манипулировать эмоциями для достижения конкретных геополитических целей (будь то экспансия НАТО на Восток и экономические санкции или поддержка оппозиционных движений), а рядовым гражданам формировать свое отношение к иным государствам, ранжируя друзей и врагов и превращая их в значимых «Других».

Завершается книга главой, содержащей характеристику того, как новые евразийские государства вообще и Россия в частности занимаются национальным брэндингом, продавая собственный имидж на Западе не только в противовес западной популярной геополитике, но и используя ее. Автора прежде всего интересуют ответы на вопросы о том, почему это получается у всех с разной степенью успешности и как на эти слагаемые успеха влияет популярная культура.

Многоплановая работа Р. Сондерса позволяет конкретизировать наши представления о механизмах взаимовлияния популярной геополитики и международных отношений в эпоху постмодерна и цифрового информационного общества, о роли эмоций в международной среде (страх, отвращение, радость собственного превосходства и т. д.), о причинах устойчивости дихотомических схем восприятия России на Западе, и прежде всего в США, а также готовности апеллировать к мифу о «русской угрозе» (будь то экспансионистские амбиции путинской России или хакерские атаки, инспирированные Кремлем). То, с какими размахом и вкусом русский «Другой» был интегрирован во внутриполитический дискурс в США в ходе президентских выборов 2016 г. и какую роль он играет в современной борьбе между противниками и сторонниками Дональда Трампа, лучшее тому подтверждение.

Безусловно, не все кейсы прописаны в книге одинаково тщательно. Это касается, например, истории восприятия России в США. В данном случае непосредственное влияние на динамику образов оказывал климат двусторонних отношений и национальная повестка дня в каждый конкретный период исторического развития, превращая одни в центральные, а другие в периферийные и усиливая или ослабляя полифонию восприятия. Применительно к современности следовало уделить особое внимание персонифицированному образу путинской России на Западе, что находит свое ярчайшее выражение в американской политической карикатуристике. В последней главе было бы уместно сказать о том, как новые евразийские государства используют для своего национального брэндинга образ Запада в качестве «Другого». Кроме того, существует определенное смещение акцентов в сторону изучения популярной геополитики, хотя проблематика национального брэндинга заявлена в названии как равноценная составляющая книги.

Однако в целом Р. Сондерс блестяще решает поставленные исследовательские задачи. Его новаторская, написанная со вкусом и знанием дела книга будет в одинаковой степени интересна исследователям, работающим на пересечении популярного и политиче-

ского знания, преподавателям и студентам, а также всем тем, кто стремится понять, как артефакты популярной культуры и геополитические «воображатели» от писателей и кинематографистов до комиков и карикатуристов вносят значимый вклад в конструирование картины мира, лежащего за пределами национальных границ, и как эта воображаемая реальность становится частью мировой политики, оказывая непосредственное влияние на взаимоотношения между странами и народами. В конце концов, как верно замечает автор, мы живем в мире постмодернистской геополитики, где CNN подменяет дипломатическую почту, Твиттер побеждает ведущие традиционные СМИ типа New York Times, а Анджелина Джоли имеет большее влияние, чем премьер-министр Намибии.

Примечания

- ¹ Карикатура Подвицкого «На каждую темную сторону силы найдется свой джедай» [Электронный ресурс] // URL: http://podvitski.ru/pictures/comix/1579/1579_big.jpg (дата обращения: 01.09.2017).
- ² *Varvel G.* Putin the Cartographer [Электронный ресурс] // The Association of American Editorial Cartoonists. 2014. March 21. URL: <http://editorialcartoonists.com/cartoon/display.cfm/130965/> (дата обращения: 01.09.2017).
- ³ *Standish R.* “House of Cards” Needs to Read up on Russia [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2015. Feb. 27. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/02/27/house-of-cards-russia-putin-kevin-spacey-netflix-season-3/> (дата обращения: 01.09.2017).
- ⁴ *Ferris-Rotman A.* The Next Must-Watch TV Show is Russia’s Version of “The Americans” [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2017. March 23. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/23/the-next-must-watch-tv-show-is-russias-version-of-the-americans/> (дата обращения: 01.09.2017).
- ⁵ *Kotkin S.* Trashcanistan // New Republic. 2002. № 226 (14). P. 26–38.
- ⁶ Об этом см.: *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. С. 378–379.

Abstracts

Э. Акимова, Э. Джафарова, Д. Курковский,
Е. Родина, К. Шрёдер

Зачем обучаться за рубежом: методы оценки эффективности программ академического обмена между США и Россией

В статье рассматриваются результаты исследовательского проекта, реализованного в рамках Стэнфордского российско-американского форума, который является платформой, объединяющей усилия студентов из университетов России и США по осмыслению наиболее злободневных проблем двусторонних отношений. Участники рабочей группы «Образование и программы по зарубежному регионоведению» изучали программы обмена с целью установить, насколько они эффективны с точки зрения формирования академических знаний и культурной компетентности у студентов как будущих экспертов по США и России. Результаты исследования подтвердили, что долгосрочные программы обмена позволяют студентам улучшить свои лингвистические навыки и повысить культурную компетентность. При этом, как выявили участники проекта, ориентационные материалы, выдаваемые студентам до обмена, часто содержат стилистически окрашенную лексику и оценочные описания, что может способствовать укреплению стереотипов восприятия.

Ключевые слова: российско-американские отношения, регионоведение, программы обмена.

T. Baranova, L. Khalilova, L. Kalyamova

Text analysis in a new generation manual. Theoretical and methodological basis

The article discusses the theoretical and methodological basis of a new generation manual. The process of teaching a foreign language is set up on an implication ground when an educational text is rated as a unit for education. The manual assignment selection provides insight

into both the outer and the inner structure of a text; the exercises model the situations that arise in the sphere of professional communication. The correct text interpretation, adequate reaction, reproduction and the consequent text production lead to the formation of the professional and communicative competence of students majoring in International Relations and Foreign Area Studies.

Keywords: new generation manual, educational text, unit for education, implication, professional and communicative competence, International Relations, Foreign Area Studies.

I. Baskakova

Establishment of the International Financial Center “Astana” within the EAEU Common Financial Market

The article considers the establishment of the EAEU common financial market, the main areas of cooperation and the achieved results. The focus is on the Kazakhstan project of International Financial Center “Astana” project and its significance for the common financial market formation.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, financial market, Kazakhstan, block chain.

I. Khanova

Kazakhstan – Uzbekistan. History of cooperation and prospects of interaction

This article describes the relations between Kazakhstan and Uzbekistan, the major complications taking place in the two countries' collaboration. The author also analyzes the roles and positions in the modern geopolitical system. Special attention is paid to the World-powers policy in regard to Kazakhstan and Uzbekistan. According to the author, Kazakhstan and Uzbekistan as two leaders of Central Asia have significant potential for expanding the political, economic, cultural and humanitarian ties, what will contribute to the stable development of those states and strengthening the region security.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Russia, China, USA, World-power, international relations, integration processes.

E. Loehken

“You also can be like us”.
The image of Americanized
Europe in the Marshall Plan films

The article is devoted to the analysis of the Marshall Plan films during the first stage of the Cold War. The attention of the author is aimed at studying propagandistic strategies, which were used by the USA to form the European audience views about the Marshall Plan purposes and the advantages of free trade. This perspective of the study allows us to suggest that the objectives of the Marshall Plan were far broader than the economic ones and included elements of “soft power”. By exporting American goods, technologies and culture under the guise of an unprecedented charity campaign, the USA tried to provide itself with a reliable strategic partner – the so-called “United States of Europe”, what met the American vision of democracy and the way of life.

Keywords: Marshall Plan, Cold War, economic expansion, US cultural diplomacy, postwar Europe, propagandistic cinema, “soft power”, cultural export, G. Marshall.

N. Mezhevich, V. Smirnov

Structural factors forming political elites
in the Baltic States. 1991–2017

Political elites largely determine the main development vector of a particular state. After collapse the Soviet Union collapse in the post-Soviet states, including the Baltic, new power wielding groups were gradually formed. The article presents results of research on the role of structural factors in the formation of the Baltic States elites and their influence on the society economic and political development. The authors show that the process of forming politically active circles, acting as a kind of transformation drivers in the studied territories, began long before their independence.

Keywords: the Baltic States, Latvia, Lithuania, Estonia, political elites, post-Soviet states.

E. Melkumyan

New trends of the US policy in The Gulf region

The paper describes the policy of the US in the Gulf region since the 1970s, when the US depended on its energy deliveries. For a long period of time the US was the main exporter of weapons to Arab monarchies of the region, and in the 2000-s it became their principal strategic ally. The production of shale oil in the USA resulted in reducing Washington's involvement in the regional affairs. Another negative factor for the Gulf States became the improvement of relations between the USA and Iran. With the rise of President Trump to power, the situation has changed since he took a course to strengthen the strategic alliance with Arab countries of the region and to fight together with them against Iran.

Keywords: USA, Gulf region, strategic ally, oil, Trump, Iran.

I. Mishota

Features of axiological approach to teaching foreign languages in present-day conditions

The article deals with the need for the use of axiological approach in teaching foreign languages in Russia. According to the author's point of view, the introduction of this approach in the updated pedagogical paradigm is a way for the humanization of education, preservation of national identity, culture and values.

Keywords: axiological approach, system and value basis for education process, humanization of education, values, sociocultural environment.

S. Novoselskiy

“Disturbance” or “revolution”? 1905 assessed by the representatives of the authority and Russian conservatives

The article considers the revolutionary crisis that Russia faced in 1905 through the assessments of the top bureaucracy representatives and a number of conservative thinkers. The author seeks the criteria of determining the political situation in the country as “disturbance” or “revolution” as well as the factors and stages of the revolutionary crisis transformation from one of these phases to another. The terminological

analysis undertaken by the author makes it possible to reveal some specific political reflection of authority and society and to ask a question whether the chronological and typological characteristics of the First Russian Revolution, generally accepted in historiography, are legitimate.

Keywords: the First Russian Revolution, 1905, social and political thought, top bureaucracy, conservatism.

O. Pavlenko

Pan-Slavism myth in the Cold War western historiography

The article deals with the key western works on Pan-Slavism, published during the Cold War period. The author analyses an ideology influence on research concepts. The geopolitical realities of the Cold War consolidated the Pan-Slavic historiography myth that was created as far back as the inter-war period. These realities also contributed to the fact that the myth – without any critical analysis or scientific comprehension – was included in the research on the history of international relations and the Russian foreign policy of the 19th – 20th centuries. Nevertheless, together with the works based on ideological cliché, in the USA and Western Europe there developed a scientific school that investigated the Slavic factor in its entire complexity and that was grounded on the comparison of various sources.

Keywords: Pan-Slavism, Cold War, Rossica, Sovietology, Slavic issue.

A. Sakulin

Normative approach as one of the methods of Governance research

The article is aimed at revealing the content of such a phenomenon as Governance: the author considers an origin of the concept and demonstrates prevailing approaches to Governance study. Special attention is paid to the normative approach. This is due to the fact that it helps to identify something normative and common in many documents being in the root of the practical political transformations in the countries of the world. The generalization of the use of Governance

concept in each of the approaches enables us to identify common features and suggest the author's definition of the concept.

Keywords: Governance, rule, administration, hierarchy, net, actors, power, communication.

M. Sirotinskaya

Principle of intervention in the context of European revolutions of the mid-19th century. U.S. perception

Perception by American contemporaries of the principle of intervention, in the context of the visit to the United States of Louis Kossuth, the leader of the Hungarian national movement (late 1851 – first half of 1852), is analyzed by material of US Congress and American press. Understanding of the concept and practice of intervention reflected their sectional, party, political, ethnic prejudices. In the opinion of most Americans, intervention is differentiated from war, especially seen in the light of a “just war” tradition. The principle of intervention is associated by some of them, in particular, by the advocates of “Young America” – the faction of the U.S. Democratic Party, and a number of their opponents, with both the containment and the promotion of revolutionary ideology. Intervention is viewed as a tool of an international order transformation, as a transnational practical experience. So the interpretation of an idea of intervention in keeping with the modernity is proposed.

Keywords: principle of intervention, Louis Kossuth, Revolutions of the mid-19th century in Europe, perception in the U.S.

A. Zakirov

GR-strategies. Stages of realization

The article reveals principal issues in forming the relations of business actors with public authorities, particularly GR-strategies realization process. This process includes five interrelated stages which play a huge role in the determination of development direction, aims, objectives and level of business actors' competitiveness in politics. The author considers that the observance of the stages is the main factor for success in business-government relation.

Keywords: business-government relation, Government Relations, GR, business-actors, authority, lobbyism.

Сведения об авторах

Акимова Эвелина Тамерлановна – аспирант социологического факультета, Оксфордский университет, колледж Св. Антония, evelina.akimova@sociology.ox.ac.uk

Баранова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, kafedra_iai@mail.ru

Баскакова Ирина Андреевна – преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, irenthelst@yandex.ru

Джафарова Зибейда Илкин кызы – магистрант Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ziba.jafarova@gmail.com

Журавлева Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ; руководитель программы по американистике, замдекана по науке факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, zhuravlevavic@mail.ru

Закиров Айдар Робертович – аспирант кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, azr12353@gmail.com

Калямова Людмила Алексеевна – доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, kafedra_iai@mail.ru

Курковский Давид Львович – стипендиат Parker Huang Fellowship, Йельский университет; иностранный студент-исследователь, Национальный университет «Киево-Могилянская академия», david.kurkovski@yale.edu

Лёкен Евгения Валерьевна – аспирант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, zhenya.loehken@gmail.com

Межевич Николай Маратович – доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, mez13@mail.ru

Мелкумян Елена Суменовна – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права ИАИ РГГУ, g.kosach@mail.ru

Мишота Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, kafedra_iai@mail.ru

Новосельский Сергей Сергеевич – аспирант, преподаватель кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права ИАИ РГГУ, novoselsky.rggu@gmail.com

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, проректор по научной работе РГГУ; заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, pavlenko@rggu.ru

Родина Елена Анатольевна – аспирант, отделение медиа, технологии и общества, Школа коммуникаций, Северо-Западный университет (США), rodina@u.northwestern.edu

Сакулин Артем Сергеевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права ИАИ РГГУ, as_sakulin@mail.ru

Сиротинская Мария Моисеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, masha_sirotinskaia@mail.ru

Смирнов Вадим Анатольевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта, vsmirnov@kantiana.ru

Халилова Людмила Ахтемовна – кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, kafedra_iai@mail.ru

Ханова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, irkh_76@mail.ru

Шрёдер Кэтрин – аспирант, юридический факультет, Университет Пенсильвании (США), kschroed@pennlaw.upenn

General data about the authors

Akimova Evelina T. – postgraduate student, Faculty of Sociology, University of Oxford, St. Antony's College, evelina.akimova@sociology.ox.ac.uk

Baranova Tatiana V. – Ph.D. in Pedagogy, associate professor, Foreign Languages Department, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kafedra_iai@mail.ru

Baskakova Irina A. – lecturer, Department of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, irenthe1st@yandex.ru

Dzhafarova Zibeyda I. – graduate student, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”, ziba.jafarova@gmail.com

Kalyamova Liudmila A. – associate professor, Foreign Languages Department, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kafedra_iai@mail.ru

Khalilova Lyudmila A. – Ph.D. in Philology, professor, head, Foreign Languages Department, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kafedra_iai@mail.ru

Khanova Irina E. – Ph.D. in Philosophy, associate professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, irkh_76@mail.ru

Kurkovskiy David L. – Parker Huang fellowship, Yale University; international research student, National University of Kyiv-Mohyla Academy, david.kurkovskiy@yale.edu

Loehken Evgeniya V. – postgraduate student, Department of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zhenya.loehken@gmail.com

Melkumyan Elena S. – Dr. in Political Science, professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, g.kosach@mail.ru

Mezhevich Nikolay M. – Dr. in Economics, professor, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, mez13@mail.ru

Mishota Irina Yu. – Ph.D. in Pedagogy, associate professor, Foreign Languages Department, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kafedra_jai@mail.ru

Novoselskiy Sergey S. – postgraduate student, lecturer, Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, novoselsky.rggu@gmail.com

Pavlenko Olga V. – Ph.D. in History, vice rector for Research, Russian State University for the Humanities; head, Department of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and of Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pavlenko@rggu.ru

Rodina Elena A. – postgraduate student, Media, Technology, and Society Program, School of Communication, Northwestern University, rodina@u.northwestern.edu

Sakulin Artem S. – postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, as_sakulin@mail.ru

Schroeder Katherine – postgraduate student, The University of Pennsylvania Law School, kschroed@pennlaw.upenn

Sirotsinskaya Maria M. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, masha_sirotinskaia@mail.ru

Smirnov Vadim A. – Ph.D. in Political Science, senior research fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, vsmirnov@kantiana.ru

Zakirov Aidar R. – postgraduate student, Department of Political Science, Institute of Philosophy, Social Sciences and Mass Communication, Kazan Federal University, azr12353@gmail.com

Zhuravleva Victoria I. – Dr. in History, professor, Department of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives; director, Program on American Studies; vice-dean for Research, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, zhuravlevavic@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Ж.П. Григорьева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 18.12.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 10,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 197

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71127.
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
